

ISSN 2073-6606

TERRA ECONOMICUS

13
ТОМ

2015

3
номер

TERRA ECONOMICUS

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 16 января 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-34982

**Журнал издается с 2003 г.,
выходит 4 раза в год.
Подписной индекс 81958**

**До 2009 г. — Экономический вестник
Ростовского государственного университета**

Журнал включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ ведущих научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук

Учредитель: Южный федеральный университет

Главный редактор Мамедов О.Ю.

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии и экономической политики экономического факультета, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Редакционная коллегия:

- Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Вольчик В.В. (зам. главного редактора), доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Овчинников В.Н., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Редакционный совет:

- Овчинников В.Н., председатель, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Архипов А.Ю., доктор экономических наук, профессор, директор Высшей школы бизнеса Южного федерального университета, Россия
- Белокрылова О.С., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Белоусов В.М., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Боровская М.А., доктор экономических наук, профессор, ректор Южного федерального университета, Россия
- Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Кетова Н.П., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Крюков С.В., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Лукьянцев А.А., доктор юридических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Макаренко В.П., доктор политических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Михалкина Е.В., доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Южный федеральный университет, Россия
- Нуреев Р.М., доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия
- Оганесян А.А., кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Южный федеральный университет, Россия
- Сероштан М.В., доктор экономических наук, профессор, первый проректор Южного федерального университета, Россия
- Туманян Ю.Р., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Ханин Г.И., доктор экономических наук, профессор, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирский государственный технический университет, Россия
- Цыганенко С.С., доктор юридических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Шевченко И.К., доктор экономических наук, профессор, проректор по организации научной и проектно-инновационной деятельности, Южный федеральный университет, Россия
- Эллан М.Дж., почетный профессор Амстердамского университета, Нидерланды

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105/42.
Тел.: (863) 265-31-58, 264-84-66
факс: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88, к. 211.
Тел.: 8 (863) 250-59-54
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
http://te.sfedu.ru/

TERRA ECONOMICUS

Registered by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Date of registration: 16th January, 2009.
Registration certificate PI № FS77-34982

Founded: 2003
Quarterly Journal
Subscription index in «Rospechat»
catalogue: 81958

**Before 2009 – Economic Herald
of Rostov State University**

TERRA ECONOMICUS is included into
«The list of the leading scientific journals
and publications under review, where the basic scientific
research results of the theses for academic Degrees
of Doctor and Candidate should be published»
of the Higher Attestation Commission (HAC),
the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Editor in Chief Mamedov O.Yu.

Doctor of Economics (DSc), Professor, Head of the Department of Political Economy and Economic Policy of the Economic Faculty,
Honored Worker of Science of the Russian Federation, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Editorial Board:

- Mamedov O.Yu., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Aleshin V.A., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Volchik V.V. (Deputy Editor), Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Matveeva L.G., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Ovchinnikov V.N., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia

Editorial Staff:

- Ovchinnikov V.N., Chairperson of Editorial Staff, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Aleshin V.A., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Arkhipov A.Yu., Doctor of Economics, Professor, Director of Higher School of Business, Southern Federal University, Russia
- Belokrylova O.S., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Belousov V.M., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Borovskaya M.A., Doctor of Economics, Professor, Rector of the Southern Federal University, Russia
- Ellman M.J., Emeritus Professor, Amsterdam University, Netherlands
- Ketova N.P., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Khanin G.I., Doctor of Economics, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration - Siberian Institute of Management, Novosibirsk State Technical University, Russia
- Kryukov S.V., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Lukyantsev A.A., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Makarenko V.P., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Mamedov O.Yu., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Matveeva L.G., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Mikhalkina E.V., Doctor of Economics, Professor, Dean of the Economic Faculty, Southern Federal University, Russia
- Nureev R.M., Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia
- Oganessian A.A., Candidate of Economics, Principal Researcher, Southern Federal University, Russia
- Seroshtan M.V., Doctor of Economics, Professor, First Vice-Rector, Southern Federal University, Russia
- Shevchenko I.K., Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector for Research and Innovation, Southern Federal University, Russia
- Tsyganenko S.S., Doctor of Laws, Professor, Southern Federal University, Russia
- Tumanyan Yu.R., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Volchik V.V., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia

The articles assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements which are
available at <http://te.sfedu.ru/avtoram.html>. Articles which do not follow the rules are rejected by the Editorial Board.
The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected.
Post-graduates' articles to be published are free of charge.

Founder's mailing address:

Bolshaya Sadovaya St., 105,
Rostov-on-Don, Russia, 344006.
Phone: (863) 265-31-58, 264-84-66
Fax: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Editorial office:

of. 211, Gorkogo St., 88,
Rostov-on-Don, Russia, 344002.
Phone: + 7 (863) 250-59-54
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
<http://te.sfedu.ru/en/>

СЛОВО РЕДАКТОРА

Мамедов О.Ю. Экономика «готского периода»	6
--	---

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Нуреев Р.М., Ахмадеев Д.Р. Формальная и неформальная занятость как «близнецы-братья»: современная российская практика	16
Воейков М.И. А.И. Герцен и теория опережающего развития	34
Наумов С.В. Инвестиции в общественном секторе экономики и дефицит определенности на пути освоения Россией современных экономических механизмов	55

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Попов Г.Г., Щеголевский В.А. Демографическая теория Т. Мальтуса и экономическая история Российской империи	67
--	----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Розанова Н.М., Баранов А.А. Риск-менеджмент в современном банковском бизнесе	78
--	----

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Сироткина Н.В., Стукало О.Г. Кластеризация экономического пространства региона в контексте формирования индустрии продовольствия	99
---	----

ВОЗРОЖДАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Паин Э.А. О реверсивных процессах в развитии постсоветской России	110
Мареева С.В. Институциональное доверие и эффективность институтов в сложных жизненных ситуациях: мнение россиян	124
Сидорина Т.Ю., Ищенко Н.И. Трудоцентризм как образ жизни: пределы трудовых возможностей человека	136

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

Лукьянцев А.А. Современное гражданское законодательство России в системе частного права	147
---	-----

ОН ТАКОЙ ОДИН

Мэйнстринг Дж.У. Повесть о том, как один экономист двух политиков прокормил	156
---	-----

EDITORIAL

Mamedov O. Economy of the Gothic period	6
--	---

CONTEMPORARY ECONOMIC THEORY

Nureev R., Akhmadeev D. Formal and informal employment as «twins brothers»: modern Russian practice	16
Voyeykov M. A.I. Herzen and the theory of advanced development	34
Naumov S. Investments in the public sector of economy and shortage of certainty on the way of Russia's mastering of modern economic mechanisms	55

ECONOMIC HISTORY

Popov G., Shchegolevsky V. Demographic theory of T. Malthus and economic history of the Russian Empire	67
--	----

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMIC PRACTICE

Rozanova N., Baranov A. Risk management in modern banking	78
--	----

REGIONAL ECONOMY PROBLEMS

Sirotkina N., Stukalo O. Clustering of economic space in the region in the context of forming food industry	99
---	----

REVIWING THE WHOLENESS OF SOCIAL SCIENCE

Pain E. On reverse processes related to post-Soviet Russia development	110
Mareeva S. Institutional trust and institutions' effectiveness in difficult straits in views of Russians	124
Sidorina T., Ishchenko N. Labour centrism as a lifestyle: limits of the labour's possibilities of people	136

ACTUAL PROBLEMS OF MODERN LAW

Lukyantsev A. On modern civil law in Russia in the system of private law	147
---	-----

HE IS THE ONE!

Meinstring J.W. How one economist feed two politicians	156
---	-----

ЭКОНОМИКА «ГОТСКОГО ПЕРИОДА» (К 140-ЛЕТИЮ «КРИТИКИ ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ» К. МАРКСА)

Октай МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой политической экономии и экономической политики,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

Весной 1875 года научная политэкономия обогатилась интеллектуальным сокровищем – критическим разбором К. Марксом проекта программы будущей объединенной социал-демократической партии Германии, учредительный съезд которой (посредством принятия Программы) должен был состояться в городе Готе. Однако с самим текстом сочинения (позже названного Ф. Энгельсом «Критика Готской программы») мир познакомился шестнадцать лет спустя, после ее публикации Ф. Энгельсом в 1891 году в теоретическом органе германской социал-демократии – журнале «Die Neue Zeit». Автор привлекает внимание читателей к тем аспектам марксовой работы, которые актуализированы современным состоянием российского общества и происходящими в нем процессами.

Социалистическая система высшего образования была насквозь идеологической, как, собственно, и все координаты советской жизни. Это погубило, в конце концов, и высшее образование, и советское общество. Но «рекорд идеологического Гиннеса» состоялся: не было студента тех лет, который не вздрагивал бы при воспоминании о работе К. Маркса «Критика Готской программы». А зря – читали бы Маркса, глядишь, сегодня было бы меньше проблем. Автор концентрируется на таких вопросах, как – актуальность методологического потенциала рассматриваемой работы К. Маркса, соотношение свободы общества и свободы государства, военно-государственный деспотизм, несостоявшиеся пророчества, а также российская судьба «готских» идей Маркса.

Автор вводит в понятийный аппарат современной социальной теории категории «готское общество» и «готская экономика», имея в виду наличие в них тех характерных признаков, которые предвидел Маркс в условиях переходного от капитализма к социализму строя.

Ключевые слова: классическая политическая экономия; современная экономика; государство и гражданское общество

ECONOMY OF THE GOTHIC PERIOD (TO THE 140TH ANNIVERSARY OF THE «CRITIQUE OF THE GOTHA PROGRAMME» BY K. MARX)

Oktay MAMEDOV,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Head of the Department of Political Economy and Economic Policy,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

In spring 1875, a treasure of theoretical thought, a critical review of the draft programme of the United Workers' Party of Germany, «Critique of the Gotha Programme» by Karl Marx, had enriched the political economy science. However, only 16 years after the public became acquainted with the «Critique of the Gotha Programme»: it was published by Engels in 1891 in «Die Neue Zeit» – German socialist theoretical journal of the Social Democratic Party of Germany. The author attracts the readers' attention to those aspects of Marx's work which are relevant in context of processes taking place in modern society.

The socialist system of higher education has been thoroughly ideological, as, indeed, all the coordinates of Soviet life. It ruined, after all, higher education, as well as the Soviet society. But «the ideological Guinness record» took place: there was no a student of those years that didn't flinch when hearing on Karl Marx's «Critique of the Gotha Program». Though, if Marx's work was read, we have fewer problems today. The author focuses on the issues such as relevance of the methodological potential of the work by K. Marx, relation of freedom of society and freedom of state, military-government despotism, failed prophecy and fate of Marx's «Gothic» ideas in Russia.

The author introduces categories of «Gothic society» and «Gothic economy» within the conceptual apparatus of modern social theory, referring to the presence of the characteristic features of which Marx had foreseen in the transition from capitalism to socialism.

Keywords: classical political economy; modern economy; state and civil society

JEL classifications: A11, B14

TERRA ECONOMICUS 2015 Том 13 № 3

МОГУТ ЛИ БЫТЬ АКТУАЛЬНЫМИ МЫСЛИ 140-ЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ?

Могут. Во всяком случае, в мире поклоняются сочинениям с гораздо более давними размышлениями, которым до сей поры внимают и которые почитают множество людей. И каждое новое поколение находит в них мудрость, столь необходимую ему для понимания текущих событий¹.

Актуальность «научающих» размышлений марксовой критической работы доказывается всеми 140 годами, прошедшими с момента ее появления.

МАСТЕР КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Маркс, непреклонный революционер «по жизни», был и не менее непреклонным «интеллектуальным революционером». Это значит, что ни одно, даже малейшее, от-

¹ По-своему знаменательные события, связанные с «Критикой Готской программы» Маркса, происходят и в наши времена: так, Министерство внутренних дел и спорта Нижней Саксонии неоднократно ссылалось на эту работу, что породило удивительную дискуссию на заседаниях чиновников о том, что же все-таки преобладает в исследованиях К. Маркса – идеология или наука? (*Verhältnis der Landesregierung zum Werk von Karl Marx*).

клонение от истины не только не оставалось им не замеченным, но и (к ужасу отклонившихся) – не отомщенным².

ПАРТИЙНАЯ ПРОГРАММА И БЕСПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ

Маркс обладал потрясающей способностью творить афористические формулировки. Ну разве не гениальна его виртуозная игра с вербальной «подачей» оппонентов: Прудон назвал свою книгу «Философия нищеты» – и получил уничижительную отповедь под названием «Нищета философии»; противник вызывает к «авторитету силы» – Маркс парирует «силой авторитета»; Луи Бонапарт совершает государственный переворот – Маркс отвечает памфлетом, иронически озаглавленным «18 брюмера Луи Бонапарта»³.

Молодое поколение экономистов должно знать, что именно в «Критике...» Маркс отчеканил главный принцип экономического анализа – «Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ».

В гносеологическом аспекте это означает – изучать программы (намерения) надо, но еще важнее – исследовать реальное, действительное движение. Другими словами, дело партийцев – сочинять программы, с которыми практически не знакомы их избиратели, но которые в данном пункте являются «союзниками» Маркса, предпочитая хоть один реальный шаг обсуждению программы партии.

В этой же статье Маркс формулирует два не менее известных афоризма – «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» и «Налоги – это экономическая основа правительственной машины, и ничего другого». Великолепно!

ПРЕДРЫНОЧНАЯ СУЩНОСТЬ «ГОТСКОГО ОБЩЕСТВА»

Сущностная характеристика и основные признаки переходного от капитализма к следующей исторической ступени строя (названного Марксом социалистическим), принципиальная модель которого была изложена в «Критике Готской программы» (что и дает нам основание ввести понятие «готское общество»), были строго научно выведены Марксом из промежуточной, двойственной природы этого общества как «капиталистически-социалистической» общественной формы (вобравшей все достоинства и недостатки каждого строя), раздираемой соответствующими противоречиями.

Если социальная природа дореволюционной царской России не таила никаких тайн, будучи историей обыкновенного феодального общества (вплоть до октября 1917-го, удачно отбивавшего все попытки хоть каких-нибудь изменений); если в сменившей ее советской эпохе также не наблюдалось особых социальных тайн, так как это была история обыкновенного псевдо-идеократического общества (вплоть до августа 1991-го, удачно отбивавшего все попытки хоть каких-нибудь изменений), то переходному, предрыночному состоянию «готского общества» соответствуют псевдорыночные (в основном риторические) перемены, и дальнейшие исторические перспективы страны зависят от того, удастся ли ей и дальше отбивать попытки реальных рыночных изменений.

² У Маркса был невероятный, уникальный «интеллектуальный слух», блестяще продемонстрированный им еще в 1842 году в статье «Дебаты о свободе печати» – своеобразной настольной книге каждого начинающего интеллектуала. В ней Маркс демонстрирует свой неповторимый «мастер-класс» – он последовательно приводит тексты внешне благообразных параграфов предлагаемого закона о печати, а затем безжалостно препарирует их, показывая истинную цель законодателя. Восторг и потрясение ожидают каждого читателя этой удивительной статьи!

³ Государственный переворот, осуществленный 9 ноября 1799 года Наполеоном Бонапартом, по якобинскому календарю соответствовал «18 брюмера», отсюда и говорящее название работы Маркса; это еще что – защищая мозельских виноделов, Маркс обвинил могущественного министра в том, что тот в ответ на жалобу виноделов «издал пороссячий визг». Разразился грандиозный скандал. И что вы думаете? Доказал!

Как же Маркс характеризует «готское общество» – его сущность, экономику, политику?

КТО КОМУ ДОЛЖЕН?

Маркс отмечает вневременную «универсальность» основного положения в критикующей им программе, согласно которому «приносящий пользу труд возможен только в обществе и при посредстве общества», поэтому и «доход от труда принадлежит обществу». В результате, пишет Маркс, «во все времена защитники каждого данного общественного строя выдвигали это положение» как доказательство «законности» получения обществом основной части созданного совокупного продукта.

Но именно это вынуждает Маркса провидчески предупреждать – под маской общества на самом деле часто прячется «государство»; поэтому, пишет он, «прежде всего, выступают притязания правительства и всего того, что к нему липнет, – ведь правительство является, мол, общественным органом для сохранения общественного порядка...».

Как верно и как красиво сказано – «притязания... всего того, что к нему (государству) липнет», – ведь подчас то, что липнет, стократ прожорливее того, к чему оно липнет!

Вывод Маркса прост и беспощаден – «Эти пустые фразы можно, как видите, вертеть и поворачивать как угодно».

КРАТКИЙ КУРС ПОЛИТЭКОНОМИИ

В статье изложено самое краткое в мировой литературе описание сущности научной политической экономии – «Всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Распределение же последних выражает характер самого способа производства. Например, капиталистический способ производства покоится на том, что вещественные условия производства в форме собственности на капитал и собственности на землю находятся в руках не рабочих, в то время как масса обладает только личным условием производства – рабочей силой. Раз элементы производства распределены таким образом, то отсюда само собой вытекает и современное распределение предметов потребления. Если же вещественные условия производства будут составлять коллективную собственность самих рабочих, то в результате получится также и распределение предметов потребления, отличное от современного. Вульгарный социализм (а от него и некоторая часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда изображать дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения».

Охарактеризовать великое социальное учение в нескольких, да еще понятных, строчках – это под силу только гению!

СВОБОДА ОБЩЕСТВА VS СВОБОДЫ ГОСУДАРСТВА

По Марксу, «свобода (общества – О.М.) состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный», поэтому и «свобода государственных форм определяется тем, в какой мере они ограничивают „свободу государства“». Каким преобразованиям подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами, какие общественные функции будут представлять государственные? Работы Маркса до сих пор образуют методологическую основу (раньше – явную, сегодня все чаще – неявную) для поиска ответа на эти вопросы (см., например, *SocialistWorker.org*, 2012).

Этот знаменательный вывод сегодня еще актуальнее, чем 140 лет назад⁴, – по Марксу, обществу, если оно хочет быть свободным, надо искать, строить, защищать и обновлять такие «государственные формы» (институты), которые ограничивали бы свободу государства от общества, а не усиливали бы эту, пагубную для общества, «свободу» государства. Маркс не допускает никаких компромиссов в различении понятий «общество» и «государство», поэтому, как справедливо отмечает Джосс Винн, «большая часть его критики Готской программы посвящена нападению на развитие государственного социализма, потому что он знал, что может быть только одна форма либерального капитализма» (Winn, 2014).

Отсюда, вслед за Марксом, можно сделать вывод: чем ограниченнее свобода государства, тем свободнее общество. Здорово!

ВОЕННО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕСПОТИЗМ

Маркс буквально несколькими штрихами рисует неизбежное следствие игнорирования его предупреждения – «независимое» от общества государство, по его оценке, «представляет собой не что иное, как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм».

Интеллектуальная мощь приведенного выше марковского определения предрыночного государства изумляет: ведь если свести воедино характеристики современного российского общества, представленные идеологической палитрой всех его политических партий (думцы кичатся «суверенными» парламентскими формами; коммунисты утверждают, что у нас сегодня господствует буржуазия; демократы клянут феодальные пережитки; либералы обличают бюрократически сколоченную природу наших скреп; внесистемная оппозиция борется с полицейски охраняемым военным деспотизмом), то приходится признать, что Маркс провидчески синтезировал приватизированные сегодня разными российскими партиями разрозненные социальные признаки постсоветского безвременья, набросав, тем самым, еще 140 (!) лет назад точный портрет нашего этатизированного общества, причем краски на этом портрете ничуть не потускнели за столь длительный период. Вот уж поистине тот случай, когда каждое слово («бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм») – на вес золота!

Идеологическое размежевание – суть политического структурирования общественной жизни – противоположно экономическому подходу: экономист заботливо фиксирует выделенные политиками тенденции движения общества, пытаясь отыскать их материальные основы. И только такое отыскание способно окончательно определить доминантный вектор социальной динамики в объективных пространственно-временных координатах. Поэтому в аналитическом комментарии, подготовленном «Internationalist Communist Tendency», намеренно отмечается, что в сталинистской, троцкистской, маоистской трактовке были искажены два ключевых элемента – характер труда при коммунистическом обществе и само коммунистическое общество: труд рассматривается как наемный труд для государства, а сам коммунизм в этом случае рассматривается как государственственный капитализм (*Internationalist Communist Tendency, 2015*).

Союз экономиста и политолога особенно важен для концептуальной оценки российской экономической системы, до сих пор все еще зависящей от политических факторов, – вместо того, чтобы самой задавать вектор движения этих факторов. Но такова участь любой предрыночной социально-экономической модели – в ней экономика подчинена политике. Не случайно же в статье «Маркс против государства» авторы ут-

⁴ В современной экономико-социологической литературе эволюционные перспективы современного государства по-прежнему находятся в центре внимания; см., напр.: (Ардашкин, 1992; Белозеров, 2013; Ильин, Коваль, 2003; Майданский, 2013; Симашенков, 2015; Стрельников, 2010; Тарханов, 2012; Саркисян, 2008, с. 3; Янкевич, 2011).

верждают – «На протяжении всей своей жизни Карл Маркс доказывал, что, когда социализм будет реализован, с государством должно быть покончено. Но после его смерти многие так называемые социалисты отстаивали идею государственного строительства, что противоречило взглядам самого Маркса... Марксова точка зрения издевалась над Сталиным и его последователями с того момента, как они создали свой бюрократический государственный капиталистический режим в России» (*SocialistWorker.org, 2012*).

КТО КОГО ДОЛЖЕН ВОСПИТЫВАТЬ?

Маркс внимателен к тому, к чему сегодня равнодушен даже бюджет, – «никуда не годится „народное воспитание через посредство государства“». Это все равно, удивляется Маркс, что «назначить государство воспитателем народа! Следует, наоборот, отстранить как правительство, так в равной мере и церковь от всякого влияния на школу...».

И особенно важна мысль о том, что именно «государство нуждается в очень суровом (!) воспитании со стороны народа».

ДВА НЕСОСТОЯВШИХСЯ ПРОРОЧЕСТВА

В рассматриваемой работе содержатся два гениальных пророчества.

Первое – Маркс полагал, что «общие, не относящиеся непосредственно к производству издержки управления сразу же весьма значительно сократятся по сравнению с тем, каковы они в современном обществе, и будут все более уменьшаться по мере развития нового общества».

Но что это за таинственные «общие, не относящиеся непосредственно к производству издержки управления»?

Да нет здесь никакой тайны! Это – затраты на содержание государственного аппарата: чиновников, полицейских, других силовых структур, словом, вся та гигантская бюрократическая надстройка, которая питается за счет бюджетных средств. Более того, чем меньше бюджет – тем сильнее чиновнический аппетит. А вот общественное самоуправление – посредством передачи возрастающего числа государственных функций институтам гражданского общества – обходится гораздо дешевле. В этом, кстати, одно из невидимых конкурентных преимуществ демократически-организованного общества перед всеми иными моделями, потому что в нем издержки управления, как предвидел Маркс, не относящиеся непосредственно к производству, сразу же значительно сокращаются. Глобализация, вынуждая к межгосударственной интеграции управленческих функций, также способствует удешевлению «чиновничьих издержек управления». Можно даже отметить, что в современном мире развернулось негласное соревнование – какая страна больше экономит на содержании госаппарата.

Конечно, именно в рыночной экономике управленческий и транзакционный секторы развиты гораздо сильнее, чем в плановой. Такова оборотная сторона медали рыночной децентрализации и координации. Например, в СССР чиновников было меньше, чем в самых рыночно развитых США. Объемы государства неуклонно растут, параллельно с развитием рынка, это – мнение Норта, которое он подкрепляет статистически. Все так, но я-то имею в виду стоимостную эффективность государственного аппарата – нам наше государство обходится сегодня очень дорого. Такие затраты – чистый убыток, так как избыточные функции требуют избыточных издержек, а государство способно заполнить собой все пространство не только рынка, но и всей экономики, и даже производства. Именно это мы и наблюдаем в отсталых странах – экономики нет, зато есть распухшее от обжорства государство. Что мне Норт, который имеет дело с общественно-контролируемым государством, тогда как наше уже несколько веков «поедает» тех, кто его кормит своим трудом, дышать не дает, лезет во все, особенно в голову и душу? Взять хотя бы армию мелких администраторов, которая погубила наше

образование, – разве это не чиновники? А на них уходит весь нищенский вузовский бюджет. Как ни грустно, но Маркс прав именно по отношению к нынешним российским реалиям.

Увы, здесь наше конкурентное преимущество пока представлено огромными не-реализованными резервами.

Второе пророчество: Маркс ожидал, что «то, что предназначается для совместного удовлетворения потребностей, как то: школы, учреждения здравоохранения и так далее, эта доля сразу же значительно возрастет по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более возрастать по мере развития нового общества».

На языке научной политической экономии «совместное удовлетворение потребностей» означает интенсификацию великого процесса «социализации сферы потребления», которая сопровождает становление «общества знания», а это также сфера глобальной по масштабам межгосударственной конкуренции.

Увы, нам и здесь пока нечем похвастаться.

Но кто повинен в том, что эти предвидения не реализовались? Маркс или малорациональное устройство российского общества?

РОССИЙСКАЯ СУДЬБА «ГОТСКИХ ИДЕЙ» МАРКСА

«Критика Готской программы» – одна из самых цитируемых во всем мире работ из интеллектуального наследия Маркса.

В советскую эпоху за ней закрепились две функции – объяснения несправедливости и несчастья (известных в образном определении Маркса как «родимые пятна капитализма») (Колбановский, 2012. С. 5) в первой фазе коммунизма и обещания справедливости и счастья в его высшей фазе.

Но что же привлекает в «Критике...» отечественных обществоведов в постсоветскую эпоху? На какие вопросы они ищут и находят в ней ответы?

Знакомясь с соответствующей литературой, понимаешь, что в общественной жизни современной России практически нет ни одного процесса, для понимания которого не использовалась бы «Критика Готской программы». Однако жизнь и здесь расставляет свои приоритеты, к которым относятся три тенденции – перспективы динамики рабочего класса, оптимизация распределительных отношений и становление гражданского общества.

Маркс – теоретик социальной судьбы рабочего класса. Поэтому будущее марксизма прямо зависит от будущего экономического статуса трудящихся. В этом аспекте современная экономика обнаружила, по мнению М.Н. Макаровой (2005; см. также: Макарова, 2006), две тенденции в трансформации социального положения рабочего класса – или снижение его социальной активности вследствие «пролетаризации», что в условиях «экономики знания» означает переход к пассивной и бессознательной массе (Бауман, 2002. С. 45), или продолжение открытой Марксом тенденции, согласно которой «средние сословия» становятся революционными постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата (Маркс, 1961. С. 51). М.Н. Макарова, специально исследовавшая отмеченную социальную коллизию как центральное противоречие эпохи глобализации, приходит к закономерному выводу о том, что «многообразные способы „ответов“ на социальные изменения требуют пересмотра подходов к анализу процессов воспроизводства социальных групп и слоев и трансформации критериев социальной дифференциации. Обозначенные тенденции изменений указывают на необходимость их дальнейшего изучения и рассмотрения возможности конституирования новых дискурсов, связанных с процессами воспроизводства рабочего класса и их трансформацией. Представленные проблемы демонстрируют актуальность исследования рабочего класса в России, функционирование и направления изменений которого имеют свои особенности, требующие всестороннего изучения» (Макарова, 2005. С. 28). Этот момент особенно

важен еще и потому, что с перспективами российского рабочего класса связана судьба не только теории марксизма, но и научной политической экономии.

Идея Маркса о неизбежной ограниченности механизма распределения в посткапиталистическом обществе остается фундаментальной основой теоретических разработок в этом вопросе. По мнению Б.Я. Бляхмана, «как показывают некоторые высказывания Маркса, он не очень-то верил в возможность построения социального государства, которое бы занималось оказанием материальной помощи трудящимся и нуждающимся при помощи перераспределения совокупного дохода (бюджета). Основной его мыслью была все-таки идея революционного преобразования общества, которая предусматривала слом государственной машины» (Бляхман, 2005. С. 137). К этой позиции близка и Л.Н. Кочеткова, которая пишет: «Проведенный анализ показывает, что социальное и социалистическое государство роднит активная социальная политика государства в области предоставления гражданам основных социальных прав и гарантий. Но вместе с тем социальное государство и социализм – это два разных концептуальных „проекта“, отличающихся между собой по своей сути, целям, задачам и способам решения социальных проблем. Это, по существу, два разных ответа на исторические вызовы эпохи индустриального капитализма и связанной с ней активизацией гражданского общества» (Кочеткова, 2010. С. 110). Такие работы особенно актуальны потому, что российскими экономистами, в силу ряда причин, уделяется все меньше внимания чрезмерной дифференциации доходов в сфере распределения.

Актуальность становления российского гражданского общества придает методологическую актуальность и соответствующим высказываниям К. Маркса, в том числе и в работе «Критика Готской программы». В этой связи И.В. Орлова отмечает очень важный момент – «сущность гражданских отношений и государственного строя Маркс характеризует через исторически конкретные экономические формы. Он считает, что в период Нового времени развитие экономики привело к разделению государства и гражданского общества. По его мнению, это явление переходное. Государство данного периода – это отчужденная социальная власть, борьба за устранение этого отчуждения неизбежно приведет к отмиранию государства... К. Маркс полагал, что успешная борьба рабочего класса за контроль над гражданским обществом позволит упразднить государство... Как бы утопично ни выглядели сейчас рассуждения К. Маркса о будущем, ясно, что институты гражданского общества XVIII–XIX веков – это не от природы данные структуры, которые невозможно изменить, не подвергнувшись огромному риску, а порождение определенных общественных отношений в конкретный исторический период» (Орлова, 2006. С. 131).

В методологическом обосновании актуальности современной теории гражданского общества идеи Маркса, изложенные в «Критике Готской программы», не имеют альтернативы.

Каждый классик несчастлив тем, что обречен на бесконечную и, чаще всего, произвольную интерпретацию своих идей, – а поделать уже ничего не может. И чем он гениальнее, тем больше ему приписывают всякого вздора.

Трудно однозначно утверждать, что на самом деле имел в виду Маркс, говоря о том или ином. Зато его ненависть к бюрократии неизменно актуальна.

Интеллектуальный шедевр всегда многомерен: время высвечивает в нем все новые, совершенно неожиданные грани: то, что казалось важным в эпоху «советского социализма», сегодня стало второстепенным, когда вдруг засверкали иные стороны марксова сочинения.

Судя по происходящим в мире процессам, эта работа Маркса будет актуальна, пожалуй, еще лет 140! Что ж, иногда История очень нетороплива...

ЛИТЕРАТУРА

- Ардашкин В.Д. (1992). К современной концепции государства // Известия высших учебных заведений. Правоведение, № 2, с. 97–99.
- Бауман З. (2002). Индивидуализированное общество. М.: Логос.
- Белозеров В.К. (2013). Государство и его альтернативы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование, т. 6, № 4 (30), с. 109–113.
- Бляхман Б.Я. (2005). Социальное государство в условиях интеграции мирового промышленного производства // Вестник Кузбасского государственного технического университета, № 3, с. 136–141.
- Колбановский В.В. (2012). Социальные традиции и инновации: (исторический контекст, теоретические подходы и определение понятий) // Вестник Института социологии, № 4, с. 1–23.
- Ильин М.В., Коваль Б.И. (1992). Две стороны одной медали: гражданское общество и государство // Полис. Политические исследования, № 1, с. 193–201.
- Кочеткова Л.Н. (2010). Было ли советское государство социальным? // Социальная политика и социология, № 12.
- Кузнецов В.Е. (2003). Государство возвращается? Национальный интерес в текущей мировой ситуации // Международные процессы, № 1, с. 110–115.
- Майданский А. (2013). «Не отомрет, с-собака!» // Свободная мысль, № 4 (1640), с. 171–182.
- Макарова М.Н. (2005). Рабочий класс как объект и субъект трансформаций в условиях глобализации // Вестник Удмуртского университета, № 2, с. 23–38.
- Макарова М.Н. (2006). Особенности трансформации рабочего класса в условиях глобализации // Журнал социологии и социальной антропологии, т. IX, № 2, с. 59–67.
- Маркс К. (1961). Критика Готской программы / В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 9–32.
- Орлова И.В. (2006). Теория гражданского общества: к истории вопроса // Философия и общество, № 2, с. 132–133.
- Саркисян Т. (2008). Конец государства или новая форма организации общества // 21-й век: информационно-аналитический журнал, т. 1, с. 3.
- Симашенков П.Д. (2015). Марксистская концепция отмирания государства и будущее российского чиновничества // Гуманитарные научные исследования, № 3 (43), с. 29–32.
- Стрельников К.А. (2010). Вопрос «об отмирании государства»: марксистская теория и современная практика // История государства и права, № 16, с. 45–46.
- Тарханов О.В. (2012). Государство: развитие и метаморфозы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, № 48, с. 24–34.
- Янкевич К.А. (2011). Как закалялся сталинизм // Россия XXI, № 2, с. 128–147.
- Internationalist Communist Tendency (2015). The Communist Manifesto of 1875 – The Critique of the Gotha Programme (<http://www.leftcom.org/en/articles/2005-11-01/the-communist-manifesto-of-1875-the-critique-of-the-gotha-programme>).
- SocialistWorker.org (2012). Marx against the state // International Socialist Organization, March, 23 (<http://socialistworker.org/2012/03/23/marx-against-the-state>).
- Verhältnis der Landesregierung zum Werk von Karl Marx (http://www.mi.niedersachsen.de/portal/live.php?article_id=95829&navigation_id=14797&psmand=33).
- Winn J. (2014). Co-operatives, Socialism and Communism: Marx's critique of the Gotha programme // Joss Winn, January 22 (<http://joss Winn.org/2014/01/co-operatives-socialism-and-communism-marxs-critique-of-the-gotha-programme/>).

REFERENCES

- Ardashkin V.D. (1992). To the modern concept of the state. *News of higher educational institutions. Law*, no. 2, pp. 97–99. (In Russian.)

- Bauman Z. (2002). *The Individualized Society*. Moscow: Logos. (In Russian.)
- Belozerov V.K. (2013). State and its alternatives. *Problem analysis and governance*, vol. 6, no. 4 (30), pp. 109–113. (In Russian.)
- Blyakhman B.Ya. (2005). The welfare state in world industrial production integration environment. *Bulletin of the Kuzbass State Technical University*, no. 3, pp. 136–141. (In Russian.)
- Ilyin M.V. and Koval B.I. (1992). Two sides of the same coin: civil society and the state. *Polis. Political Studies*, no. 1–2, pp. 193–201. (In Russian.)
- Kochetkova L.N. (2010). Was the Soviet State social? *Social Policy and Sociology*, no. 12. (In Russian.)
- Kolbanovskii V.V. (2012). Social traditions and innovations (historical context, theoretical approaches and definitions). *Bulletin of the Institute of Sociology*, no. 4, pp. 1–23. (In Russian.)
- Kuznetsov V.E. (2003). State returns? The national interest in the current world situation. *International processes [Mezhdunarodnye protsessy]*, no. 1, pp. 110–115. (In Russian.)
- Maidanskiy A. (2013). «It won't wither away!» *Svobodnaya mysl*, no. 4 (1640), pp. 171–182. (In Russian.)
- Makarova M.N. (2005). Working class as an object and a subject of transformations under globalization. *Bulletin of Udmurt University*, no. 2, pp. 23–38. (In Russian.)
- Makarova M.N. (2006). Specifics of the working class transformation in the context of globalization. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. IX, no. 2, pp. 59–67. (In Russian.)
- Marx K. (1961). Critique of the Gotha Programme / In: *Marx K. and Engels F. Works*, vol. 19, pp. 9–32. (In Russian.)
- Orlova I.V. (2006). Civil society theory: on the history of the issue. *Philosophy and society [Filosofiya i obshchestvo]*, no. 2, pp. 132–133. (In Russian.)
- Sarkisyan T. (2008). The end of the state or a new form of social organization. *XXI century: an informational and analytical journal*, vol. 1. (In Russian.)
- Simashenkov P.D. (2015). The Marxist concept of the state's withering away and the future of Russian officials. *Humanitarian research*, no. 3(43), pp. 29–32. (In Russian.)
- Strelnikov K.A. (2010). The issue of the «state's withering away»: Marxist theory and modern practice. *History of state and law*, no. 16, pp. 45–46. (In Russian.)
- Tarkhanov O.V. (2012). The state: development and metamorphosis. *National interests: priorities and security*, no. 48, pp. 24–34. (In Russian.)
- Yankelevich K.A. (2011). How Stalinism strengthened. *Russia XXI*, no. 2, pp. 128–147. (In Russian.)
- Internationalist Communist Tendency* (2015). The Communist Manifesto of 1875 – The Critique of the Gotha Programme (<http://www.leftcom.org/en/articles/2005-11-01/the-communist-manifesto-of-1875-the-critique-of-the-gotha-programme>).
- SocialistWorker.org* (2012). Marx against the state. International Socialist Organization, March, 23 (<http://socialistworker.org/2012/03/23/marx-against-the-state>).
- Verhältnis der Landesregierung zum Werk von Karl Marx* (http://www.mi.niedersachsen.de/portal/live.php?article_id=95829&navigation_id=14797&psmand=33).
- Winn J. (2014). Co-operatives, Socialism and Communism: Marx's critique of the Gotha programme. Joss Winn, January 22 (<http://joss Winn.org/2014/01/co-operatives-socialism-and-communism-marxs-critique-of-the-gotha-programme/>).

ФОРМАЛЬНАЯ И НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ КАК «БЛИЗНЕЦЫ-БРАТЬЯ»: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Р.М. НУРЕЕВ,

доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономической теории
Финансового университета при Правительстве РФ,
ординарный профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», г. Москва, Россия,
e-mail: nureev50@gmail.com;

Д.Р. АХМАДЕЕВ,

соискатель кафедры экономической теории
Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Россия,
e-mail: akhmadeevdenis@mail.ru

В статье исследуется развитие неформальной занятости в российской экономике в начале XXI века. Предпринята попытка выявить факторы, оказывающие влияние на распространение неформальной занятости не только в отдельных субъектах Российской Федерации, но и в стране в целом. Для этих целей проведена группировка субъектов Федерации по уровню распространения неформальной занятости. Установлены зависимости между показателями, характеризующими уровень развития субъекта Федерации, и величиной неформальной занятости в каждом субъекте Федерации, а также на уровне государства в целом. Данные зависимости исследованы как в краткосрочном, так и в долгосрочном периодах.

Анализ факторов, влияющих на распространение неформальной занятости в отдельных субъектах Федерации и стране в целом в краткосрочном периоде, осуществленный на материале данных 2012 года, подтвердил идею де Сото о вынужденном характере неформальной занятости.

Однако дальнейший анализ показал, что взаимозависимости между исследуемыми показателями, полученные в краткосрочном периоде, часто не только не подтверждаются в периоде долгосрочном, но и носят прямо противоположный характер. Это и стало предметом исследования во втором разделе статьи. Выяснилось, что в условиях экономического роста неформальная занятость является дополнением и своего рода комплементарным благом к занятости в формальном (легальном) секторе экономики, что неформальная занятость в определенной степени есть следствие увеличения экономического благосостояния населения, следствие роста формального сектора. Почему так происходит в современной России, авторы и попытались выяснить в данной статье.

Ключевые слова: неформальная экономика; теневая экономика; неформальная занятость; неформальная экономическая деятельность; постсоветская Россия

FORMAL AND INFORMAL EMPLOYMENT AS «TWINS BROTHERS»: MODERN RUSSIAN PRACTICE

RUSTEM NUREEV,

PhD, Head of the Economics department,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Tenured Professor of National Research University HSE, Moscow, Russia,
e-mail: nureev50@gmail.com;

DENIS AKHMADEEV,

PhD student of the Economics department,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
e-mail: akhmadeevdenis@mail.ru

The article investigates the development of informal employment in the Russian economy in the beginning of the XXI century. An attempt was made to identify the factors that influence on extension of informal employment, not only in the regions but also in the whole country. For this purpose of the subjects of the Russian Federation were grouped in terms of the size of informal employment. The correlations between the indicators of the level of development of the regions and the size of informal employment in each subject of the federation, as well as at the state in general were determined. These correlations are studied both in the short and in the long run.

Analysis of factors influencing on the extension of informal employment in different regions of the Russian Federation and in the country as a whole in the short term, carried out on the material of 2012 year, confirmed de Soto's idea of a compelled nature of informal employment.

The further analysis showed that the relations between the studied parameters obtained in the short term, often not confirmed in the long term, and sometimes are opposite in nature. This fact became the subject of study in this article. It turned out that in conditions of the economic growth informal employment is a complementary benefit to employment in the formal (legal) economy; that informal employment is to some extent a consequence of the increase in economic well-being of the population, a consequence of the growth of the formal sector. The authors tried to find out in this article why it happens in modern Russia.

Keywords: *informal economy; shadow economy; informal employment; informal economic activities; post-Soviet Russia*

JEL classifications: *E24, J21, J23*

1. Как влияют макроэкономические факторы на развитие неформальной занятости в краткосрочном периоде?

Анализ российских макроэкономических факторов позволил ряду отечественных исследователей установить прямую зависимость между уровнем неформальной занятости и уровнем безработицы в регионе, а также обратную зависимость между уровнем неформальной занятости и величиной валового регионального

продукта, величиной инвестиций в регионе, количеством малых предпринимателей в регионе, среднемесячной заработной платой (см., например, *Титов, 2008*).

Проделанный нами анализ макроэкономических факторов российских регионов за 2012 год также подтвердил эти зависимости (*Ахмадеев, 2014*). Мы проанализировали 83 региона, разбив при этом их на группы в зависимости от величины неформальной занятости. Для расчетов субъекты Российской Федерации были сгруппированы следующим образом:

- 1) регионы с максимальным уровнем неформальной занятости – от 40% и выше (всего 4);
- 2) регионы с высоким уровнем неформальной занятости – от 30 до 40% (всего 8);
- 3) регионы со средним уровнем неформальной занятости – от 20 до 30% (всего 33);
- 4) регионы с низким уровнем неформальной занятости – от 10 до 20% (всего 29);
- 5) регионы с минимальным уровнем неформальной занятости – от 1 до 10% (всего 9) (см. табл. 1).

Это позволило составить уравнение регрессии и рассчитать коэффициенты корреляции, детерминации и эластичности (подробнее см.: *Ахмадеев, 2014*).

Зависимость между уровнем неформальной занятости и уровнем безработицы выражается следующим уравнением парной линейной регрессии: $y_x = 8,62 + 1,61 \cdot x$. Следовательно, с понижением уровня безработицы на 1 процентный пункт можно добиться снижения величины неформальной занятости на 1,61 процентных пункта. Коэффициент корреляции (r_{yx}) составил 0,86, то есть между признаками наблюдается сильная связь. Коэффициент детерминации (R^2) составил 0,73. Таким образом, величиной уровня безработицы можно объяснить 73% различий в уровне неформальной занятости между субъектами Федерации. Коэффициент эластичности в данном уравнении парной регрессии составил 0,61. Это означает, что при увеличении уровня безработицы на 1% уровень неформальной занятости увеличится на 0,61%. Полные результаты по всем факторам приведены ниже (см. табл. 2).

Таблица 1

Группировка субъектов Российской Федерации по уровню неформальной занятости

Уровень неформальной занятости, %	Субъект РФ
1–10%	Центральный ФО:
3,7	г. Москва
9	Московская область
	Северо-Западный ФО:
2,2	г. Санкт-Петербург
9,9	Мурманская область
	Уральский ФО:
5,3	Ямало-Ненецкий автономный округ
7,9	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
	Дальневосточный ФО:
6,9	Чукотский автономный округ
8,2	Магаданская область
10	Хабаровский край

Продолжение табл. 1

Уровень неформальной занятости, %	Субъект РФ
10–20%	Центральный ФО:
13,4	Калужская область
15,4	Ярославская область
16,6	Липецкая область
17,5	Рязанская область
18,4	Смоленская область
18,6	Белгородская область
18,9	Орловская область
19,9	Брянская область
	Северо-Западный ФО:
13,2	Ленинградская область
13,7	Ненецкий автономный округ
14,3	Республика Карелия
15,1	Псковская область
16,9	Республика Коми
17,1	Калининградская область
17,3	Архангельская область
17,9	Вологодская область
	Приволжский ФО:
11,8	Самарская область
19	Нижегородская область
	Уральский ФО:
10,9	Тюменская область
14,4	Челябинская область
15,4	Свердловская область
	Сибирский ФО:
16	Кемеровская область
16,2	Красноярский край
18,1	Новосибирская область
19	Томская область
	Дальневосточный ФО:
16,8	Камчатский край
18,4	Республика Саха (Якутия)
19,1	Сахалинская область
20	Приморский край

Продолжение табл. 1

Уровень неформальной занятости, %	Субъект РФ
20–30%	Центральный ФО:
20,6	Владимирская область
20,9	Тверская область
24,3	Ивановская область
24,3	Курская область
25,5	Костромская область
28,5	Тульская область
29,6	Тамбовская область
	Северо-Западный ФО:
21,7	Новгородская область
	Южный ФО:
23,9	Волгоградская область
25,1	Ростовская область
25,9	Астраханская область
26	Краснодарский край
27,3	Республика Адыгея
	Северо-Кавказский ФО:
29,6	Ставропольский край
	Приволжский ФО:
20,6	Пермский край
22,3	Кировская область
22,7	Удмуртская Республика
22,8	Республика Татарстан
23,3	Ульяновская область
24,4	Саратовская область
24,7	Оренбургская область
24,9	Республика Марий Эл
25	Республика Башкортостан
26,7	Республика Мордовия
29,4	Пензенская область
	Уральский ФО:
26,4	Курганская область
	Сибирский ФО:
24,1	Забайкальский край
24,4	Республика Тыва
26,6	Иркутская область
28,5	Алтайский край
29,5	Республика Хакасия
	Дальневосточный ФО:
22,2	Амурская область
23,6	Еврейская автономная область

Окончание табл. 1

Уровень неформальной занятости, %	Субъект РФ
30–40%	Центральный ФО:
32,9	Воронежская область
	Южный ФО:
32,9	Республика Калмыкия
	Северо-Кавказский ФО:
35,1	Республика Северная Осетия – Алания
35,4	Карачаево-Черкесская Республика
	Приволжский ФО:
30,8	Чувашская Республика
	Сибирский ФО:
32,9	Омская область
34,1	Республика Алтай
35,9	Республика Бурятия
> 40%	Северо-Кавказский ФО:
40,1	Кабардино-Балкарская Республика
41,9	Чеченская Республика
42,7	Республика Ингушетия
51	Республика Дагестан

Составлено автором по: (Федеральная служба государственной статистики, 2013b. С. 191).

Таблица 2

Факторы, влияющие на развитие неформальной занятости в субъектах Российской Федерации

Уровень	Уравнение парной линейной регрессии	Коэффициент корреляции (r_{yx})	Коэффициент детерминации (R^2)	Коэффициент эластичности
Безработицы	$y_x = 8,62 + 1,61 * x$	0,86	0,73	0,61
Валового регионального продукта на душу населения	$y_x = 36,86 - 0,032 * x$	0,9	0,81	-0,68
Инвестиций на душу населения в субъекте Федерации	$y_x = 35,93 - 0,0001 * x$	0,88	0,77	-0,64
Развития малого предпринимательства	$y_x = 47,37 - 0,02 * x$	0,92	0,85	-1,16
Среднемесячной заработной платы	$y_x = 50,32 - 0,001 * x$	0,88	0,78	-1,29

Источник: (Ахмадеев, 2014).

Проделанный на первом этапе исследования анализ не только подтвердил идею Эрнандо де Сото о вынужденном характере неформальной занятости, но и позволил сделать практи-

ческий вывод о том, что с увеличением инвестиций, развитием малого предпринимательства и, в конечном итоге, с повышением заработной платы и величины валового регионального продукта неформальная занятость в России будет сокращаться (Coto, 1995)¹. Казалось, что только глубокая и последовательная модернизация экономики позволит в значительной мере решить типичную для постсоветских стран проблему неформальной занятости.

Однако длительное существование неформальной занятости в постсоветский период наводило на мысль, что такая смелая экстраполяция является некоторым упрощением проблемы, пытающимся выдать желаемое за действительное.

Необходимо было проверить наши выводы на более длительном промежутке времени, тем более что за последние 25 лет неформальная занятость стала типичным явлением российской экономики.

Действительно, недостатком нашего предыдущего исследования была его статичность, так как данные анализировались лишь за один конкретный год. Необходимо было проверить выводы за более длительный период. Это стало предметом второго этапа исследований в нашей работе.

2. Как влияют макроэкономические факторы на развитие неформальной занятости в долгосрочном периоде?

Если взглянуть на соотношение исследуемых показателей в России в долгосрочной перспективе, в их взаимосвязи можно выявить некоторые интересные дополнительные моменты, которые в чем-то дополняют, а в чем-то уточняют концепцию Э. де Сото.

Более того, анализ современной российской экономики позволяет сделать неожиданные выводы. Начнем с безработицы. Казалось бы, чем больше безработица, тем меньше вероятность занятости в легальной сфере. Следовательно, должны увеличиваться возможности для неформальной занятости. И наоборот – чем меньше безработица, тем больше возможностей работы в легальной сфере, что должно было повлечь за собой сокращение неформальной занятости. Такой вывод уже давно зафиксирован в экономической литературе (см., например, Титов, 2008).

Общероссийские данные за 2001–2013 годы позволяют, однако, установить обратную зависимость между уровнем безработицы и уровнем неформальной занятости (см. рис. 1).

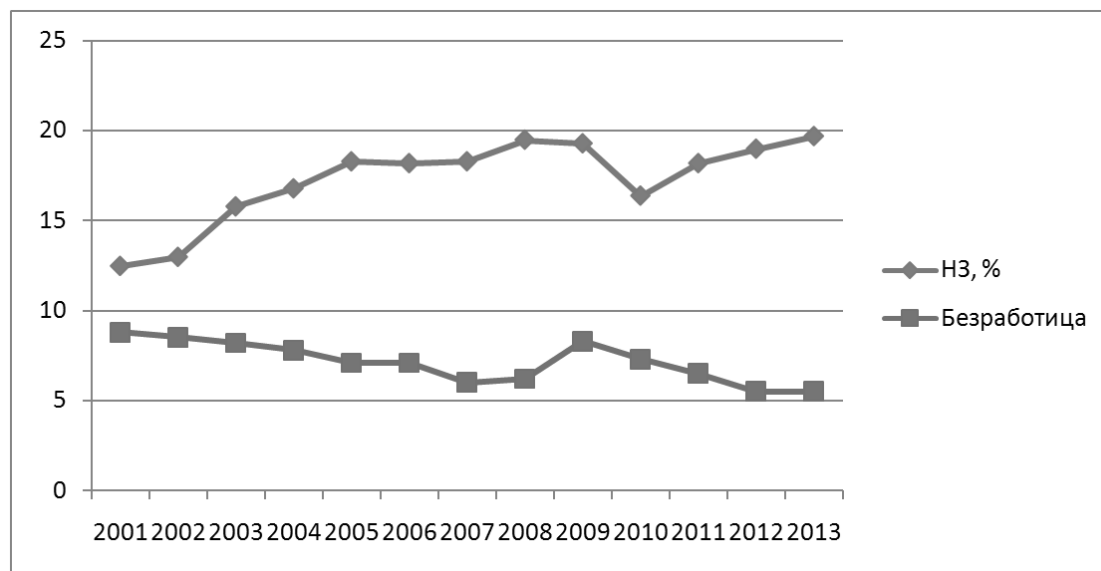

Рис. 1. Взаимосвязь величины неформальной занятости с величиной безработицы
Составлено авторами по: (Федеральная служба государственной статистики, 2003; 2004; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013а; 2014).

¹ Детальный разбор концепции Эрнандо де Сото см.: (Нуреев, 2008. С. 143–160; Нуреев, 2010. С. 322–323; Nureev, 2014).

Уровень безработицы в России сократился с 2001 по 2013 год с 8,8 до 5,5%. Это означало, в соответствии с традиционным подходом, что должна была сократиться и неформальная занятость. Между тем ситуация в России прямо противоположная – неформальная занятость, согласно официальным данным, возросла с 12,5 до 19,7%. Более того, она обнаружила связь с экономическим циклом. С 2008 по 2009 год безработица выросла с 6,2 до 8,3%. Как же прореагировала на экономический спад неформальная занятость? Она под влиянием кризиса снизилась в 2009–2010 годах с 19,3 до 16,4%. Интересны при этом два обстоятельства: во-первых, она прореагировала с неким (годовичным) опозданием и, во-вторых, обнаружила любопытную свою связь с занятостью вообще. Оказалось, что чем больше занятость, тем больше люди используют часть заработанных средств для удовлетворения своих потребностей в теневом секторе. Это означает, что россияне с ростом своих доходов в начале XXI века все чаще обращались к сфере неформальных услуг в силу того, что легальная система данных услуг была недостаточно развита. И, более того, с сокращением доходов, связанных с потерей работы, вынуждены были гораздо меньше обращаться к этой неформальной сфере.

Рис. 2. Типология рабочих практик (методов работы):
общая социальная организация труда
Источник: (Williams et al., 2014. Р. 58).

Это позволяет сделать любопытный вывод о том, что неформальная самозанятость при росте доходов может замещаться формальной, а неоплачиваемые неформальные услуги – оплачиваемыми неформальными (см. рис. 2). Это означает, что часть функций, типичных для самообеспечения, заменяет возмещаемый семейный труд, индивидуальные неоплачиваемые акты обмена вытесняются оплачиваемыми услугами, неформальный неоплаченный труд – формальной занятостью. В условиях развития рынка неоплачиваемая формальная занятость сменяется оплачиваемой формальной занятостью. Однако особенностью России является то, что легализация ряда секторов сферы услуг еще не завершена. Поэтому рост доходов населения может выражаться в том, что ряд услуг, в которых люди нуждаются, не сопровождается соблюдением всех формальностей, то есть фактически осуществляется нелегально.

Начало XXI века отмечено неуклонным ростом номинальной заработной платы в России. Конечно, с учетом инфляции он не был таким стремительным, как показано на рис. 3. Однако вряд ли кто станет отрицать, что этого роста не было вообще. Как же распорядились возросшими средствами россияне? Отнюдь не все их денежные знаки осели в легальном секторе экономики.

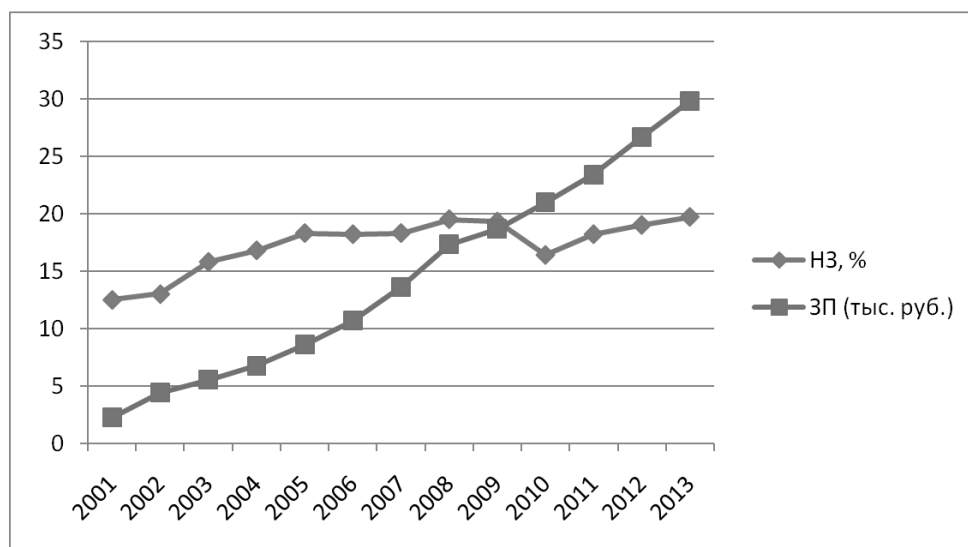

Рис. 3. Взаимосвязь величины неформальной занятости и величины номинальной заработной платы

Составлено авторами по:

(Федеральная служба государственной статистики, 2003; 2004; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013а; 2014).

Ряд услуг, в которых они нуждались, взял на себя неформальный сектор. Это не значит, что он заново родился. Ряд функций, которые он выполнял раньше, остались и в условиях экономического роста, однако у него появились и новые функции, связанные с обеспечением возросших потребностей российских граждан. Это позволяет сделать вывод о том, что дело не только в его общей динамике, но и в его внутренней структуре. Впрочем, не будем торопиться с выводами и опять обратимся к статистике.

В отличие от номинальной заработной платы неформальная занятость изменялась не столь радикально: диапазон ее колебаний был заметно меньше. Как мы уже отмечали, с 12,5 до 19,7%. Тем не менее, она также имела тенденцию к росту, хотя и не столь очевидно выраженную. Рост этот, правда, после кризиса заметно снизился, поскольку, как уже отмечалось, у россиян после кризиса оказалось меньше возможностей и средств, чтобы тратить их в неформальном секторе. Тем не менее, отмеченная нами ранее тенденция вытеснения неоплачиваемой самозанятости оплачиваемой неформальной занятостью налицо. Это свидетельствует о том, что с развитием рыночной экономики в структуре неформального сектора постепенно происходят некоторые подвижки. На рис. 4 приведены примеры многообразия форм как оплачиваемой, так и неоплачиваемой самозанятости.

Картина будет более полной, если проанализировать динамику валового регионального продукта (см. рис. 5). Его рост подтверждают сделанные нами ранее выводы в связи с анализом безработицы. Экономический спад 2008–2009 годов замедлил темпы роста неформальной занятости. У населения появилось меньше возможностей для расходования средств, которые стремительно росли в начале XXI века. Поэтому, в отличие от ВРП, который с 2009 года неуклонно рос (в номинальном выражении), неформальная занятость к 2013 году лишь вернулась на уровень 2009 года. Если посмотреть реальный рост ВРП, то темпы его роста замедлились, что отразилось и на динамике неформальной занятости.

Рис. 4. Типология многообразной природы неформальной занятости
Источник: (Williams et al., 2014. Р. 133).

Анализ темпов прироста величины неформальной занятости и ВРП лишний раз подтверждает сделанный ранее вывод о том, что формальный сектор с опережением определяет изменения в неформальном секторе (см. рис. 6). Неформальная же занятость в свою очередь с запозданием реагирует на изменения в формальном секторе экономики. Получается, что формальная и неформальная занятость выступают как «близнецы-братья»: каждая из них в современной России не существует без другой. Более того, каждая из них создает условия для другой и при определенных предпосылках переходит в другую, создает себя как другое.

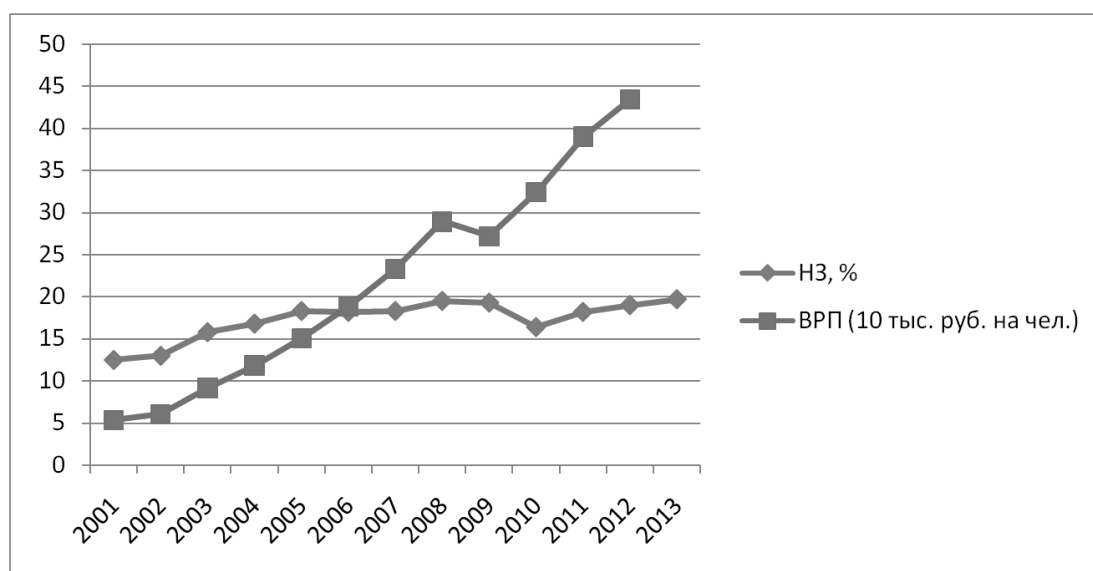

Рис. 5. Взаимосвязь величины неформальной занятости и размера ВРП
Составлено авторами по: (Федеральная служба государственной статистики, 2003; 2004; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013а; 2014).

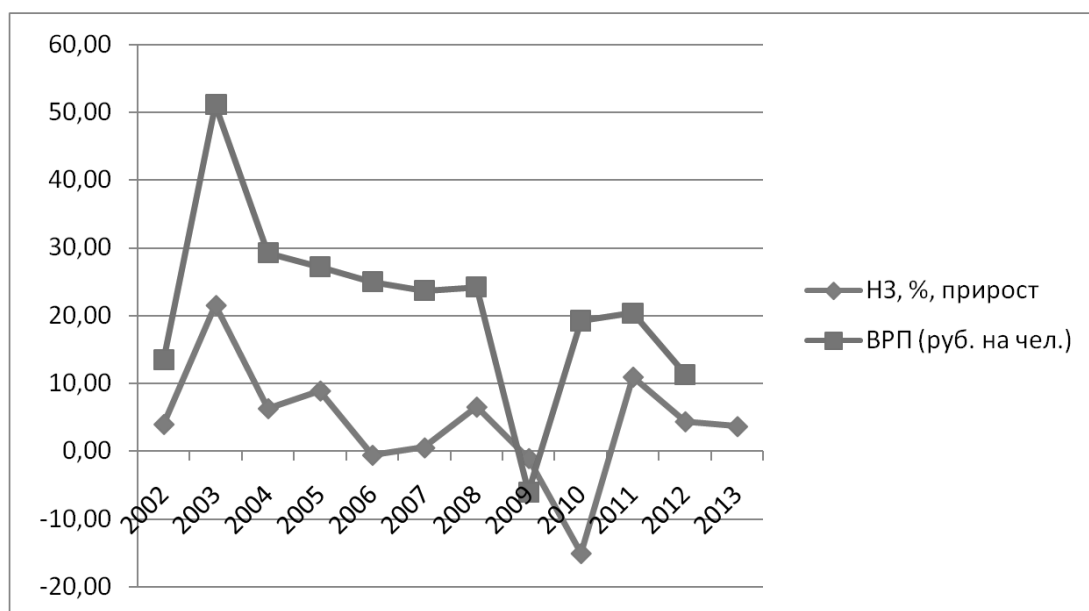

Рис. 6. Связь темпов прироста неформальной занятости и ВРП

Составлено авторами по: (Федеральная служба государственной статистики, 2003; 2004; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013а; 2014).

Чтобы у читателя не создалось ложной иллюзии, что динамика всех макроэкономических показателей влияет в сторону увеличения неформальной занятости, рассмотрим взаимосвязь величины инвестиций и масштабов неформальной занятости (см. рис. 7). Традиционно считается, что существует обратная связь между величиной инвестиций и масштабами неформальной занятости. И мы также разделяли эту точку зрения (Ахмадеев, 2014). Однако применительно к началу XXI века эта связь в долгосрочном аспекте не подтверждается. Оба показателя росли, хотя темпы роста сильно отличались друг от друга. Если инвестиции в этот период стремительно выросли (за исключением кризиса 2008–2009 годов), то уровень неформальной занятости изменялся не столь радикально.

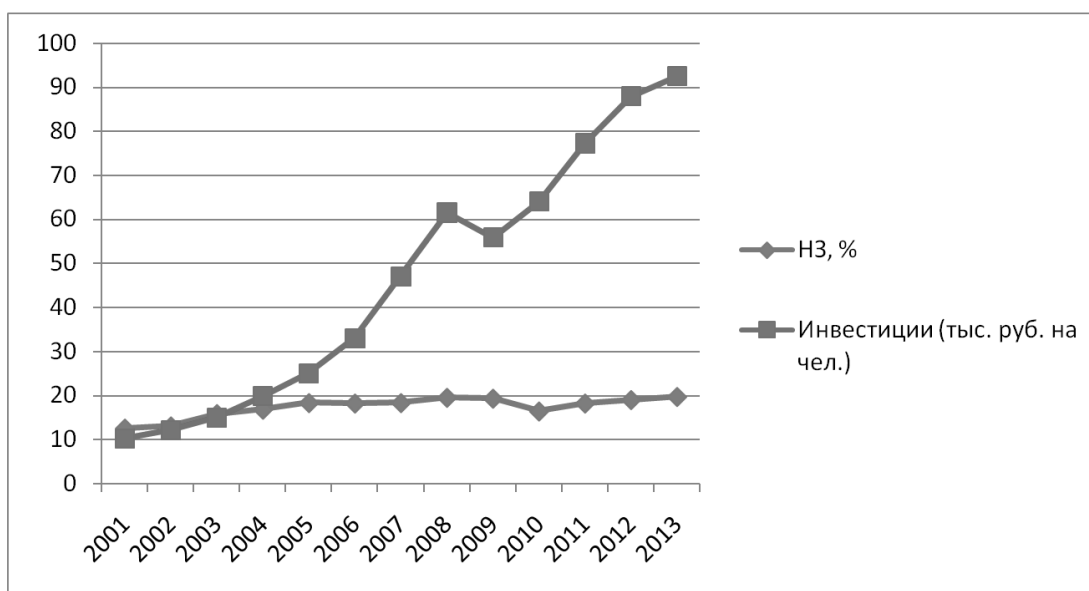

Рис. 7. Взаимосвязь величины неформальной занятости и величины инвестиций

Составлено авторами по: (Федеральная служба государственной статистики, 2003; 2004; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013а; 2014).

Любопытный вывод напрашивается и при анализе влияния малого предпринимательства на неформальную занятость. Традиционно считается, что между ними существует обратная зависимость. Она, как нам казалось, подтверждалась на региональном материале. Однако в предыдущем исследовании (Ахмадеев, 2014) мы рассматривали лишь краткосрочный аспект. Анализ в долгосрочном периоде не позволяет сделать столь категоричные выводы. Бурный рост малого предпринимательства, начавшийся в предкризисный период (с 2006 года) не только не повлек за собой сокращение неформальной занятости, но даже не смог остановить ее некоторое увеличение. Другое дело, что на фоне бурного роста малого предпринимательства незначительное изменение уровня неформальной занятости скорее воспринимается как признак постоянства ее размеров и стабильности (см. рис. 8).

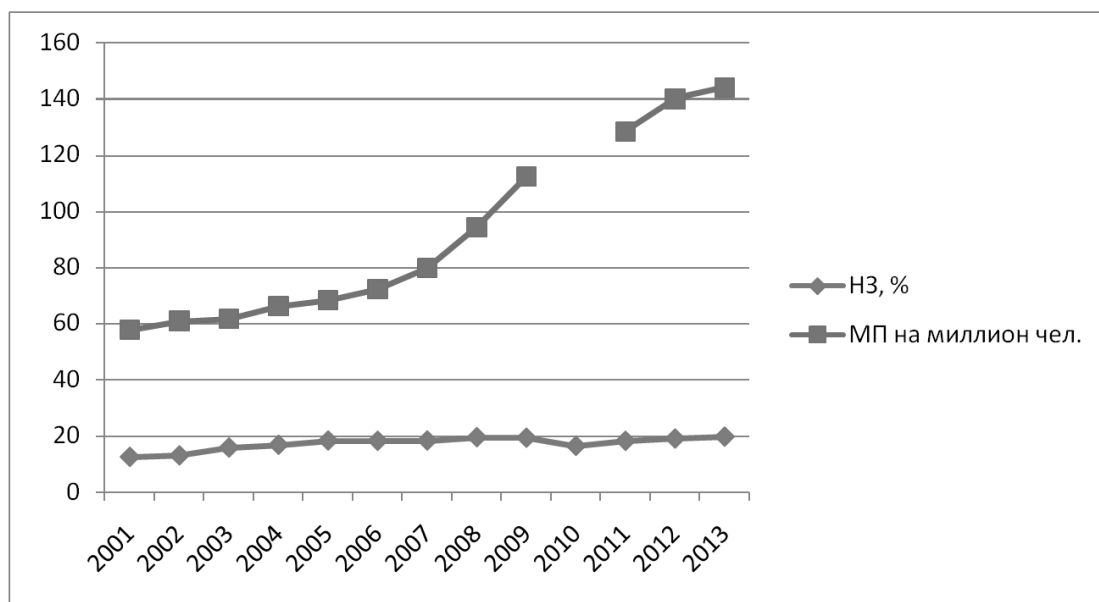

Рис. 8. Взаимосвязь величины неформальной занятости с развитием малого предпринимательства

Составлено авторами по: (Федеральная служба государственной статистики, 2003; 2004; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013а; 2014).

3. Парадоксальные выводы

Подведем некоторые итоги. Проанализировав связь неформальной занятости и безработицы, динамики номинальной заработной платы и регионального валового продукта в долгосрочном периоде, можно прийти к выводу, что неформальная занятость в определенной степени есть следствие увеличения экономического благосостояния населения, следствие роста формального сектора. Поэтому аналогия с братьями-близнецами не является такой уж надуманной. Увеличение заработной платы позволяет населению предъявлять дополнительный спрос на товары и услуги.

Наш анализ показал, что неформальный сектор обслуживает разные категории российского населения, и спрос на его услуги у населения с низкими доходами и у населения с высокими доходами различается. Обычно население с более высокими доходами предъявляет более высокий спрос на услуги формального (легального) сектора, последние получают, как правило, денежную оценку (см. рис. 9). Однако особенностью стран с переходной экономикой является то, что даже в условиях экономического роста повышается спрос на услуги неформального сектора, многие из которых не получают полную денежную (монетизированную) оценку.

Дело в том, что на постсоветском пространстве сфера услуг формальной экономики пока недостаточно развита для удовлетворения данного дополнительного спроса. Это приводит к тому, что население обращается к услугам неформального сектора. Таким образом, с увеличением заработной платы у населения появляется возможность использовать часть своих доходов и в неформальной сфере (см. рис. 9).

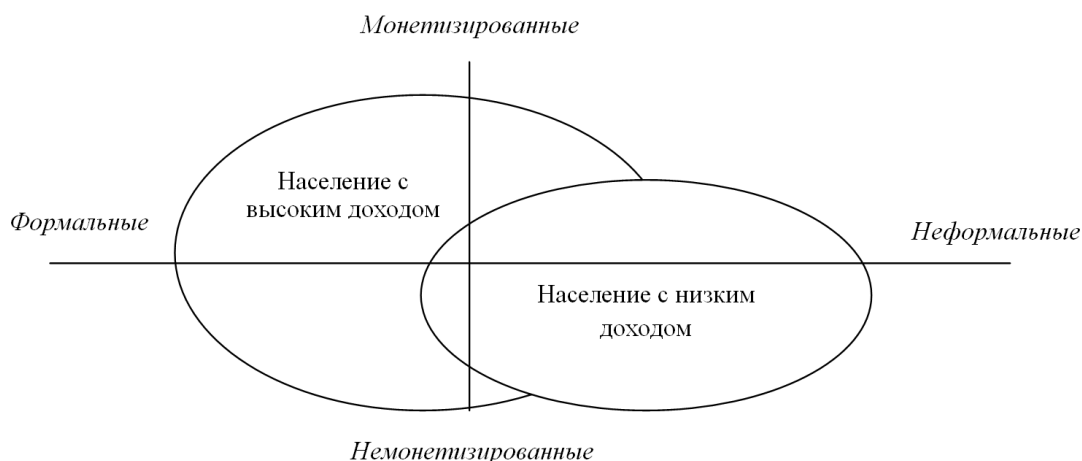

Рис. 9. Конфигурация трудовых практик на постсоветском пространстве: по валовому формальному доходу домашних хозяйств
Источник: (Williams et al., 2014. P. 200).

Прямая зависимость между ростом ВРП, номинальной заработной платой и ростом неформальной занятости, с одной стороны, и обратная зависимость между безработицей и ростом неформальной занятости – с другой, позволяет сделать неожиданный вывод о том, что в современной России неформальная занятость является комплементарным благом в целом к экономическому росту. При отсутствии экономического роста происходит с определенным временным лагом снижение величины неформальной занятости. Это также подтверждает тезис о значительном влиянии формального сектора экономики на неформальный. На практике многие виды формальной деятельности тесно связаны и переплетены с неформальными видами трудовой деятельности (см. рис. 10).

Использование неоплачиваемого труда домашних работников позволяет домохозяйствам более интенсивно участвовать в формальной сфере экономики, а неформальная оплата труда играет значительную роль даже в глобальных производственных цепях (см. подробнее: Phillips, 2011). Использование неформальных моделей в организации труда позволяет крупным компаниям достичь более гибкой системы производства, получив тем самым определенное конкурентное преимущество (см. подробнее: Slavnic, 2010).

Неформальная занятость является неотъемлемой частью экономической жизни современного общества, представляет собой своеобразный ответ на вызовы глобализации хозяйственной жизни и развития научно-технического прогресса. Неформальная экономика развитых стран скрыта гораздо сильнее, чем стран развивающихся. Неформальный сектор в развитых странах мира получил бурный рост начиная с 70-х годов XX столетия. Середина 70-х годов стала периодом водораздела, потому что глобальный спад убедил руководителей и служащих корпораций в развитых странах, что «обычный» предприниматель более нежизнеспособен. Преобладание крупных предприятий, соответствовавших классическим неолиберальным теориям, сменилось сильнейшей конкуренцией со стороны предприятий «третьего мира», использующих трудоинтенсивные и относительно простые технологии. Деформализация стала одной из стратегий новой альтернативной промышленной организации.

Рис. 10. Взаимосвязь формальной и неформальной экономической активности в постсоветских обществах
Источник: (Williams et al., 2014. P. 202).

При изучении неформальной экономики и неформальной занятости с позиций марксизма значительное внимание уделяется анализу экономических отношений, объективным условиям жизни нации в исторической перспективе. В условиях становления и развития рыночной экономики большое значение приобретают механизм подчинения труда капиталу, взаимосвязь между неформальной деятельностью и крупными легальными фирмами, анализ классовых противоречий. Все это предполагает изучение процесса воспроизводства под влиянием меняющихся экономических, институциональных, социальных и правовых условий.

В соответствии с этим подходом не только формальная, но и неформальная деятельность могут способствовать выполнению функции накопления капитала, так как фирмы, действующие в рамках формального сектора, способны уходить в подполье и делают это вполне сознательно.

В соответствии с таким подходом в значительной степени изменяется понимание сущности неформальной занятости. Первоначальное противопоставление неформальной экономической деятельности формальному сектору экономики сменяется признанием неформальной экономики как возможной формы хозяйствования, обладающей специфическими характеристиками. Неформальная экономическая деятельность теперь не предстает как обособленный сегмент, а рассматривается как уход хозяйству-

ющих субъектов от различных форм государственного регулирования и учета. Таким образом, происходит значительное расширение объекта изучения неформальной экономики за счет включения в эти отношения субъектов, как имеющих официальный статус, так и не имеющих его.

Если неоклассический подход пытается решить проблему с точки зрения соотношения спроса и предложения на рынке труда, а неоинституциональный подчеркивает необходимость ограничения бюрократического вмешательства государства в этот процесс, то классический институциональный и марксистский – пытаются взглянуть на этот процесс с точки зрения исторического развития, то есть не ограничиваются рыночной стадией развития. Они находят в неполной занятости не только проявление рыночной экономики, но и обилие полунатуральных, полутоварных, полупланомерных связей. Наиболее богатым из всех четырех оказывается марксистский подход, который пытается рассмотреть неполную занятость во всем ее разнообразии в исторической перспективе.

Дополнительный интерес к проблеме неформальной занятости в развитых странах появляется в связи с быстрым распространением различных новых форм занятости, не вписывающихся в сложившееся представление о стандартной формальной занятости. Стандартная формальная занятость наиболее характерна для индустриального уклада общества. С переходом к постиндустриальному этапу неизбежно появление новых ее форм, которые будут играть ключевую роль в современной глобальной экономике (см. подробнее: *Standing G., 2011*). Такие формы занятости получили развитие благодаря появлению новых информационных технологий, определивших в свою очередь новую специфическую организационную среду экономической деятельности. Очевидно, что научно-технический прогресс, развитие науки и технологий – процесс, который носит в значительной степени объективный характер. Следовательно, и развитие вызванных этим различных нестандартных форм занятости также является процессом объективным.

Неформальная занятость на постсоветском пространстве имеет значительные масштабы. По некоторым расчетам, ее величина может достигать 32,6% от ВВП (*Williams et al., 2014. P. 133*). Неформальная занятость продолжает играть важную роль в обеспечении средствами существования большинства домохозяйств. Существуют различные причины участия населения в неформальной занятости. Следует однако помнить, что некоторые причины участия в неформальной занятости, характерные для одних видов неформальной трудовой деятельности, совершенно не характерны для других видов неформальной трудовой деятельности.

Таким образом, неформальная занятость, раньше рассматриваемая как «приют» низкоквалифицированных работников отсталых стран, полностью отделенный от формального сектора, сейчас рассматривается как альтернативный вариант хозяйствования, обладающий своими специфическими характеристиками (см. подробнее: *McFarlane and Waibel, 2012*). Изменение ее структуры может и должно стать предметом специальных исследований. Своей статьей мы стремились внести посильный вклад в решение этой сложной и чрезвычайно интересной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмадеев Д.Р. (2014). Анализ факторов, влияющих на развитие неформальной занятости в субъекте Федерации // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, т. 5, № 4, с. 92–104.

Ахмадеев Д.Р. (2015). Институционализация неформальной занятости в России // *Гуманитарные и социальные науки*, № 1, с. 25–33.

Варшавская Е.Я., Донова И.В. (2012). Неформальная занятость по найму: грани явления // *Социально-экономическое развитие и образование*, № 6, с. 130–135.

- Гимпельсон В.Е., Зудина А.А. (2011). «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? М.: Изд. дом ВШЭ.
- Нуреев Р.М. (2008). Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: Норма: ИНФРА-М, 640 с.
- Нуреев Р.М. (2010). Очерки по истории институционализма. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие–XXI век», 416 с.
- Нуреев Р.М. (2011). Россия: особенности институционального развития. М.: Норма: ИНФРА-М, 448 с.
- Нуреев Р.М., Ахмадеев Д.Р. (2015). Классификация неформальной занятости и методы ее оценки // *Terra Econotomicus*, т. 13, № 1, с. 14–29.
- Портес А. (2003). Неформальная экономика и ее парадоксы // *Экономическая социология*, № 5, с. 32–68.
- Сото Э., де (1995). Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy, 320 с.
- Сото Э., де (2004). Загадка капитала. М.: Олимп-Бизнес, 272 с.
- Титов В.Н. (2008). Неформальная экономика как подсистема рыночного хозяйства. М.: М-Студио.
- Федеральная служба государственной статистики (2003). Российский статистический ежегодник 2003. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики (2004). Российский статистический ежегодник 2004. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики (2005). Российский статистический ежегодник 2005. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики (2006). Российский статистический ежегодник 2006. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики (2007). Российский статистический ежегодник 2007. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики (2008). Российский статистический ежегодник 2008. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики (2009). Российский статистический ежегодник 2009. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики (2010). Российский статистический ежегодник 2010. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики (2011). Российский статистический ежегодник 2011. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики (2012). Российский статистический ежегодник 2012. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики (2013а). Российский статистический ежегодник 2013. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики (2013b). Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2012. М.: Росстат.
- Федеральная служба государственной статистики (2014). Российский статистический ежегодник 2014. М.: Росстат.
- McFarlane C. and Waibel M. (2012). *Urban Informalities: Reflections on the Formal and Informal*. Aldershot: Ashgate, 200 p.
- Nureev R.M. (2014). Development economics: neoinstitutional approach of Hernando de Soto // *Journal of Institutional Studies*, vol. 6, no. 4, p. 6–21.
- Phillips N. (2011). Informality, global production networks and the dynamics of «adverse incorporation» // *Global Networks*, vol. 11, no. 3, pp. 380–397.
- Slavnic Z. (2010). Political economy of informalization // *European Societies*, no. 12, pp. 3–23.
- Slonimczyk F. (2011). The Effect of Taxation on Informal Employment: Evidence from the Russian Flat Tax Reform / In: *Lehmann H. and Tatsiramos K. (eds.) Informal*

mal Employment in Emerging and Transition Economies: Research in Labor Economics. Bingley: Emerald Group Publishing Limited, vol. 34, pp. 55–99.

Standing G. (2011). *The Precariat: The New Dangerous Class*. L.: Bloomsbury, 192 p.

Williams C.C. (2009). Formal and informal employment in Europe: beyond dualistic representation // *European Urban and Regional Studies*, vol. 16, no. 2, pp. 147–159.

Williams C.C., Round J. and Rodgers P. (2013) *The Role of Informal Economies in the Post-Soviet World. The end of transition?* Routledge, 244 p.

Williams C.C., Windebank J., Baric M. and Nadin S. (2013). Public policy innovations: the case of informal work // *Management Decision*, no. 51(6), pp. 1161–1175.

REFERENCES

Akhmadeev D.R. (2014). The analysis of the factors influencing on the development of the informal employment in the region. *Journal of Economic Regulation*, vol. 5, no. 4, pp. 92–104. (In Russian.)

Akhmadeev D.R. (2015). The institutionalization of informal employment in Russia. *Humanities and social sciences*, no. 1, pp. 25–33. (In Russian.)

Varshavskaya E.Y. and Donova I.V. (2006). Informal employment by hiring: edges of the phenomena. *Socio-economic development and education*, no. 6, pp. 130–135. (In Russian.)

Gimpelson V.E. and Zudina A.A. (2011). *Informal workers: who are they and how much of them exist?* Moscow: Publ. House of HSE. (In Russian.)

Nureev R.M. (2010). *Essays on the history of institutionalism*. Rostov-on-Don: Publishing house «Sodeystvie–XXI vek», 416 p. (In Russian.)

Nureev R.M. (2011). *Russia: features of institutional development*. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 448 p. (In Russian.)

Nureev R.M. (2008). *Development economy: the becoming model of a market economy*. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 640 p. (In Russian.)

Nureev R.M. and Akhmadeev D.R. (2015). Classification of the informal employment and the methods of its assessment. *Terra Economicus*, vol. 13, no. 1, pp. 14–29. (In Russian.)

Soto E., de (2004). *The mystery of capital*. Moscow: Olymp-Business, 272 p. (In Russian.)

Soto E., de (1995). *The different way. Invisible revolution in the third world*. Moscow: Galaxy Publ., 320 p. (In Russian.)

Portes A. (2003). Informal economy and its paradoxes. *Economical sociology*, no. 5, pp. 32–68. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2003). *Statistical Yearbook of Russia 2003*. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2004). *Statistical Yearbook of Russia 2004*. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2005). *Statistical Yearbook of Russia 2005*. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2006). *Statistical Yearbook of Russia 2006*. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2007). *Statistical Yearbook of Russia 2007*. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2008). *Statistical Yearbook of Russia 2008*. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2009). *Statistical Yearbook of Russia 2009*. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2010). *Statistical Yearbook of Russia 2010*. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2011). Statistical Yearbook of Russia 2011. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2012). Statistical Yearbook of Russia 2012. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2013a). Statistical Yearbook of Russia 2013. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2013b). Economic activity of the Russian population (based on sample surveys). 2012. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2014). Statistical Yearbook of Russia 2014. Moscow: Rosstat. (In Russian.)

Titov V.N. (2008). Informal economy as subsystem of market economy. Moscow: M-Studio Publ. (In Russian.)

McFarlane C. and Waibel M. (2012). Urban Informalities: Reflections on the Formal and Informal. Aldershot: Ashgate, 200 p.

Nureev R.M. (2014). Development economics: neoinstitutional approach of Hernando de Soto. *Journal of Institutional Studies*, vol. 6, no. 4, p. 6–21.

Phillips N. (2011). Informality, global production networks and the dynamics of «adverse incorporation». *Global Networks*, vol. 11, no. 3, pp. 380–397.

Slavnic Z. (2010). Political economy of informalization. *European Societies*, no. 12, pp. 3–23.

Slonimczyk F. (2011). The Effect of Taxation on Informal Employment: Evidence from the Russian Flat Tax Reform / In: Lehmann H. and Tatsiramos K. (eds.) *Informal Employment in Emerging and Transition Economies: Research in Labor Economics*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited, vol. 34, pp. 55–99.

Standing G. (2011). *The Precariat: The New Dangerous Class*. L.: Bloomsbury, 192 p.

Williams C.C. (2009). Formal and informal employment in Europe: beyond dualistic representation. *European Urban and Regional Studies*, vol. 16, no. 2, pp. 147–159.

Williams C.C., Round J. and Rodgers P. (2013). *The Role of Informal Economies in the Post-Soviet World. The end of transition?* Routledge, 244 p.

Williams C.C., Windebank J., Baric M. and Nadin S. (2013). Public policy innovations: the case of informal work. *Management Decision*, no. 51(6), pp. 1161–1175.

А.И. ГЕРЦЕН И ТЕОРИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

М.И. ВОЕЙКОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Институт экономики РАН, г. Москва, Россия,
e-mail: mvok1943@mail.ru

На материале научного и литературного наследия А.И. Герцена в статье рассматриваются проблемы выбора объективно необходимой модели общественного развития России. Подвергается критике теория опережающего развития, основоположником которой был Герцен, и которая была доминирующей концепцией в советском обществоведении. Эта теория опережающего развития и сейчас имеет определенную популярность. Однако Россия сегодня по многим объективным основаниям не может надеяться на опережающее развитие. Актуальная задача состоит в преодолении отрицательных последствий радикального реформирования 1990-х годов и достижения уровня экономического развития ведущих стран мира. Задача состоит в догоняющем развитии, а не в опережающем. Обсуждаются также проблемы теории социально-экономических альтернатив, которая была модной в начале 1990-х годов, и еще сегодня имеет некоторых сторонников. Специально рассматривается цивилизационный подход, который, по мнению автора статьи, отрицает объективный характер экономических законов и по сути дела является квазинаучным. Всем этим теориям противопоставляется теория стадияльного развития и объективного характера экономических законов, в равной мере действительных для всех стран и обществ, находящихся на схожих стадиях социально-экономического развития. Делается вывод о стадии капиталистического развития России как объективной характеристики современной модели экономического развития страны, которая, естественно, имеет много отрицательных следствий. Знание и понимание негативного характера капиталистических и буржуазных отношений создает возможность сознательного управления, с целью минимизации отрицательных следствий. Для сегодняшней России это было бы восходящей стадией общественного развития.

Ключевые слова: А.И. Герцен; теория опережающего развития; социально-экономические альтернативы; буржуазная стадия развития

A.I. HERZEN AND THE THEORY OF ADVANCED DEVELOPMENT

MIKHAIL VOYEYKOV,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: mvok1943@mail.ru

The article deals with the problems of the theory of advanced development on the example of the scientific and literary heritage of A.I. Herzen. The theory of advanced development is criticized by the author. This theory was the dominant concept in the Soviet social science, and rather popular today. However, for many objective reasons today's Russia cannot hope for advancing development. Current challenge is to overcome the negative effects of a radical reforms of the 1990s and reach the level of economic development of the world's leading countries. The objective for the country is catch-up development, not advanced one. We also discuss the problem of the theory of social and economic alternatives, which was fashionable in the early 1990s, and has some supporters nowadays. special attention is paid to the civilizational approach, which, according to the author, denies the objective nature of economic laws and is essentially a quasi-scientific. Thus, this approach appears as opposing to the theory of development by stages and rejecting the objective nature of economic laws, equally valid for all countries and societies at similar stages of economic and social development. The conclusion is made that the stage of Russia's capitalist development is the objective characteristic of a modern model of economic development, which, of course, has many negative consequences. Understanding of the negative character of capitalist and bourgeois relations creates the possibility of conscious control in order to minimize negative consequences. For today's Russia it would be a rising stage of social development.

Keywords: A.I. Herzen; theory of advanced development; socio-economic alternatives; bourgeois stage of development

JEL classifications: B1, B24, O1

«Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное;
глубже опускаясь в смысл былого – раскрываем смысл будущего;
глядя назад – шагаем вперед; наконец, и для того полезно перетрясти ветошь,
чтоб узнать, сколько ее истлело и сколько осталось на костях»

А.И. Герцен. Дилетантизм в науке. 1842 г.

Введение

Великого русского писателя, общественного деятеля и социального мыслителя Александра Ивановича Герцена хорошо знают (или знали?) в России. В советское время Герцена изучали всюду и все: школьники, студенты, филологи, философы, историки, экономисты и т.д. Сейчас другое время. Сейчас даже улицу Герцена в Москве переименовали в Б. Никитскую. Герцен сейчас не ко двору. И 200-летний его юбилей в 2012 г. прошел вяло, даже почти не заметно. По крайней мере, в средствах массовой информации по этому вопросу все было как-то тихо и ничего не запомнилось.

Иное дело было в царской России. В 1902 году С.Н. Булгаков, поначалу «легалый марксист», затем теолог и настоятель русской церкви в Париже, такими словами охарактеризовал Герцена: «А.И. Герцен принадлежит к числу наших национальных героев, от одного имени которых расширяется грудь и учащенно бьется сердце» (Булгаков, 2006. С. 538). В 100-летний юбилей Герцена в 1912 году В.И. Ленин писал: «Минуло сто лет со дня рождения Герцена. Чествует его вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличается революционер Герцен от либерала. Поминает Герцена и правая печать... А в заграничных, либеральных и народнических, речах о Герцене царит фраза и фраза» (Ленин, 1968. С. 255). Сегодня же ни то и ни другое: никакая либеральная грудь не расширяется, никакая фраза не царит и сердце у властвующего класса по этому во-

просу не билось и не бьется. Как будто нет у нас и «либеральной России» и «правой печати». А может быть, и действительно, в современной России ничего либерального уже нет?

Обратиться же к Герцену в наше время заставляет не обида на нынешние нравы, когда нарочито забывают великих отечественных социальных мыслителей, а действительно серьезный вопрос: устарел ли Герцен за 200 лет или что-то еще «осталось на костях»? Лет 40 или 50 назад можно было бы сказать, что Герцен во многом устарел и осталась лишь добрая память о выдающемся русском писателе и мыслителе, оказавшем громадное влияние на развитие отечественной социальной мысли и художественной культуры. И тогда казались естественными слова А.В. Луначарского, сказанные еще в 1920 году: «Для марксиста Герцен человек своего времени, передовой и великий, но все же дитя своей эпохи» (*Луначарский, 1965. С. 129*). Но сегодня в России закончилось советское время, пришла другая эпоха. Вот какая?

Сегодня Герцен неожиданным образом стал для России чрезвычайно актуальным, как будто вернулось его время. Прежде всего, но не только, это связано с теорией опережающего развития, которая стала модной в некоторых кругах российской интеллигенции. В советский период эта теория была как бы общим местом официальной идеологии. Считалось, что молодая и энергичная страна, вооруженная передовым учением (сначала это был просто марксизм, потом «марксизм-ленинизм») сможет в экономическом и культурном смысле догнать и даже перегнать старые европейские страны. Пикантность ситуации заключалась в том, что из марксизма никак не вытекал такой пассаж, а вот в философских работах Герцена об этом говорилось прямо. И созданная во времена И. Сталина идеологическая конструкция «марксизма-ленинизма», пытаясь объединить народнические представления, основоположником чего как раз и был Герцен, с марксистской фразеологией, обосновывала и пропагандировала именно теорию опережающего развития. Таким образом, теория опережающего развития, которая в сути своей противоречит марксизму, восходит прямо к Герцену. Он первый наиболее ярко и сильно поставил вопрос о месте России в мировой истории и возможности опередить другие страны в главном. Так что теория опережающего развития была главной советской идеологемой.

Вот центральное место теории Герцена, можно сказать, контрапункт его концепции: «Медленность, сбивчивость исторического хода нас бесит и душит, она нам невыносима, и многие из нас, изменяя собственному разуму, торопятся и торопят других. Хорошо ли это или нет? В этом весь вопрос» (*Герцен, 1954–1964. Т. XX, с. 576*). Действительно, почти все интеллектуальные усилия Герцен посвятил обсуждению этого вопроса. И ответ у него в целом есть – это хорошо. Допустим, это так, хотя изменять «собственному разуму» не очень хорошо и даже плохо. И Герцен это понимает. Так или иначе, понимали это и последующие российские мыслители. Ведь Герцен по сути дела поставил коренной вопрос всей русской общественной мысли: как России вырваться из своей отсталости (из своей «колеи», как ныне модно говорить) и встать вровень с передовыми странами Запада и, может быть, даже в чем-то их опередить? За 150 лет после основных работ Герцена вся общественная мысль России вертелась вокруг этого самого вопроса: как опередить европейские страны? Вспомним, что почти весь советский период наша страна прожила под лозунгом «догнать и перегнать». И динамизм в развитии был, этого отрицать нельзя. Но ведь мы никого так и не обогнали. Тут же напрашивается другой капитальный вопрос: реально ли обогнать передовые европейские страны, получится ли что-то путное из этой торопливости? Вот в чем вопрос. Превратится ли Россия в сырьевой придаток более развитых стран, то есть во второразрядную страну, или же сможет вырваться вперед?

И сегодня этот вопрос актуален. Как России выйти из своей колеи, задаются вопросом современные интеллектуалы. Вот пример. В сентябре 2014 года на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова бы проведен научный симпозиум

«Институциональные проблемы долгосрочной социально-экономической динамики», в рамках которого профессор А.А. Аузан прочитал доклад «Эффект колеи. Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез». «20 лет тому назад – говорил А.А. Аузан, – я мечтал написать работу под названием «Парадокс российской бедности» – про страну, в которой есть все, но почему-то нет экономического процветания. Потом экономическая динамика улучшилась, но проблема осталась. И проблема тяжкая, междисциплинарная. Я ее осознал не от американских экономистов, которые получили Нобелевскую премию за постановку path-dependence problem, а от русских философов конца XIX – начала XX века. Я полагаю, что нас ожидают нехорошие времена. Я не очень верю в то, что в краткосрочном и даже в среднесрочном периоде мы можем совершить какие-то прорывы. Но это совершенно не означает, что мы вообще их не можем сделать. Надо набраться терпения. Надо попытаться самим для себя принять долгосрочную ориентацию, потому что без этого вряд ли возможен выход из колеи, а с принятием долгосрочной ориентации, я считаю, он не просто вероятен, а он рано или поздно произойдет» (Аузан, 2014). Вот уже 150 лет после Герцена этот вопрос не дает покоя отечественным мыслителям.

Конечно, Герцен не экономист, но он, как считает Й. Цвайнерт, «внес чрезвычайно важный вклад в развитие политической и наряду с этим экономической мысли в России» и посвятил ему специальный раздел в своей «Истории экономической мысли в России» (Цвайнерт, 2008. С. 185). Но Цвайнерт иностранец и, стало быть, свободен от отечественной конъюнктуры. Правда, в советское время Герцена усиленно продвигали в экономисты, даже в многотомной «Истории русской экономической мысли» под редакцией А.И. Пашкова ему была посвящена большая глава. Я бы не стал включать Герцена в свод русской экономической мысли, ибо ничего экономического у него нет. Хотя, с другой стороны, представить развитие отечественной социально-экономической мысли без Герцена также будет неправильно. Опять противоречие. Более того, из разрозненных замечаний Герцена можно заключить, что он скептически (если не с презрением) относился к политической экономии вообще. Например, он пишет: «правилами политической экономии нельзя заменить догматы патриотизма, предания мужества, святыню чести...» (Герцен, 1954–1964. Т. V, с. 34). То есть патриотизм и честь не совместимы с политической экономией. Политическая экономия по Герцену сугубо мещанская (то есть буржуазная) наука. И по большому счету – Герцен прав. Хотя тут скажем, что сегодня в буржуазной (мещанской) России отодвинули на задворки разом и Герцена, и политическую экономию. Во всем этом, наверное, есть своя закономерность.

Теория опережающего развития

Истинна ли эта теория опережающего развития? Герцен ее высказал и, на мой взгляд, себе во вред. В советское время у большинства обществоведов даже тени сомнения не возникало в ее истинности. Как же, Советский Союз совершил впечатляющий рывок из самодержавной, по существу феодальной России в социалистическое будущее. Капиталистическая стадия если и была, то как-то очень быстро закончилась. Пример СССР вдохновлял многие страны к такому же опережающему развитию. Но теперь-то мы знаем, что конец этого опережающего развития оказался печальным.

Итак, теория опережающего развития. «Естественно возникает вопрос, – пишет Герцен, – должна ли Россия пройти через все фазы европейского развития или ей предстоит совсем иное, революционное развитие? Я решительно отрицаю необходимость подобных повторений» (Герцен, 1954–1964. Т. XII, с. 186). В этой фразе сконцентрирована суть герценовской теории опережающего развития. Корни этой теории в русской интеллектуальной традиции можно искать, наверно, в очень древнем положении о том, что Москва есть «третий Рим», то есть что успешное

продолжение христианской цивилизации связано с Россией. Наибольшую известность этой теории придали славянофилы, которые искали особое место и особый путь для России. Но, наверно, все-таки А.И. Герцен здесь был первым, кто пытался научно обосновать не просто особое место России, здесь он как раз расходился со славянофилами, но лидирующую роль России в европейской цивилизации. По мнению Герцена, Россия может найти особый путь развития к лучшему обществу, перешагивая через ступеньки исторического развития Европы. Герцену удалось, писал В.В. Зеньковский, «построить учение о том, что Россия «может», минуя фазу капитализма, перейти прямо к социальному идеалу. Здесь Герцен открыл для русской мысли очень плодотворную и творческую основу для разных утопических и теоретических построений...» (Зеньковский, 1991. С. 101). И эта конструкция Герцена послужила основой для последующих народнических умозаключений и усилий. И не только народнических. Послереволюционный большевизм, собственно, стоял на этих позициях.

От самого начала до конца Герцен был западником. И даже когда стал критиковать Запад, продолжал им оставаться. Как в его столетие писал Л.Д. Троцкий, «народничество, от Герцена ведущее свою родословную, не было отвращением от Запада. Наоборот: можно сказать, что народничество наше было не чем иным, как нетерпеливым западничеством» (Троцкий, 1990. С. 205). Приведем еще одно мнение, теперь уже современного исследователя: «Герцен сумел синтезировать достижения «западничества» и «славянофильства», создав новую социальную идею, сочетающую ценности свободы, гуманизма и солидарности, – общинный социализм, или народничество» (Шубин, 2007. С. 199). Вот эта новая социальная идея, которая есть ядро народничества, и состоит в теории опережающего развития. На этом вопросе подробно остановимся дальше, а сейчас наметим генеалогию этой теории в наше время.

Следующим этапом в развитии этой теории были народнические построения о переходе к социализму через русскую общину. Так, Н.К. Михайловский писал в 1880 году, что они верили в «возможность непосредственного перехода к лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства» (Михайловский, 1995. С. 190). Между прочим, эта вера в то, что стадию буржуазного развития можно проскочить или максимально сократить, прочно сидела в головах и душах многих советских обществоведов. Да и сегодня эта вера, это нетерпение очень популярны. Таким образом, народники (или неонародники), и как показал советский период многие деятели, называвшие себя марксистами, явились прямыми учениками и последователями Герцена.

Марксисты до 1917 года противопоставляли этому взгляду теорию, согласно которой: «Страна, промышленно более развития, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»; «Всякая нация может и должна учиться у других. Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, ... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами» (Маркс, Энгельс, 1955–1975. Т. 23, с. 9–10). Эти классические положения марксизма означают, что, например, буржуазные отношения никогда не могут появиться на базе феодальных производительных сил. Так же и социалистические отношения никак не могут появиться на основе зарождающегося капитализма и становления буржуазного общества. То есть для образования социалистического общества необходим настолько высокий уровень развития экономики и культуры капиталистического общества, которое по сути будет означать, что дальнейшее развитие того и другого, а особенно культуры, уже невозможно в рамках старых (то есть буржуазных) отношений. Г.В. Плеханов писал в конце XIX века: «Социалистическая, как и всякая другая, организация требует соответствующей ей основы. Этой-то основы и нет в современной России» (Плеханов, 1956–1958. Т. I, с. 103). И в другой работе, ставя популярный тогда вопрос – «должна» или «не должна» Россия пройти че-

рез школу капитализма, – отвечает новым вопросом: «Почему же бы ей не окончить той школы, в которую она уже поступила?» И далее отвечает: «За капитализмом вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и, в свою очередь, определяют направление и скорость его движения» (Плеханов, 1956–1958. Т. I, с. 288). Даже В.И. Ленин уже в начале XX века писал: «На этой экономической основе революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно непреодолимо» (Ленин, 1968. Т. 3, с. 14).

Итак, согласно марксистской теории получается, что социализм может «победить» только в самых экономически развитых странах и в силу транснационального характера современного производства, что сегодня стало совершенно очевидным в целом ряде стран одновременно как взаимосвязанный процесс. Таким образом, марксисты в отличие от народников до 1917 года единодушно считали теорию опережающего развития несостоятельной. А вот дальше все запуталось, и появилась теория «строительства социализма в отдельно взятой стране», которая явилась как бы практическим приложением герценовской теории опережающего развития.

1917 год и Октябрьский этап Русской революции дали надежду на возрождение интереса к этой теории. Всех волновал вопрос: можно ли от феодализма (понимая его достаточно широко, со всеми национальными и географическими различиями, а не только как узкоевропейскую версию) перескочить куда-то еще в другую сторону? Здесь же заметим, что наука до сих пор не зафиксировала таких перескоков, а утверждает как раз обратное. Социальная наука показывает и доказывает, что всемирная история едина, что все страны при их отличиях и особенностях развиваются по единой траектории, проходят примерно одни и те же стадии развития. И вопрос для России в начале XX века стоял о переходе к буржуазному способу производства, о «развитии капитализма в России», как озаглавил В.И. Ленин свою книгу 1899 года.

Но большевики, когда оказались у власти, хотели строить социализм, а не капитализм. Зачем же тогда было брать власть? В конце концов, родилась теория «строительства социализма в отдельно взятой стране», которая по сути дела порывала с марксизмом и возрождала народнические представления об историческом процессе. Таким образом, без всякого преувеличения можно считать создателем теории «социализма в отдельно взятой стране» не И.В. Сталина, а Герцена. В этот период Герцен оказался очень кстати. Даже начали издавать полное собрание его сочинений в 30 томах (1954–1965).

Такой разворот дела, то есть разговоры и попытки создания социализма в промышленно отсталой стране, породили в некоторых головах взгляд на «глубинную природу социализма вообще» как «результат не зрелого капитализма, а экономической отсталости» (Малия, 2010. С. 168). Отсюда идут бесконечные упреки социализму в варварстве, в деспотизме, в том, что это «дорога к рабству» и т.п. Но эти упреки следует относить не марксизму и марксистскому социализму, а Сталину и его деспотической системе, которую он назвал «социализмом». Да и Герцен, наверное, первым отшатнулся бы от сталинского социализма, хотя именно Сталин общинные нравы и дух общинного коллективизма положил в основу своего режима. И тем самым он полагал возможным опередить в развитии другие страны.

Конечно, жесткий режим политической диктатуры в СССР позволил мобилизовать ресурсы для рывка в экономическом развитии. И за годы советской власти в экономической и социальной областях было сделано много, очень много. Результат был впечатляющий. В СССР была создана мобилизационная экономика, позволившая стране стать второй сверхдержавой в мире за очень короткий отрезок времени. Но в обычный период времени, который наступил, например, в период «застоя» (1964–1985 годы), мобилизационный тип экономики оказался экономически неэффективным. Не было мобилизационной или мобилизующей цели. Опередить развитые страны Запада мы так и не смогли.

Сегодня эта теория опережающего развития завоевала место в трудах современных интеллектуалов, которые считают, что нам, то есть России, совсем не обязательно повторять все извилины долгого пути Запада по дороге капитализма. Можно, воспользовавшись техническими достижениями Запада, некоторыми достижениями советского периода, взять и перегнать западные страны в развитии. Вот, например, мы читаем у современного сторонника этой теории: «На наш взгляд, Россия имеет некоторые шансы на то, чтобы стать одним из оазисов такого опережающего развития. Не стремление к новому «большому скачку», а выход на новый путь к новым целям при помощи новых ... средств – такой смысл мы вкладываем в понятие опережающего развития» (*Бузгалин, 2002. С. 8*). Впервые эту идею А.В. Бузгалин сформулировал на научной конференции 1999 года, где он в сотрудничестве с А.И. Колгановым утверждал: «Стратегия опережающего развития для России – это долгосрочная целевая программа, не более утопичная, чем программа электрификации в нищей, разоренной гражданской войной крестьянской России 1922 года; чем программа превращения в технологическую и экономическую сверхдержаву Японии 1945 года, с ее разрушенной индустрией, деморализованным поражением в войне и ядерной бомбардировкой населения» (*Бузгалин, 1999. С. 25*). А вот что пишет другой современный интеллектуал: «В XX веке Россия стала одной из двух сверхдержав планеты и маяком для большей части человечества. XXI век должен стать веком полного торжества России в духовном отношении. И потому нам предстоит совершить самый большой рывок не только в развитии производительных сил, но и в понимании смысла жизни и целей народного труда» (*Антонов, 2008. С. 411*). Первое высказывание принадлежит стороннику европеизированного направления критического марксизма, второе – стороннику национально-почвеннической тенденции. А по сути, все они повторяют Герцена. Реальна или мало реальна эта теория – будет подробно рассмотрено ниже. Здесь же ограничимся лишь демонстрацией того, что создателем ее является Герцен и что в работах самого Герцена можно найти некоторые подходы к формулировке ответа на этот вопрос.

А сначала рассмотрим вопрос социально-исторических альтернатив более основательно.

Альтернативы истории

«История импровизируется, редко повторяется, она пользуется всякой нечаянностью, стучится разом в тысячу ворот... которые отпрутятся... кто знает? История не имеет того строгого, неизменного предназначения, о котором учат католики и проповедуют философы» (*Герцен, 1954–1964. Т. VI, с. 32, 137*). Эти слова Герцена как бы говорят, что в мире нет никакой исторической закономерности, история может повернуть куда угодно. Эти слова очень подходят для объяснения концепции социально-исторических альтернатив и оправдания социалистического характера Русской революции 1917 года. И эти слова Герцена добавляют аргументов сторонникам теории опережающего развития. Зачем следовать каким-то историческим закономерностям, говорят они, мы вот выберем правильную альтернативу и опередим всех.

Давайте разбираться. В России революция произошла только в начале становления капитализма, российская буржуазия была слабой и не в силах возглавить революцию. В результате революции власть оказалась в руках пролетарской, марксистской партии, которая и встала перед проблемой строительства социализма в экономически и культурно отсталой стране. Как это можно было объяснить, не порывая с марксизмом, историческим материализмом? Никак. На это противоречие как основное в понимании всей революции обратил внимание еще в 1920 году П.Н. Милюков. В своей «Истории второй русской революции» он писал, что это противоречие по существу было противоречием «между научным и утопическим социализмом». «Умеренные течения социализма были убеждены в невозможности социалистического пере-

ворота и безусловно признавали необходимость идти вместе с «буржуазией», но в то же время они не могли разорвать нитей, связывающих их в общий социалистический блок со сторонниками борьбы за немедленный социалистический переворот. Это внутреннее противоречие и вытекающая из него неустойчивость тактики и погубили социалистический блок» (Милюков, 2001. С. 207). Эта основная проблема Русской революции сказывалась не только в тактике революционных партий 1917 года, но и после победы большевиков.

Решить эту проблему простым образом попытались Сталин и все остальные теоретики социализма этого толка. И нельзя сказать, что в данном вопросе в каком-то смысле они были неправы. Действительно, согласно теории, социализм есть общество не стихийно развивающееся, а сознательно и планомерно улучшающееся в соответствии с определенными этическими представлениями и духовными ценностями. Как писал Герцен, «новое общественное устройство» должно быть «сообразно с потребностями разума» (Герцен, 1954–1964. Т. XIV, с. 164). Можно представить такую высокую степень развития общества, когда действительно все основные его параметры будут сознательно (планомерно) устанавливаться и управляться из одного центра и когда государственная собственность действительно перерастет в общенародную, то есть потеряет качества собственности. Но все это должно происходить не в слаборазвитой стране, которой еще предстоит пройти стадию индустриального развития, а уже в постиндустриальный период. Суть вопроса заключалась в том, что марксистская теория рассматривает социализм как посткапиталистическое общество, – то, что сегодня можно трактовать как постиндустриализм. Сталин же социалистическую теорию вслед за народниками прикладывал к России сразу после 1917 года. К России, которая только что подорвала основы феодальных отношений и которая реально никак не могла рассматриваться в качестве посткапиталистического (постиндустриального) общества. Могла ли Россия таким манером опередить историю?

Это несоответствие и внесло теоретическую путаницу, когда этические ценности социализма пытались приложить к неадекватной им материальной основе. Поэтому одни деятели, типа Сталина, свои собственные представления пытались силой навязывать обществу, другие, принимая усилия Сталина за действительную реализацию действительной марксистской теории социализма, считали, что ни то, ни другое не соответствует потребностям общественного развития. К последним можно отнести почти всех так называемых «буржуазных» интеллектуалов, которым справедливо не нравился сталинский социализм. Я бы к таким интеллектуалам отнес и самого Герцена. Но при этом они почему-то безоговорочно поверили Сталину в том, что при нем в СССР действительно был построен социализм. Тем самым все эти мыслители оказались методологическими сталинистами.

Таким образом, «русский социализм», корнями своими уходящий в теорию Герцена, сформировался как параллельное капитализму общество, как альтернатива, которую «сознательные рабочие» в лице их вождей могли выбрать в противовес капитализму и тем самым опередить историю. Но, оказывается, не только рабочие, а даже и крестьяне. «Крестьянское хозяйство не есть капиталистическое хозяйство, – писал, например, Сталин. – Крестьянское хозяйство, если взять подавляющее большинство крестьянских хозяйств, есть хозяйство мелкотоварное. А что такое мелкотоварное крестьянское хозяйство? Это есть хозяйство, стоящее на распутье между капитализмом и социализмом. Оно может развиваться и в сторону капитализма, как это происходит теперь в капиталистических странах, и в сторону социализма, как это должно произойти у нас, в нашей стране, при диктатуре пролетариата» (Сталин, 1947. С. 148). Вот, видимо, кто был наиболее активным, после Герцена и народников, автором теории социальных альтернатив в отечественной литературе. Для марксизма это действительно новаторское положение. Ни у кого из марксистских писателей до Сталина такую конструкцию как серьезный вывод встретить невозможно, ибо это

было типично народническое положение. Так, например, Г.В. Плеханов специально отмечал этот момент: «Крестьянству нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается. Больше того: хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма. В этом опять-таки не может сомневаться никто из тех, которые хорошо усвоили себе нынешнюю социалистическую теорию» (Плеханов, 1992. С. 51). По Сталину выходит, что и крестьянство могло от мелкого частного производства сразу перепрыгнуть в социализм, даже минуя организационную стадию крупного производства. Если такая стадия и предусматривалась большевиками (к примеру, так называемый кооперативный план Ленина), то это еще не означало, что кооперированный частный крестьянин становится социалистическим производителем. Для этого ему нужно было пройти длительный путь экономического (в том числе технологического) и культурного развития. В любом случае, крестьянин, выходящий или сбрасывающий с себя феодальные отношения, не может оказаться перед дилеммой – шагнуть ему в капитализм или в социализм. Герцен, как мы видели, был логичнее – он сохранял общину.

Частный или кооперированный крестьянин, конечно, не капиталист. Но частно-крестьянское производство (если оставить в стороне исключительно натуральные хозяйства) прекрасно укладывается в понятие буржуазного способа производства, когда продукт производится именно и только для продажи, для получения прибыли, для наживы. Это нормально и естественно для того экономического состояния общества, которое воспроизводит массу крестьянских хозяйств. Мелкие и семейные крестьянские хозяйства, повторю, не есть капиталистические предприятия, так как основу их существования составляет собственный труд, а не наемный. Но, тем не менее, это – буржуазные хозяйства, преследующие цели рационального экономического поведения, что ничего общего не имеет с социалистическими императивами. Это стадия мелкого, частного производства и требовать от нее прыжка в социализм просто нелепо. Даже кооперация крестьянства не спасает дела. Кооперация как таковая предусматривает сохранение частного интереса и частной собственности производителя. Кооперация не устраняет частного, а объединяет некоторые функции его хозяйственной деятельности. Уберите частную собственность (или частный интерес), тогда и нечего будет кооперировать.

Любопытно, что теория альтернативности истории вдруг стала модной в период горбачевской перестройки. Многие идеологи делали вид (или в самом деле так думали), что в конце 1980-х годов СССР имел равные альтернативы развития в любом подходящем направлении. Одним из наиболее активных «альтернативщиков» тех времен был крупный советский историк П.В. Волобуев, который пытался эту теорию развивать, так сказать, на историческом материале. По необходимости, ему пришлось трактовать исторический материализм совершенно в сталинском духе: «Социализм и капитализм, – писал Волобуев, – это два альтернативных типа социально-экономического развития и общественно-экономического устройства, соответствующие современной системе производительных сил» (Волобуев, 1987. С. 35). Ему вторит и более современный историк, в следующих словах: «Расстановка политических сил после падения царизма открывала перед страной альтернативу: идти буржуазно-реформистским путем в условиях подготовки и проведения Учредительного собрания, которому предстояло сделать окончательный выбор политической системы, или пролетарско-революционным путем – к социализму» (Трукан, 1994. С. 17). Эта трактовка по сути дела полностью переворачивает социальную теорию, в частности марксизм. А другой теории для объяснения этого случая просто не существует.

Герценовскую теорию опережающего развития на основе сохранения крестьянской общины в этот период (конец 1980-х годов) никто уже серьезно не рассматривал. Теория альтернативности истории (или социально-экономических альтернатив,

как любили говорить политэкономы тех лет) как бы родилась заново в горбачевскую перестройку. Так, академик Л.И. Абалкин писал, что «концепция идеальных форм общественного устройства, неразрывно связанная с представлениями о линейной заданности прогресса» сегодня «теоретически и исторически изжила себя... Ей на смену приходят представления об альтернативности и многовариантности общественного прогресса, о целом «пучке» присущих ему направлений и форм... У человека разумного есть шанс выбрать...» (Абалкин, 2002. С. 32–33). А вот что писал Герцен за 150 лет до этого: «В истории все импровизация, все воля, все *ex tempore*, вперед ни пределов, ни маршрутов нет, есть условия, святое беспокойство, огонь жизни и вечный вызов бойцам пробовать силы, идти вдаль куда хотят, куда только есть дорога, – а где ее нет, там ее сперва проложит гений» (Герцен, 1954–1964. Т. VI, с. 36). Видимо, Абалкин забыл про Герцена, а то бы поостерегся писать, что теория альтернатив приходит на смену теории заданности общественного прогресса и что разумный гений имеет шанс выбрать правильный путь. Так, Сталин у нас выбрал колхозы и Гулаг, Хрущев кукурузу, Горбачев перестройку и т.д. Теория гениев, которые могут выбирать наилучшие общественные формы, имеет в России очень давнюю традицию, но она мало что может объяснить.

Согласно теории исторических альтернатив, капитализм и социализм – не последовательные стадии общественного развития, а параллельные. То есть кто-то умный («разумный гений») в обществе после феодализма может запросто выбрать путь развития: или в сторону капитализма, или в сторону социализма. Сразу же появляется и новый вариант. Если имеется такой умный, то, может быть, он выбирает путь развития сразу в коммунизм или еще куда-нибудь получше. А если у этого умного ничего не получится, то придется ему силой заставить народ верить, что все получается в точном соответствии с начертанными партией планами. Так, собственно, и делал Сталин. Так и Волобуев, по существу, развивает сталинскую версию исторического процесса.

Наконец, Волобуев дает и историческую формулу: «Февральская буржуазно-демократическая революция, свергнув царизм, открыла перед Россией различные, в том числе альтернативные, возможности политического и социально-экономического развития. Вопрос встал так: пойдет ли она буржуазно-реформистским путем к капитализму, свободному от остатков феодализма, или пролетарски-революционным путем – к социализму?» (Волобуев, 1987. С. 150). Этот пассаж прямо как бы списан из какой-либо герценовской работы. Но про Герцена тогда забыли, и все хорошо помнили работы Сталина, который действительно создал великую индустриальную державу. И почему-то верили, что в СССР был социализм и Сталин развивает марксизм. В реальной жизни всего этого не было, как и не было действительной марксистской теории в сталинизированном обществоведении. В самом деле, никакая партия или диктатура не поможет, малышу после детского сада выбрать достойную альтернативу – шагать ли в первый класс средней школы или сразу на первый курс университета. Очевидно, что такая альтернатива выбора пути развития после революции 1917 года, то есть развития после феодализма к социализму или капитализму, находилась в явном противоречии с реальной действительностью, с формационным или стадийным подходом.

Рассматривая проблему альтернативности, часто не различают альтернативы социально-экономического развития и социально-политические альтернативы, которые, по сути, есть специфическая форма объективного исторического процесса. Рассмотрим это на примере альтернативности социально-экономического развития России в 20-е годы прошлого века.

Было бы очень просто, а потому и неверно считать, что в 1920-е и 1930-е годы в России существовали два направления (альтернативы) социально-экономического развития: одно сталинское, другое троцкистское. Можно, конечно, выделять и другие

направления (например бухаринизм или еще что-то), но суть не в количестве альтернатив, а были ли они вообще. Причем речь идет об альтернативах социально-экономического развития, развития экономики, а не политических альтернативах выбора того или иного курса. Политические альтернативы, конечно, всегда есть. Но, как правило, побеждает лишь та политическая альтернатива, которая наиболее последовательно и адекватно отражает социально-экономические, объективные потребности развития общества. То есть объективная составляющая экономического развития в современном мире одна, она безальтернативна. Если, конечно, речь идет о развитии общества (социально-экономического организма), а не о его разрушении и уничтожении.

Но вот угадать эту объективную экономическую составляющую или выйти на «закон естественного развития» довольно трудно. Далеко не каждой социальной и политической силе, группировке или партии это удастся. Как правило, это получается у прогрессивных политических сил, потому-то их и называют прогрессивными. Так, буржуазная партия (или партии) времен Великой французской революции «напала» на объективный закон исторического развития, закон неизбежной смены феодального способа производства буржуазным, наилучшим образом отразила или выразила эту общественную потребность. Потому эта буржуазная партия на заре капитализма рассматривается как прогрессивная политическая сила, которая выбрала не лучшую из возможного альтернативу развития, а единственно возможную. То есть среди различных политических стратегий, где действительно существовали альтернативы, французская буржуазная партия предложила такую стратегию, которая оказалась ближе всех других к истине, к объективной потребности развития общества.

Так же и большевики в 1917 году предложили обществу политическую стратегию, которая была ближе всех остальных к потребностям того момента. Но вот уже политика «военного коммунизма», которая во многом была вызвана условиями хозяйственной разрухи и Гражданской войны, оказалась политической стратегией, которую общество не приняло, и от этой политики после окончания Гражданской войны пришлось отказаться. Вот уже здесь мы видим, как не работает теория социально-экономических альтернатив. Большевики очень не хотели переходить к нэпу, это был серьезный кризис для многих коммунистов. Известно, что Троцкий еще в 1920 году предложил некоторые меры в духе нэпа, но Ленин и другие целый год не могли решиться на этот переход. То есть объективный ход вещей, объективная составляющая экономического развития потребовали перехода к нэпу, и большевики пошли на этот переход, даже вопреки своим идеологическим установкам. Поэтому Ленин и говорил о нэпе как отступлении, самотермидоризации.

Те же законы экономического развития действовали и все последующие годы и предопределяли социально экономическую стратегию. Эту стратегию лучше или глубже всего выразила левая оппозиция. Она, как известно, состояла в проведении индустриализации и максимально возможном развитии промышленности, а уже на этой основе развитии сельского хозяйства и последующей его коллективизации. Сталин и Бухарин в середине 1920-х навязали стране другую политическую альтернативу, которая к концу 1920-х потерпела полное поражение. Таким образом, были две политические альтернативы (для данного рассмотрения ограничимся только этими двумя), и только одна из них оказалась «истинной», то есть более адекватно отобразила объективную необходимость социально-экономического развития страны. И этой «альтернативой» была социально-экономическая стратегия именно левой оппозиции.

Поэтому совершенно естественно, что после краха сталинско-бухаринского политического курса Сталин перешел на тот курс, который еще с начала 1920-х годов предлагала левая оппозиция. Но в силу многих обстоятельств Сталин все это преподнес в извращенной политической и даже организационной форме. В чем-то это естественно. Запаздывание в изменении политической стратегии ведет к тому, что возврат к

требованиям объективного процесса детерминированности вызывает значительные издержки и перерасход ресурсов.

Совсем другое дело принимать сталинскую политическую форму этой стратегии, которую он проводил в совершенно искаженном виде, за само содержание стратегии. Надо различать форму исторического процесса и его содержание (или сущность). Содержание стратегии левой оппозиции состояло в создании из полуколониальной России экономически развитого и самостоятельного государства. Политическая форма при этом предполагалась как социалистическая и демократическая. Лидеры левой оппозиции начали, как известно, с требований восстановления внутрипартийной демократии. Сталин навязал совершенно иную политическую форму – тоталитарную диктатуру самого себя. В этом смысле он мало бы отличался, например от Л. Корнилова.

Таким образом, следует говорить о социально-политических альтернативах, но не об альтернативном курсе социально-экономического развития. Если бы осуществилась политическая альтернатива левой оппозиции, результат экономического развития был бы иной, не в том смысле, что индустрия была бы развита в два раза больше или что совершилась бы мировая революция. Нет. Иной результат развития СССР состоял бы в том, что для трудящихся классов общества были бы созданы значительно лучшие условия жизни во многих отношениях.

«Русский социализм» не есть марксистский социализм в строгом смысле слова. Это теория, созданная еще народниками с опорой на Герцена и развитая большевиками для объяснения феномена послереволюционного развития России, которая вобрала, наряду с некоторыми элементами марксизма, также и исконно русские исторические традиции общественной мысли (своеобразно переварив известную «русскую идею»). Но при этом данная теория обслуживала развитие сугубо буржуазных отношений (индустриализация, даже стахановское движение, хозрасчет и т.п.). Ибо основой советского «русского социализма» были чисто прагматические экономические потребности.

Однако, если внимательно читать Герцена, то проблема альтернативности истории не представляется такой уж нелепой. В целом, думается, такой подход в теоретическом плане достаточно плодотворен. Его следует обращать не в прошлое, а в будущее. Видоизменять мир и совершенствовать общество в лучшую сторону можно будет тогда, когда в обществе появятся для этого соответствующие экономические и культурные условия. Если бы не было 1991 года, то можно было бы держаться сталинской формулы и ждать, когда советский социализм разовьется в некоторые приличные формы. Но мы не дождалась, и этот «социализм» рухнул. Потому и встают вопросы о природе «русского социализма».

В самом деле. Если советское общество считать социалистическим, то как объяснить его развал в 1991 году? Говорить о чьей-то личной предательской роли или влиянии зарубежных спецслужб всерьез не приходится, ибо гэкачепистов в августе 1991-го народ в массе своей не поддержал, скорее даже наоборот. Да и невозможно совершать крупные социальные перевороты путем тайных заговоров в такой громадной стране, как Россия. Не то время и не та страна. Поэтому следует искать серьезные причины и находить серьезные ответы. Если признавать, далее, что сегодня в России «строится капитализм» и формируется буржуазное общество, то как это совместить с социалистическим характером революции 1917 года? Это выглядело бы так же нелепо, как если после французской революции конца XVIII века и 70-ти лет господства буржуазного строя, где-то в конце XIX столетия Франция вдруг принялась бы «строить феодализм». Согласно классическому марксизму, следует выбирать одно из двух: или признать, что и сегодня в России существует социализм (что очевидно нелепо) или отказаться от трактовки советского общества как социалистического по своему характеру в марксистском смысле.

Сталин не отказывался от трактовки СССР как социалистической страны (даже наоборот), но он изменил марксизм в одном пункте. А именно, он утверждал, что социализм можно построить в отдельной стране, к тому же совсем не самой экономически развитой. Объективизируя ситуацию, наверное, можно предположить, что Сталин самым ходом вещей был поставлен в следующее положение: с одной стороны, необходимо было внушать и поддерживать в людях уверенность, что можно построить хорошее (то есть социалистическое) общество вне зависимости от мировой революции и мирового рынка; с другой стороны, надо было связывать это строительство с учением и деятельностью Маркса, Энгельса и Ленина, а именно, с теми лозунгами и идеями, которые были провозглашены в начальный период Русской революции. И наверное, это было самое простое и доступное практическое решение. Данное обстоятельство питает многие современные теоретические построения, которые откровенно перечеркивают исторический материализм, и, стало быть, возвращают нас к герценовской теории социализма.

В этих условиях усилился поиск более удовлетворительных концепций исторического развития. Приобрел моду и набирает все больше популярности так называемый цивилизационный подход, который во главу угла кладет исторические, географические (даже психологические и биологические) особенности каждой страны, каждого народа.

В чем суть цивилизационного подхода? Так, Л.И. Абалкин пишет: «Цивилизационный подход в отличие от формационного не делит цивилизации на передовые и отсталые, худшие и лучшие. Они просто разные. И это имеет принципиальное значение» (Абалкин, 2002. С. 5). Применительно к Герцену и его теории социализма это можно сформулировать как понимание социализма сугубо националистически или периферийно. Например В.А. Волконский пишет: «В определенном смысле можно сказать, что социализм – это способ существования незападных стран» (Волконский, 2001. С. 47–48). То есть социализм, согласно такой точке зрения, не социальное понятие, а географическое. Это просто, если проблема не решается в рамках традиционной и естественной для нее науки, тогда давайте эту проблему перенесем в другую науку. Но так проблему можно «смазать», «закрыть», но не решать. Здесь мы видим беспомощность отечественного обществознания в его лучших представителях справиться с запутанностью идеологий XX века, прикладываемых к России.

Какова логика рассуждений такого типа? Эта логика примерно такова. Капитализм, который навязывается сегодня России прозападными либералами, ужасен. Поэтому все или почти все западные учения не годятся. Советский социализм, хоть и имел известные недостатки и не по всем пунктам совпадал с классическим учением К. Маркса, был все же много лучше нынешнего криминального капитализма. Отсюда вывод: значит, для России нужен особый социализм, который не обязательно вытекал бы из марксизма и детерминировался развитием производительных сил общества, а определялся главным образом национальными, культурными и духовными особенностями народа.

Научно объяснить строительство социализма в экономически и культурно отсталой России не получится. А вот идеологически объяснить можно: Россия, мол, представляет такую цивилизацию, где строительство социализма «не по Марксу» вполне вероятно. Иначе получается двусмысленность. Получается, что социалисты незападных стран со слабым развитием капитализма вместо того, чтобы бороться с капитализмом, должны были бы помогать развитию капитализма в собственных странах. Это, конечно, верная логика. По этой логике науку, прежде всего марксистскую, надо отбросить и творить новое общество исходя из идеологии, то есть в данном случае из пустого желания. Что из этого может выйти, мы уже знаем.

Авторы, которые увлекаются цивилизационным подходом, полагают, что русская цивилизация характерна типичными образцами русского купца, «способного легко прокутить, проиграть огромное богатство». «Нехватка честных предпринимателей – это

глубокая черта русской цивилизации» (Волконский, 2001. С. 43). В этой вороватости ничего русского нет. Еще Маркс писал о капиталистах, готовых пойти на любое преступление, если будет достойный процент. Но, введя вороватость в черту русской цивилизации, автор тем самым говорит, что русский капитализм генетически будет криминальным. Поэтому нужна сильная рука (государство), которая наведет порядок. И все это можно будет назвать «восточным социализмом». Авторам, которые цивилизационные особенности страны принимают за главный фактор развития и ищут особые пути для каждой страны, хорошо ответил О.Ю. Мамедов: «Не верящим в существование объективных экономических законов, не допускающим и мысли о единстве экономического устройства общества на определенной ступени его естественноисторического движения, в экономической науке делать нечего. Их участь – воспевание „особого пути“ и карканье о гибельности шагания по „столбовой дорожке человечества“» (Мамедов, 2013. С. 136). Сказано резко, но колоритно и точно. Цивилизационный подход отрицает объективные законы развития, тем самым отрицает вообще научный подход и наука как таковая.

«Преимущества» отсталости

Да, Герцен противоречив, а концепция отсталости как преимущества, пожалуй, самое противоречивое место в его теории опережающего развития. Казалось бы, у Герцена все логично и складно. Отсталая, но молодая страна, благодаря особым своим свойствам и интеллекту лидеров, вдруг вырывается вперед и опережает старые промышленные страны Европы в экономическом и культурном развитии. В советское время такой оборот мысли не выглядел подозрительным и не вызывал много вопросов, ибо пример СССР вроде бы и служил хорошей иллюстрацией для этой теории. Сегодня мы свидетели того, что ничего не получилось. Хотя, конечно, что-то получилось. СССР догнал западные страны в индустриальном развитии, но опередить их так и не смог. Россия опять периферийная страна, и на Европу мы продолжаем смотреть точно так же, как об этом писал Герцен 150 лет назад.

Герцен, конечно, был самым умным, кто полагал, что понятая, так сказать, осознанная отсталость в общественном развитии может оказаться преимуществом. Но и сегодня есть много грамотных, умных и очень знающих людей, которые думают точно так же. Ход их мысли следующий. Страна, запоздавшая в своем развитии, совсем не обязана в точности повторять все зигзаги и ошибки пути, пройденного передовой страной. Отсталая страна, зная и понимая все промахи исторического пути передовой страны, может все учесть и постараться избежать многих ошибок и нелепостей. Путь у отсталой страны может получиться прямее и короче. В пример часто приводят Японию, которая после Второй мировой войны, заимствуя самые передовые технологии стран Запада и не повторяя их длинный путь научно-технического развития, сразу вырвалась в мировые лидеры. Вырваться-то она вырвалась, но никого не опередила. Даже на примере Японии отчетливо видна уязвимость теории опережающего развития.

Теоретически, абстрактно беря вопрос, возможно, это верно. Трудно сказать, первым ли писал так Герцен, но он очень ясно и хорошо об этом писал. Вот он ставит вопрос: «Есть ли путь европейского развития единый возможный, необходимый, так что каждому народу, где бы он ни жил, какие бы antecedенты ни имел, должно пройти им, как младенцу прорезыванием зубов, срастанием черепных костей и пр.? Или оно само – частный случай развития, имеющий в себе общечеловеческую канву, которая сложилась и образовалась под влияниями частными, индивидуальными, вследствие известных событий, при известных элементах, при известных помехах и отклонениях» (Герцен, 1954–1964. Т. XIV, с. 170). И дальше: «Следует ли ему пройти всеми фазами западной жизни для того, чтобы дойти в поте лица, с подгибающимися коленями через реки крови до того же выхода, до той же идеи будущего устройства и невозможности современных форм, до которых дошла Европа? И притом зная вперед, что все это не в

самом деле, а только для какого-то искусства? Да разве вы не видите, что это безумно?» (Герцен, 1954–1964. Т. XIV, с. 176).

Вот тут, откровенно говоря, кроется проблема или отгадка русского пути и русской идеи. Дело в том, что объективные экономические условия развития России были иные, чем в Европе. И в силу этого и некоторых других обстоятельств Россия в своем экономическом и культурном развитии сильно отставала от передовых европейских стран. А вот социальная мысль находилась на уровне европейской. Многие русские социальные мыслители XIX века прекрасно знали европейскую литературу, тесно общались с европейскими учеными (учились в их университетах, переписывались, дружили и т.д.), были, так сказать, европеизированы. Но социально-экономическая жизнь России той эпохи была феодальная. Головой они были в Европе, а задом в России. И зад, естественно, перевешивал. Но очень хотелось быстрее пройти этот путь. Как заметил Л.Д. Троцкий, «страшил длинный путь от бескультурности и бедности нашей до тех целей, которые наметила мысль европейская» (Троцкий, 1990. С. 205). И марксизм появился в России как западное учение, которое вроде бы открывало путь развития через капитализм в будущее состояние общества. Как же тут не захотеть быстренько проскочить этот путь, если уже известно – куда надо бежать?

Но марксизм считал, что перескакивать через этапы исторического развития невозможно. Зная наперед опыт передовых стран, можно несколько сгладить резкие повороты и зигзаги, «можно сократить и облегчить мучения родов» (Маркс, Энгельс, 1955–1975. Т. 23, с. 7–8), но большие исторические этапы миновать никак нельзя. На это стремление сторонников Герцена «сократить путь к социализму» Плеханов ответил, что они не задумывались «над вопросом о том, через какие именно местности пролегает этот исторический проселок и кто же именно поведет им русский народ» (Плеханов, 1956–1958. Т. 1, с. 138).

«Что европейские гражданские формы, – пишет Герцен, – были несравненно выше не только старинных русских, но и теперешних, в этом нет сомнения. И вопрос не в том, догнали ли мы Запад или нет, а в том, следует ли его догонять по длинному шоссе его, когда мы можем пуститься прямее. Нам кажется, что, пройдя западной дрессировкой, подкованные ею, мы можем стать на свои ноги и, вместо того чтоб твердить чужие зады и прилаживать стоптанные сапоги, нам следует подумать, нет ли в народном быту, в народном характере нашем, в нашей мысли, в нашем искусстве чего-нибудь такого, что может иметь притязание на общественное устройство несравненно высшее западного. Хорошие ученики часто переводятся через класс» (Герцен, 1954–1964. Т. XIV, с. 154–155). Вот это: очень хочется перескочить «через класс». Этот мотив был типичным во всех построениях последующих народников. Так, В.П. Воронцов писал в 1882 году: «Наша особенность состоит в том, что мы после других выступили на путь прогресса... Мы счастливы еще и тем, что до настоящего времени сохранили у себя такие общечеловеческие черты характера и учреждения (артельный дух, община), которые другими народами давно уже утрачены и которые придется им опять завоевывать» (Воронцов, 2008. С. 302). Иными словами, мы должны быть счастливы тем, что мы отстали.

Поэтому общий вывод Герцена весьма утопичен и даже, можно сказать, фантастичен. «С самого начала наш естественный, полудиккий образ жизни более соответствует идеалу, о котором мечтала Европа, чем жизненный уклад цивилизованного германороманского мира; то, что является для Запада только надеждой, к которой устремлены его усилия, – для нас уже действительный факт, с которого мы начинаем; угнетенные императорским самодержавием, – мы идем навстречу социализму...» (Герцен, 1954–1964. Т. VI, с. 204). На все это Троцкий заметил: «Раз объявив отсталость и варварство за величайшее историческое преимущество славянства над миром старой европейской культуры, Герцен доходит до самых крайних и рискованных выводов...» (Троцкий,

1990. С. 203). Действительно, Герцен считал возможным, что союз славянских народов освободит Европу от мещанства. И на этом основании приветствовал объединение славян даже под эгидой русской империалистической политики самодержавия.

Наконец, сделаем общий вывод по этой теме. Отсталость в какой-то мере может быть преимуществом, если речь идет о технической сфере. В век электричества и локомотивов в железнодорожном деле совсем не обязательно молодой и свежей стране проходить стадию паровой тяги. Если эта страна в свое время не обзавелась паровозным парком, то сегодня вовсе не нужно повторять весь путь технического прогресса и заводить паровозы. Можно, и даже лучше, перескочить сразу к электричеству. Так делали и делают многие страны.

Некоторые наши интеллектуалы преимущества отсталости и усматривают в этом технологическом аспекте. Так, С.Ю. Глазьев на этой основе строит свою стратегию опережающего развития России. Логика его рассуждений предельно проста. Догоняющая страна меньше обременена устаревшими производственными фондами и ей легче развить элементы нового технологического уклада. «Успех более вероятен, – пишет Глазьев, – когда удастся добиться опережения еще в эмбриональной стадии развития нового технологического уклада». И далее заключает автор: «Не хватает только активной научно-технической политики государства» (Глазьев, 2011. С. 355, 357). Но вот в этом-то и все дело. Почему нет такой политики? В России ее сегодня нет по разным причинам. Главная состоит в том, что господствующая экономическая идеология приоритет отдала рыночному саморегулированию, а рынок в отстающей стране ориентируется на более дешевые зарубежные инновации. Частный производитель не хочет тратить на освоение нового технологического уклада. Государство, конечно, может мобилизовать ресурсы и освоить новый уклад. Но таким образом можно в лучшем случае только догнать передовые страны. Ведь для опережения нужны по-новому подготовленные люди и решение большого круга социальных проблем.

Совсем другое дело социальный прогресс. Нужно время, и немалое, чтобы поднять все население страны или его большинство до культурного уровня передовых стран. Но за это время передовые страны тоже спать не будут; там также будет иметь место какое-то развитие, какой-то прогресс. Догнать их можно, и это продемонстрировал СССР. Но опередить? Вряд ли! Сам же Герцен писал: «Всякая попытка обойти, перескочить сразу – от нетерпения, увлечь авторитетом или страстью – приведет к страшнейшим столкновениям и, что хуже, к почти неминуемым поражениям» (Герцен, 1954–1964. Т. XX, с. 583). Откровенно говоря, эта мысль Герцена правильная, но она никак не укладывается в его теорию опережающего развития.

Итак, Герцен был первым и более умным народником. Он понимает, что одно дело теоретические построения, мысленные конструкции по устройству лучшей жизни, а другое дело сама жизнь, практика. У него есть такие слова: «Мысль была и прежде нетерпелива, ей хочется сейчас, ей ненавистно ждать, – а жизнь не довольствуется отвлеченными идеями, не торопится, медлит с каждым шагом, потому что ее шаги трудно поправляются. Отсюда трагическое положение мыслящих...» (Герцен, 1954–1964. Т. VI, с. 39). Теоретическая мысль опережает практику. Но ведь так и должно быть. Рассмотрим далее, что получилось у нас за 25 лет «радикальных преобразований».

Теория и практика

Реформаторы 1991 года открыто и ясно продекларировали переход к рыночной экономике, но почему-то до сих пор стесняются назвать Россию буржуазной и капиталистической страной. И действительно, таковой Россия в полном смысле сегодня еще не стала. Но насколько серьезными были эти изменения, чтобы их можно трактовать как слом старой советской системы и создание новой. Но какой? Какое определение можно применить для России в связи с распадом СССР?

Рассмотрим трансформацию экономических основ общества. В старом, «социалистическом» обществе такой основой являлась государственная собственность. Да, сегодня легализована частная собственность, и даже переименовали почти 80% предприятий из государственных в акционерные. Однако от такого переименования по существу мало что изменилось, кроме того что директора этих предприятий получили неограниченные возможности делать то, что хотят, или то, что могут. На самом деле, государство продолжает доминировать в экономике. Как замечает О.Ю. Мамедов, доля государственного имущества «составляет сегодня более 50%, а с учетом косвенного контроля – свыше 75%» (Мамедов, 2012. С. 6). В современной России, пишет А.В. Бузгалин, «за государственной собственностью в ряде случаев скрывается феодально-капиталистическое присвоение. А за частной собственностью может скрываться бюрократическое государственно-частное присвоение» (Бузгалин, 2014. С. 136). Никакой существенной разницы между оставшимися государственными предприятиями и новыми акционерными предприятиями обнаружить невозможно. Неплатежи, простои, убытки и прочее на тех и других предприятиях совершенно одинаковые. Акционерные предприятия также не создали новых классов или слоев общества. Директора, служащие, рабочие продолжают себя рассматривать в качестве государственных служащих, основные претензии предъявляют именно государству. Директор (или хозяин) убыточного акционерного предприятия не может просто распродать имущество неэффективного предприятия и высвобожденный капитал вложить в более прибыльное дело. Этот директор связан по рукам сотнями нитей, которые и составляют экономическую основу общества. То есть экономическая основа по сути дела осталась прежней, при сильной «государственной вертикали».

Социальная структура общества так же изменилась незначительно. Практически сегодня во власти находится та же самая партгосноменклатура (или их прямые дети), которая была там и в годы брежневского периода, хотя и по-другому называется. Поэтому существенной смены элиты в стране не произошло. Не появился в заметном числе класс капиталистов. Так называемый средний класс сократился после советских времен и, оставаясь заметной социальной силой, очень неоднороден. Специальные расчеты показывают величину среднего класса в пределах примерно 30% к общей численности населения (в советский период – почти 50%) (Воейков, 2014). Конечно, сегодня средний класс не очень большой и с не очень ясной перспективой. Более того, вполне можно утверждать, что какая-то часть среднего класса появилась именно благодаря реформам. Но основную его часть составляет средний класс еще советских времен (интеллигенция, специалисты народного хозяйства, офицерский состав армии и других аналогичных структур, государственные чиновники, хозяйственные руководители).

Остаются политические основы общества, которые действительно претерпели заметные изменения. Но и тут можно сделать две оговорки. Первая – пока еще не совсем ясно (после 25 лет реформирования!), где остановится процесс политических изменений. За текущие годы мы убедились, что эти политические изменения могут идти в разные стороны. Вторая – чтобы четко определить степень и направленность политических изменений, надо также четко представлять базу отсчета. А до сих пор господствуют очень поверхностные и наивные представления о социально-экономическом строе бывшего Советского Союза. Начиная с президентства В. Путина можно наблюдать пока еще в мелких и малозначительных формах реставрацию многих элементов советской системы. Конечно, риторика и форма этой реставрации иная, но содержательно идет упорный возврат прежней системы. Так что говорить, что с распадом СССР ушла в прошлое та социально-экономическая система, явно преждевременно. Советская экономическая система была сформирована не столько под влиянием какой-либо идеологии (даже наоборот), сколько под давлением объективной экономической необходимости выживания громадной страны с суровым

климатом и многочисленным разнообразным населением. Разрушиться эта система сама по себе не может. Она может сменить форму функционирования, историческую форму существования, но не свою суть. А суть ее все та же: смесь буржуазной объективности, феодальных остатков, националистической (вместо социалистической) фразеологии и импотенций (вместо интенций) социального государства. Поэтому миновать стадию буржуазности Россия никак не может.

Проблема буржуазности или мещанства занимает, пожалуй, центральное место в социальной системе. В отличие от советского периода теперь она и у нас самое больное место. Быть или не быть мещанином? Ведь в современной буржуазной России нельзя осуждать буржуазию, если она не нарушает законов, то есть ведет себя весьма прилично. И если раньше, презрительно употребляя слово «мещанин», мы называли так человека с мелкими интересами и узким кругозором, то сегодня мы должны уважать и его. Сказать русскому человеку, что он мещанин, – значит, сказать о нем что-то плохое, оскорбить его. И эта формула почему-то крепко въелась в наши души, воспитанные поначалу русской литературой XIX века, а потом советской идеологией: быть мещанином плохо. А почему? Это же человек, хотя он и мелок.

В русской литературе можно встретить, когда в противоположность мещанству оправдывается, даже воспевается мотовство, расточительность и роскошь. «Расточительность, мотовство не разумно, – пишет Герцен, – но не подло, не гнусно. Оно потому дурно, что человек ставит высшим наслаждением самую трату и негу роскоши; но его неуважение к деньгам скорее добродетель, нежели порок» (Герцен, 1954–1964. Т. II, с. 375). Или вот такая его фраза: «Помещичья распущенность, признаться сказать, нам по душе; в ней есть своя ширь, которую мы не находим в мещанской жизни Запада» (Герцен, 1954–1964. Т. IX, с. 154). Но ведь элементарное мещанство, бережливость и даже крохоборство, лично на мой взгляд, куда лучше «помещичьей распущенности» и других излишеств феодализма, азиатчины и рабства.

Что, вообще говоря, плохого в мещанстве или мелкой буржуазии? Ну и что, если у человека узкий кругозор и неглубокие интересы? Если он никому никакого вреда не делает, то и пусть живет себе в радость! Неужели «помещичья ширь» и мотовство лучше? Не всем же быть героями, кто-то же должен ежедневно делать мелкую, рутинную и часто противную работу. Ведь надо же ежедневно мыть посуду и убирать мусор, то есть заниматься сугубо мещанской (буржуазной) деятельностью. Тут незачем проявлять широту взглядов и героизм, тут нет места романтике. Даже Герцен признает некоторые достоинства мещанства: «Жизнь среднего состояния полна мелких недостатков и мелких достоинств; она воздержана, часто скупа, бежит крайности, излишнего. Сад превращается в огород, крытая соломой изба – в небольшой уездный домик с разрисованными щитами на ставнях, но в котором всякий день пьют чай и всякий день едят мясо. Это огромный шаг вперед, но вовсе не артистический» (Герцен, 1954–1964. Т. XVI, с. 136). Конечно, артистизма тут мало, зато есть мясо. И ведь это очень хорошо. Таким образом, буржуазная стадия развития есть громадный шаг вперед по сравнению с предшествующими стадиями.

Вопрос: на какой стадии находится сегодня Россия и почему ей надо бояться буржуазности? Ведь когда-то надо пройти буржуазную стадию развития. И понимая все негативные стороны этой стадии, можно сделать этот процесс планомерным и управляемым. В противном случае страна так и не выберется из пут феодализма.

ЛИТЕРАТУРА

Абалкин Л.И. (2002). Россия. Поиск самоопределения. Очерки. М.: Наука.

Антонов М.Ф. (2008). Экономическое учение славянофилов. М.: Институт русской цивилизации.

Аузан А.А. (2014). Эффект колеи. Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // *ПостНаука*, 31 октября (<http://postnauka.ru/longreads/35754>).

Бузгалин А.В. (2002). Шансы России в глобальной неэкономике. Цели и средства реализации стратегии опережающего развития. М.

Бузгалин А. (2014). Поздний капитализм: капитал, рабочий, креатор // *Свободная мысль*, № 1 (1643).

Бузгалин А.В., Колганов А.И. (1999). Стратегия опережающего развития для России XXI века / В кн.: *Стратегия опережающего развития для России XXI века*, т. 1. М.: Диалог-МГУ.

Булгаков С.Н. (2006). Душевная драма Герцена / В кн.: *Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903*. М.: Астрель.

Воейков М. (2014). Средний класс в динамике постсоветских трансформаций / В кн.: *Бузгалин А., Трауб-Мерц Р., Воейков М. (ред.) Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса*. М.: Культурная революция, с. 253–265.

Волконский В.А. (2001). Социализм в ракурсе теории цивилизаций // *Альтернативы*, № 1.

Волобуев П.В. (1987). Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М.

Воронцов В.П. (2008). Экономика и капитализм. Избранные сочинения. М.: Астрель.

Герцен А.И. (1954–1964). Собр. соч. в 30 тт. М.: Изд-во АН СССР.

Глазьев С.Ю. (2011). Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / В кн.: *Бузгалин А.В., Крумм Р. (ред.) Стратегия опережающего развития – III*, т. 1: Российские модернизации: диагнозы и прогнозы. М.: ЛЕНАНД.

Зеньковский В.В. (1991). История русской философии, т. 1, ч. 2. Л.: ЭГО.

Ленин В.И. (1968). Полн. собр. соч., т. 21. М.: Политиздат.

Луначарский А.В. (1965). Коммунисты и Герцен / В кн.: *Луначарский А.В. Силуэты*. М.: Молодая гвардия.

Малия М. (2010). Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М.: Изд. дом «Территория будущего».

Мамедов О.Ю. (2012). Какая экономическая модель необходима российской экономике? // *Terra Economicus*, т. 10, № 2.

Мамедов О.Ю. (2013). Будущее политэкономии: по ту сторону псевдопрагматики и лжетеории // *Политэкономия: социальные приоритеты. Материалы I международного политэкономического конгресса*, т. 1: От кризиса к социально ориентированному развитию: реактуализация политической экономии. М.: ЛЕНАНД.

Маркс К., Энгельс Ф. (1955–1975). Соч., изд. 2. М.: Госполитиздат.

Милюков П.Н. (2001). История второй русской революции. М.: РОССПЭН.

Михайловский Н.К. (1995). Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство.

Плеханов Г.В. (1956–1958). Избранные философские произведения, тт. I–V. М.: Госполитиздат, Соцэкгиз.

Плеханов Г.В. (1992). Год на родине / В сб.: *От первого лица*. М.

Сталин И. (1947). Вопросы ленинизма. М.

Троцкий Л.Д. (1990). Политические силуэты. М.: Новости.

Трукан Г.А. (1994). Путь к тоталитаризму: 1917–1929 гг. М.: Наука.

Цвайнерт Й. (2008). История экономической мысли в России. 1805–1905. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.

Шубин А.В. (2007). Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение.

REFERENCES

Abalkin L.I. (2002). Russia. Search for self-determination. Essays. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)

Antonov M.F. (2008). The economic doctrine of the Slavophiles. Moscow: Institute of Russian civilization Publ. (In Russian.)

- Auzan A.A. (2014). The track effect. Path dependence problem – the evolution of hypotheses. *PostNauka*, October 31 ([http:// postnauka.ru/longreads/35754](http://postnauka.ru/longreads/35754)). (In Russian.)
- Bulgakov S.N. (2006). Herzen's moral drama / In: *Bulgakov S.N. From Marxism to idealism. Articles and reviews. 1895–1903*. Moscow: Astrel Publ. (In Russian.)
- Buzgalin A.V. (2002). Russia's chances in the global neoeconomy. The objectives and means of implementing the strategy of advanced development. Moscow. (In Russian.)
- Buzgalin A.V. (2014). Late capitalism: capital, worker, creator. *Svobodnaya mysl*, no. 1 (1643). (In Russian.)
- Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. (1999). Advanced development strategy for Russia in XXI / In: *Advanced development strategy for Russia in XXI*, vol. 1. Moscow: Dialogue-MSU Publ. (In Russian.)
- Glazyev S.Yu. (2011). The strategy of advanced development of Russia under the global crisis / In: *Buzgalin A.V. and Krumm R. (eds.) The strategy of advanced development – III*, vol. 1: Russian modernization: diagnoses and predictions. Moscow: LENAND Publ. (In Russian.)
- Herzen A.I. (1954–1964). Collected works in 30 vols. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (In Russian.)
- Lenin V.I. (1968). Works, vol. 21. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian.)
- Lunacharsky A.V. (1965). Communists and Herzen / In: *Lunacharsky A.V. Images*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian.)
- Maliya M. (2010). Alexander Herzen and the origin of Russian socialism. 1812–1855. Moscow: Publishing House «Territory of future [Territoriya budushchego]». (In Russian.)
- Mamedov O.Yu. (2012). Which economic model does fit to the Russian economy? *Terra Economicus*, vol. 10, no. 2. (In Russian.)
- Mamedov O.Yu. (2013). Future of political economy: beyond the pseudo pragmatics and false theory. *Political economy: social priorities. Proceedings of the First International Congress of political economy*, vol. 1: From crisis to people-centered development: political economy reactualization. Moscow: LENAND Publ. (In Russian.)
- Marx K. and Engels F. (1955–1975). Works, 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat Publ. (In Russian.)
- Mikhailovsky N.K. (1995). Literary criticism and memories. Moscow: Iscusstvo Publ. (In Russian.)
- Milyukov P.N. (2001). History of the Second Russian Revolution. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian.)
- Plekhanov G.V. (1956–1958). Selected philosophical works, vols. I–V. Moscow: Gospolitizdat, Sotsekgiz Publ. (In Russian.)
- Plekhanov G.V. (1992). A year at home / In: *Narratives from the first person*. Moscow. (In Russian.)
- Shubin A.V. (2007). Socialism. «Golden Age» of the theory. Moscow: Novoye literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian.)
- Stalin I. (1947). Issues of Leninism. Moscow. (In Russian.)
- Trotsky L.D. (1990). Political profiles. Moscow: Novosti Publ. (In Russian.)
- Trukan G.A. (1994). The path to totalitarianism: 1917–1929 гг. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)
- Tsvaynert J. (2008). The history of economic thought in Russia. 1805–1905. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian.)
- Voeykov M. (2014). The middle class in the dynamics of post-Soviet transformation / In: *Buzgalin A., Traub-Merz R. and Voeykov M. (eds.) Inequality of income and economic growth: an strategy of the crisis overcoming*. Moscow: Cultural Revolution [Kulturnaya revolyutsiya] Publ., pp. 253–265. (In Russian.)
- Volkonskiy V.A. (2001). Socialism from the perspective of the theory of civilizations. *Alternatives*, no. 1. (In Russian.)

-
- Volobuev P.V.* (1987). The choice of ways of social development theory, history, modernity. Moscow. (In Russian.)
- Vorontsov V.P.* (2008). The economy and capitalism. Selected Works. Moscow: Astrel Publ. (In Russian.)
- Zenkovsky V.V.* (1991). The history of Russian philosophy, vol. 1, part 2. Leningrad: EGO Publ. (In Russian.)

ИНВЕСТИЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ И ДЕФИЦИТ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ НА ПУТИ ОСВОЕНИЯ РОССИЕЙ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ

С.В. НАУМОВ,

кандидат экономических наук,
экономист, акционерное общество «Техпереворужение», г. Москва, Россия,
e-mail: postmastersn@yahoo.com

За последние 15 лет в стране существенно увеличился объем инвестиций в общественном секторе экономики, обеспечив создание беспрецедентного количества уникальных инфраструктурных объектов. В то же время российская экономика, если рассматривать ее общественный и частный секторы как части единого целого, не успевала реагировать на эти инициативы соответствующими изменениями, которые, например, могли бы подтверждаться более высокими показателями ее конкурентоспособности. В статье рассмотрены факторы, влияющие на объем, структуру и динамику инвестиций в общественном секторе экономики, а также условия эффективной мобилизации и применения инвестиционных ресурсов в общественном секторе экономики. Применительно к экономике в РФ рассмотрены причины низкой инвестиционной привлекательности общественного сектора. Опыт развития мировой экономики показывает, что, кроме квалифицированных кадров со стороны всех участников инвестиционного процесса, минимально необходимыми условиями эффективной мобилизации и применения инвестиционных ресурсов в общественном секторе экономики являются: наличие у государства, общества и потенциальных инвесторов доступа к полной и достоверной информации о составе, производительных характеристиках и качестве экономической и социальной инфраструктуры в стране; наличие правовой определенности в законодательстве, регулирующем инвестиционную и иную экономическую деятельность, а также доверие инвесторов к правовой системе государства, гарантирующей соблюдение государством собственных правил; наличие развитого гражданского общества; наличие в стране достаточного количества конкурентоспособных поставщиков и подрядчиков, специализирующихся на производстве товаров (работ, услуг) производственного назначения; наличие у государства собственных структур, обладающих успешным опытом по стандартизации процессов управления сложными проектами. В настоящее время экономика в РФ находится в состоянии глубокой институциональной разбалансированности и, как следствие, отдельные ее субъекты, практика экономического расчета которых могла бы успешно воспроизводиться в границах всей экономической системы, не имеют реальной поддержки ни со стороны государства, ни со стороны общества. На примере института го-

сударственно-частного партнерства показано, каким именно образом дефицит определенности на пути освоения Россией современных экономических механизмов сдерживает эффективность инвестиций в общественном секторе экономики.

Ключевые слова: качество экономической и социальной инфраструктуры; конкурентоспособность экономики; условия эффективной мобилизации инвестиционных ресурсов в общественном секторе экономики

INVESTMENTS IN THE PUBLIC SECTOR OF ECONOMY AND SHORTAGE OF CERTAINTY ON THE WAY OF RUSSIA'S MASTERING OF MODERN ECONOMIC MECHANISMS

STANISLAV NAUMOV,

candidate of economics (PhD),

economist, joint-stock company «Tekhperevooruzhenie», Moscow, Russia,

e-mail: postmastersn@yahoo.com

Over the last 15 years of the XXI century the RF government has significantly increased the volume of investments in the public sector of economy, which enabled the formation of the unprecedented number of unique infrastructure projects. At the same time the Russian economy, if we consider its public and private sectors as parts of the unitary whole, has not succeeded in responding to these government's initiatives with corresponding changes that, for instance, could have been supported with higher indicators of its competitiveness. The article focuses on the factors influencing volume, structure, and dynamics of investments in the public sector of economy, as well as conditions for an effective mobilization and usage of investment resources in the public sector of economy. In respect to the economy of the Russian Federation causes of low investment attraction of the public sector are analyzed. The experience of world economy development shows that besides qualified personnel on the part of all the participants of the investment process, minimal necessary conditions of effective mobilization and usage of investment resources in the public sector of economy are as follows: the access on the part of the state, society and potential investors to complete and reliable information on the composition, production characteristics and quality of economic and social infrastructure in the country; the existence of legal certainty in the legislation regulating investment and other economic activities as well as confidence of investors in the state's legal system ensuring the adherence of the state to its own rules; the existence of a developed civil society; the availability of sufficient number of competitive suppliers and contractors specializing in the production of capital goods (works, services); the presence of state's own structures having successful experience in standardizing of challenging project management processes. At present the RF economy is in the state of deep institutional imbalance and consequently its separate subjects, whose practice of economic analysis could be effectively reproduced within the boundaries of the whole economic system, do not have real support either from the state or from the society. Through the example of a public-private partnership institute, it is shown how the shortage of certainty on the way of Russia's mastering of modern economic mechanisms holds the efficiency of investments in the public sector of economy.

Keywords: *quality of economic and public infrastructure; competitiveness of the economy; conditions for an effective mobilization and usage of investment resources in the public sector of economy*

JEL classifications: *H11, H54, P26*

Конкурентоспособность экономики определяется качеством социальной инфраструктуры

Объем, структура и динамика инвестиций в общественном секторе экономики стали в настоящее время центральной проблемной областью в экономической политике многих государств. Опытным путем установлено, что обеспечение необходимого объема и высокого качества инвестиций в общественном секторе экономики служит данному обществу в долгосрочной перспективе надежной защитой от многих экономических проблем.

Высокий уровень развития экономической и социальной инфраструктуры оказывает, например, существенное и положительное влияние на общий уровень конкурентоспособности экономики, что нетрудно проверить по месту соответствующих стран в рейтингах конкурентоспособности международных организаций. На наш взгляд, в мировой экономике в настоящее время прослеживается воспроизводящая себя на локальном уровне закономерность: чем выше качество инфраструктуры конкретной экономики, тем выше ее возможности обеспечить высокий уровень конкурентоспособности и занять соответствующее лидирующее место в глобальном рейтинге. Из приведенной ниже таблицы (см. табл. 1) видно, что из первых пяти стран рейтинга по показателю «Качество инфраструктуры» гарантированно обеспечивают себе лидерство в группе из 10 стран рейтинга по показателю «Общий уровень конкурентоспособности» 4 страны (Швейцария, Сингапур, Финляндия, Гонконг); из следующих пяти стран (6–10 места) рейтинга по показателю «Качество инфраструктуры» в группе из 10 стран рейтинга по показателю «Общий уровень конкурентоспособности» остаются две страны (Германия и Нидерланды); из третьей выборки (11–15 места) по показателю «Качество инфраструктуры» высокий уровень конкурентоспособности может подтвердить только одна страна (Япония).

Таблица 1

Страны-лидеры по качеству инфраструктуры в рейтинге глобальной конкурентоспособности из 148 стран Всемирного экономического форума за 2013–2014 гг.

Страны	Место в рейтинге по показателю «Качество инфраструктуры»	Место в рейтинге по показателю «Общий уровень конкурентоспособности»
Швейцария	1	1
Гонконг, САР Китая	2	7
Финляндия	3	3
ОАЭ	4	19
Сингапур	5	2
Франция	6	23

Окончание табл. 1

Страны	Место в рейтинге по показателю «Качество инфраструктуры»	Место в рейтинге по показателю «Общий уровень конкурентоспособности»
Исландия	7	31
Австрия	8	16
Нидерланды	9	8
Германия	10	4
Португалия	11	51
Испания	12	35
Люксембург	13	22
Япония	14	9
Канада	15	14

Источник: *The Global Competitiveness Report 2013–2014 (2013)*.

Эффективность инвестиций в общественном секторе определяется эффективностью производства необходимых обществу благ

Исторически первым и безальтернативным механизмом мобилизации и применения инвестиционных ресурсов в общественном секторе экономики было государство. Однако недостатки данного механизма, проявившиеся главным образом в слабой заинтересованности обычно многочисленных представителей государства своевременно, экономно и качественно организовывать производство необходимых обществу благ, привели во второй половине XX века к тому, что концепция управления общественным сектором экономики подверглась существенному пересмотру во многих странах с развитой рыночной экономикой¹.

К настоящему времени в странах-участницах Организации экономического сотрудничества и развития (объединяет 34 страны-участницы и 10 стран-партнеров, включая Россию с мая 2007 года) накоплен богатый опыт практического взаимодействия общества, частных компаний и государства, выработаны принципы взаимовыгодного объединения ресурсов, принадлежащих различным группам собственников, в долгосрочных инвестиционных проектах в общественном секторе экономики (*OECD, 2007; OECD, 2008*).

Принципиальным отличием современных механизмов мобилизации и применения инвестиционных ресурсов в общественном секторе экономики от традиционного механизма является максимально полная передача государством функций по оперативному администрированию инвестиционного проекта частной специализированной компании-оператору либо на договорной основе, либо путем формирования соответствующей компании-оператора совместно с другими участниками инвестиционного проекта. Главное – фактическая и юридическая переориентация функций (и ответственности) государства с тотального оперативного администрирования инвестиций в общественном секторе экономики на функции по управлению процессом организа-

¹ Фундаментальная проблема на стороне традиционного механизма состояла в том, что организационная структура соответствующей модели государства оказалась несбалансированной по ряду параметров в отношении требований к управлению современными крупными высокотехнологичными инфраструктурными объектами. С одной стороны, стала проявляться избыточность оргструктуры государства в части структурных единиц, ответственных за контроль собственности и финансирование, с другой – перегруженность в части структурных единиц, ответственных за содержательную проработку решений, связанных с созданием и поддержанием в работоспособном состоянии качественно новых объектов, начиная со стадии их обоснования и проектирования.

ции производства необходимых обществу благ². В последнем случае ресурсы государства значительно высвобождаются, а ответственность за выработку инвестиционных решений концентрируется в двух ключевых областях:

- обоснование приоритетов государственной инвестиционной политики в общественном секторе экономики;
- обеспечение эффективности инвестиционных проектов в общественном секторе экономики, наделенных статусом государственного приоритета.

Минимально необходимые условия эффективной мобилизации инвестиционных ресурсов в общественном секторе экономики

Опыт развития мировой экономики показывает, что, кроме квалифицированных кадров со стороны всех участников инвестиционного процесса, минимально необходимыми условиями эффективной мобилизации и применения инвестиционных ресурсов в общественном секторе экономики являются:

- 1) наличие у государства, общества и потенциальных инвесторов доступа к полной и достоверной информации о составе, производительных характеристиках и качестве экономической и социальной инфраструктуры в стране;
- 2) наличие правовой определенности в законодательстве, регулирующем инвестиционную и иную экономическую деятельность, а также доверие инвесторов к правовой системе государства, гарантирующей соблюдение государством собственных правил;
- 3) наличие развитого гражданского общества;
- 4) наличие в стране достаточного количества конкурентоспособных поставщиков и подрядчиков, специализирующихся на производстве товаров (работ, услуг) производственного назначения;
- 5) наличие у государства собственных структур, обладающих успешным опытом по стандартизации процессов управления сложными проектами.

Другие элементы и особенности современных механизмов эффективной мобилизации и применения инвестиционных ресурсов в общественном секторе экономики детально раскрыты в специальной литературе по данному вопросу (*The World Bank, 2012; Strategic Infrastructure: Steps to Prioritize and Deliver Infrastructure Effectively and Efficiently, 2012; Strategic Infrastructure: Steps to Prepare and Accelerate Public-Private Partnerships, 2013; Варнавский, 2002; Дерябина, 2008; Емельянов, 2011; Захаров, 2011; Захаров, Овакимян, 2012; Корчагина, 2010; Медведев, 2010; Перегудов, Семененко, 2009; Халимовский, 2011; Яббарова, 2008; Ястребов, Пинкевич, 2010; Forrer et al., 2010; Grimsey and Lewis, 2004; Wettenhall, 2003; Yescombe, 2007*).

Институциональная разбалансированность – причина низкой инвестиционной привлекательности общественного сектора

Обращаясь к практике управления инвестиционными проектами в общественном секторе экономики в РФ, необходимо отметить, что, несмотря на длительный период экономических преобразований в новейшей истории России, решение данной проблемы, на наш взгляд, не достигло необходимого уровня, о чем свидетельствуют невысокие темпы модернизации экономики и отсутствие у экономических субъектов определенности в форме официальных разъяснений от имени Правительства РФ например³, по следующим вопросам:

² Государство-подрядчик, находящееся в границах собственной производственной необходимости и субъективного усмотрения, занимает в новом производственном отношении принципиально иное место – службы заказчика от имени общества, что позволяет такой модели государства без противоречий, свойственных государству-подрядчику, эффективнее управлять процессом организации производства действительно необходимых обществу благ, то есть в интересах наибольшей части всех социальных групп. При условии, конечно, если общество поддерживает такую культуру.

³ Государственная программа РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика». Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2013 № 2492-р.

1. Каким стратегическим целям развития общества должен соответствовать выбор приоритетов государственной инвестиционной политики в общественном секторе экономики?

2. Кто в государстве и по каким методикам обосновывает приоритеты государственной инвестиционной политики в общественном секторе экономики?

3. Кому в обществе, в каком объеме и в какой форме доводятся результаты обоснования приоритетов государственной инвестиционной политики в общественном секторе экономики?

4. Кто в государстве отвечает за качество коммуникаций с потенциальными участниками инвестиционных проектов и обществом в целом по вопросам обоснования приоритетов государственной инвестиционной политики в общественном секторе экономики?

5. Насколько полно действующая законодательная база РФ соответствует фактическим условиям реализации инвестиционных проектов в общественном секторе экономики и учитывает лучшие мировые практики в данной области правового регулирования?

Дефицит определенности на федеральном уровне в отношении возможных состояний и поведения действующей системы управления инвестиционными проектами в общественном секторе экономики в РФ образует дополнительные сложности для эффективной мобилизации и применения инвестиционных ресурсов на уровне экономики субъектов РФ. Одной из главных причин низкой инвестиционной привлекательности общественного сектора экономики в РФ можно считать глубокую институциональную разбалансированность отечественной экономики. Результат – дефицит субъектов, практика экономического расчета которых могла бы успешно воспроизводиться в границах всей экономической системы. Другими словами, из того, что работает в отечественной экономике, очень мало того, что работает на удовлетворение объективных общественных потребностей системно и эффективно, так на сущностном уровне можно охарактеризовать сложившееся состояние дел.

В исследовании «Практика применения концессионных соглашений для развития региональной инфраструктуры в РФ» авторы выделяют 7 ключевых институциональных факторов, влияющих на развитие механизма концессионных соглашений в РФ (*Практика применения концессионных соглашений для развития региональной инфраструктуры в РФ, 2014*):

1) наличие нормативно-правовой базы, определяющей, в частности, порядок инициации и заключения концессионных соглашений, где четко прописаны принципы их заключения, сроки, ответственные субъекты;

2) наличие в регионе специализированных государственных органов, обладающих необходимыми компетенциями и полномочиями на проработку и сопровождение проектов государственно-частного партнерства, в том числе концессионных проектов, или специализированной организации, оказывающей соответствующий перечень консультационных услуг (принцип «квалифицированного заказчика»);

3) политическая воля государственных органов, которые призваны учитывать положительные результаты и выгоды от заключения концессионных соглашений, среди которых: приток инвестиций и минимизация нагрузки на бюджет субъекта РФ; сокращение рисков, расчет и управление которыми берет на себя частный партнер;

4) стабильная политическая конъюнктура в данном регионе и отсутствие видимых политических рисков, которые могут отрицательно отразиться на процессе выполнения концессионного соглашения;

5) развитая социально-экономическая политика субъекта РФ, что позволяет гарантировать возврат инвестированных средств концессионера в объект инфраструктуры;

6) наличие конкуренции между частными компаниями, способными участвовать в реализации концессионных соглашений;

7) системный подход к развитию инфраструктуры и привлечению для этих целей внебюджетных средств (наличие стратегии развития инфраструктуры субъекта РФ или программы привлечения внебюджетных инвестиций, в том числе с применением механизмов государственно-частного партнерства, или принятая региональная концепция развития механизмов государственно-частного партнерства).

Учитывая, что авторы указанного выше исследования не дают собственной оценки институциональной зрелости российской экономики применительно к данным факторам, следует дополнить, что состояние институциональной разбалансированности экономики в РФ есть факт, который подтверждается следующим неопровержимым доказательством: в современной России достаточно длительное время не приживаются механизмы эффективной мобилизации и применения инвестиционных ресурсов в общественном секторе экономики, с успехом оправдавшие себя во многих других частях света.

Например, на основе анализа практики реализации в России механизмов государственно-частного партнерства указанному обстоятельству в заключении Комитета по вопросам собственности Государственной Думы РФ от 18 апреля 2013 года по проекту Федерального закона «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации» дано следующее объяснение (*Заключение Комитета по вопросам собственности Государственной Думы РФ, 2013*): «... Принятие в России специального законодательного акта о государственно-частном партнерстве безусловно является шагом в правильном направлении, поскольку достигает целого ряда стратегически важных целей и, в частности, позволит:

- обеспечить консенсус мнений и единство взглядов государства, бизнеса и общества на пути развития в России института государственно-частного партнерства. Общее понимание признаков и важнейших характеристик этого инструмента модернизации российской экономики позволит активизировать процесс заимствования лучших практик государственно-частного партнерства из зарубежного опыта, тиражирования опыта успешных проектов государственно-частного партнерства в России, а также использования государственно-частного партнерства наравне с другими механизмами привлечения частных инвестиций в экономику посредством устранения законодательных ограничений, снижения рисков и издержек, присущих проектам государственно-частного партнерства в России;
- стимулировать процесс согласования существующих во властно-распорядительных органах подходов к пониманию роли государства в современной экономике и необходимости определения закрытого перечня публичных полномочий и задач, к выполнению которых государство готово привлечь частных предпринимателей. В частности, четко обозначить круг вопросов ведения каждого уровня публичной власти, а также оценить степень контроля и меру ответственности государства в тех функциях, которые переданы на исполнение частному бизнесу;
- понять роль и место государственно-частного партнерства в сложившемся на сегодняшний день соотношении между государственным и частным секторами экономики в диапазоне от полного государственного регулирования и монопольного исполнения публично-правовыми образованиями всего спектра общественно значимых услуг и государственных полномочий до полной их «приватизации» бизнесом.

В то же время следует отчетливо понимать, что рассматриваемый законопроект не решит всех проблем развития и повсеместного распространения института государственно-частного партнерства в России, поскольку успешное становление принципов государственно-частного партнерства определяется целой системой взаимоувязанных правовых норм из различных отраслей законодательства – бюд-

жетного, налогового, административного, земельного, корпоративного, антимонопольного, трудового и т.д. и инструментов гражданского права – договоров аренды, купли-продажи, подряда, займа, переуступки прав и т.д. Однако решающим фактором остается согласованность и гармоничность всей системы нормативно-правового регулирования государственно-частного партнерства с релевантными с ним федеральными законами, подзаконными актами и законами субъектов РФ, их практическая совместимость с выбранной государством стратегией использования этого инструмента и принципами формирования пулов государственно-частного партнерства. Если в стране отсутствует должное регулирование отношений собственности (прежде всего, государственной), нет внятной налоговой, тарифной и антимонопольной политики, не проводится единая политика государства в области развития государственно-частного партнерства, не завершена реформа жилищно-коммунального хозяйства и местного самоуправления, велико политическое и институциональное противодействие, имеет место наличие открытого противостояния интересов, не проводится системная работа по повышению качества предлагаемых к реализации проектов государственно-частного партнерства, а частные инвесторы не чувствуют себя защищенными, то в такой ситуации любой, даже «очень хороший», закон о государственно-частном партнерстве работать не будет. Должно пройти немало времени, чтобы провести системную унификацию всего федерального законодательства и снять имеющиеся ограничения, и самое главное, добиться изменения идеологического восприятия, в первую очередь государственными и муниципальными чиновниками, экономической сути института государственно-частного партнерства, чтобы в нашей стране заработал так называемый в мировой практике «PIPE-LINE PPP» – «трубопровод государственно-частного партнерства».

Что изменилось за прошедшее время? 13 июля 2015 года Государственной Думой РФ принят Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Будучи безусловно новой вехой на пути освоения Россией современных экономических механизмов, указанный Закон, на наш взгляд, не предложил ни частным инвесторам, ни публичным партнерам устойчивых правовых решений ключевых проблем в сфере государственно-частного партнерства. Отправная точка при оценке эффективности конкретного проекта государственно-частного партнерства – определенность по долгосрочным целям и задачам публичного партнера – осталась в концепции нового Закона не заданной, составив в этом смысле лишнюю конкуренцию другой проблеме, непосредственно связанной с практической реализацией в России механизмов государственно-частного партнерства: дефициту конкретики в части открытых исходных данных, необходимых для объективного инвестиционного анализа, в документах стратегического планирования на федеральном уровне, на уровне субъектов РФ и на уровне муниципальных образований.

О необходимых механизмах мобилизации инвестиций в общественном секторе российской экономики

Медленное развитие в России механизмов эффективной мобилизации и привлечения инвестиционных ресурсов в общественном секторе экономики на длительное время затягивает действие против России многочисленных факторов, вносящих негативный вклад в показатели общего уровня конкурентоспособности ее экономики. При этом неудовлетворительная динамика в освоении Россией современных экономических механизмов меньше всего связана с недостаточным количеством документов стратегического планирования, принятых на правительственном уровне в связи с необходимостью глубокой модернизации экономики страны.

В конце 2008 года Правительство РФ, например, переформулировало набор общих принципов, соблюдение которых должно было позволить обществу, государству и частным компаниям перейти в перспективе на новую ступень социально-экономического развития⁴. Правительство РФ абсолютно точно спрогнозировало, что успех модернизации экономики и социальной сферы предполагает «выстраивание эффективных механизмов взаимодействия общества, бизнеса и государства, направленных на координацию усилий всех сторон, обеспечение учета интересов различных социальных групп общества и бизнеса при выработке и проведении социально-экономической политики». Вместе с тем инновационный тип экономического развития требует создания максимально благоприятных условий для предпринимательской инициативы, повышения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности российских частных компаний, расширения их способности к работе на открытых глобальных рынках в условиях жесткой конкуренции, поскольку именно частный бизнес является основной движущей силой экономического развития. Это означает, что государство может создавать необходимые условия и стимулы для развития бизнеса, но не должно подменять бизнес собственной активностью.

С принципами и логикой правительственной Концепции, с одной стороны, трудно не согласиться, если рассматривать общество, государство и частные компании в качестве реально функционирующих субъектов инновационного развития. Однако, с другой стороны, нельзя не заметить, что в сложившихся в России условиях во взаимодействии указанных субъектов нет достаточной активности.

В целях эффективного вовлечения заинтересованных субъектов в формирование и реализацию социально-экономической политики Правительство РФ предложило в

⁴ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р) предусматривала, в частности, следующие принципы, которыми должно было руководствоваться государство в отношении с субъектами предпринимательской деятельности в целях перехода к инновационному социально-ориентированному развитию:

- создание условий для свободы предпринимательства и конкуренции, развитие механизмов саморегулирования предпринимательского сообщества;
- снижение административных барьеров в экономике, превращение России в страну с низким уровнем коррупции;
- формирование условий для массового создания новых частных компаний во всех отраслях экономики, совместная с бизнесом работа по повышению общественного статуса и значимости предпринимательства и собственности;
- устранение избыточного государственного регулирования экономики и переход преимущественно к косвенным методам регулирования экономических процессов;
- поэтапное сокращение участия государства в управлении собственностью в конкурентных отраслях экономики путем применения прозрачных и эффективных приватизационных процедур, основанных на принципах рыночной оценки, равного доступа к имуществу и открытости деятельности органов государственной власти;
- концентрация государственного предпринимательства главным образом в отраслях, связанных с обеспечением обороноспособности и национальной безопасности, развитием инфраструктуры, безусловное обеспечение равных условий конкуренции в тех секторах, где наряду с государственными функционируют частные компании;
- поддержание макроэкономической стабильности и предсказуемости изменения основных макроэкономических параметров, последовательное снижение уровня инфляции;
- развитие частно-государственного партнерства, направленного на снижение предпринимательских и инвестиционных рисков, прежде всего в сферах исследований и разработок, распространения новых технологий, развития транспортной, энергетической и коммунальной инфраструктуры;
- поддержка инициатив бизнеса по участию в развитии социальной сферы и человеческого капитала;
- активная поддержка российских компаний на внешних рынках, в том числе прямых иностранных инвестиций российских компаний, при соблюдении норм международного права и обязательств Российской Федерации в данной области, защита интересов российского бизнеса в случае нарушения его прав в иностранных государствах;
- расширение участия предпринимательского сообщества в подготовке решений органов государственной власти, связанных с регулированием экономики.

Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года «выстраивание новой модели развития общества, обеспечивающей:

- эффективность механизмов защиты прав и свобод граждан, без которых невозможно создать конкурентоспособные государственные институты;
- функционирование механизмов вертикальной и горизонтальной социальной мобильности;
- применение процедур и правил, гарантирующих выявление и учет интересов каждой социальной группы при принятии решений на всех уровнях государственной и муниципальной власти, ответственность за результаты и последствия принятых и реализованных решений;
- равноправный диалог общественных организаций, бизнеса и государства по ключевым вопросам общественного развития, результаты которого становятся основой принимаемых нормативных решений;
- высокое доверие граждан к государственным и общественным институтам;
- широкий общественный консенсус по основным вопросам развития России».

Предложения, по сути, были сформулированы верные. Однако, на наш взгляд, «выстраивание новой модели развития общества» может случайным образом выходить на контрпродуктивные траектории развития, если в данном процессе само общество не несет риски дополнительных для себя расходов и, соответственно, не принимает решающего участия.

Оценивая социальные причины недостаточной востребованности в России механизмов эффективной мобилизации и применения инвестиционных ресурсов в общественном секторе экономики, следует согласиться с выводом, к которому в процессе подготовки нового закона, регулирующего отношения в области государственно-частного партнерства, пришли члены Комитета по вопросам собственности Государственной Думы РФ в заключении от 18 апреля 2013 года по проекту Федерального закона «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации», – необходимы изменения идеологического восприятия экономической сути института государственно-частного партнерства. В целом, на наш взгляд, можно утверждать шире: в России вновь пришло время переопределения связей экономики с природой, обществом, человеком и культурой. В результате таких преобразований в обществе формируется потребность на приведение функций собственной управляющей системы в соответствие с изменениями в объекте управления.

Опираясь на анализ мирового и российского опыта, можно сделать вывод, что фиксируемые в настоящее время недостатки действующего в России механизма мобилизации и применения инвестиционных ресурсов в общественном секторе экономики свидетельствуют о значительном потенциале совершенствования управляющей системы, однако при этом накопленные недостатки не являются критичными, поскольку фактически они компенсируются в известном масштабе резервами эффективности действующей модели государства на уровне первичного перераспределения доходов российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

Варнавский В. (2002). Партнерство государства и частного сектора: теория и практика // *Мировая экономика и международные отношения*, № 7.

Государственная программа РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика». Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2013 № 2492-р.

Дерябина М. (2008). Государственно-частное партнерство: теория и практика // *Вопросы экономики*, № 8.

Емельянов Ю.С. (2011). Нормативное регулирование инновационной деятельности на федеральном и региональном уровнях // *Вопросы экономики и права*, № 8.

Заключение Комитета по вопросам собственности Государственной Думы РФ от 18 апреля 2013 года № 3.9-36/1 по проекту Федерального закона «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации».

Захаров А.Н. (2011). Роль механизмов государственно-частного партнерства в решении экономических и социальных проблем России // *Мировое и национальное хозяйство*, № 1(16).

Захаров А.Н., Овакимян М.С. (2012). Использование зарубежного опыта государственно-частного партнерства в решении экономических задач России (на примере Франции) // *Российский внешнеэкономический вестник*, № 6.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р.

Корчагина А.С. (2010). Развитие форм государственно-частного партнерства в России // *Известия Саратовского университета, Серия Экономика. Управление. Право*, вып. 1.

Медведев Д.А. (2010). Обновляем страну, меняемся сами. Послание Президента РФ к Федеральному Собранию // *Российская газета*, № 271, 1 декабря.

Перегудов С., Семененко И. (2009). Бизнес и государство в социальной сфере: конфронтация или партнерство? // *Мировая экономика и международные отношения*, № 7.

Практика применения концессионных соглашений для развития региональной инфраструктуры в РФ (2014). М.: Центр развития государственно-частного партнерства.

Халимовский Ю.А. (2011). Государственно – частное партнерство в субъектах РФ: Блуждание в темноте // *Налоги (газета)*, № 14.

Яббарова Э. (2008). Некоторые особенности применения механизмов государственно-частного партнерства в России // *Международная экономика*, № 12.

Ястребов О.А., Пинкевич И.К. (2010). Создание условий для развития института государственно-частного партнерства в РФ // *Проблемы современной экономики*, № 3.

Forrer J., Kee J., Newcomer K. and Boyer E. (2010). Public-Private Partnerships and the Public Accountability Question // *Public administration review*, pp. 475–484.

Grimsey D. and Lewis M.K. (2004). *Public-Private Partnerships: The Worldwide Revolution in Infrastructure Provision and Project Finance*. Cheltenham, UK: Edward Elgar.

OECD (2007). *Principles for Private Sector Participation in Infrastructure*. Paris.

OECD (2008). *Public-Private Partnerships: In Pursuit of Risk Sharing and Value for Money*. Paris: Organization for Economic Co-operation and Development.

Strategic Infrastructure: Steps to Prepare and Accelerate Public-Private Partnerships (2013). Geneva: World Economic Forum.

Strategic Infrastructure: Steps to Prioritize and Deliver Infrastructure Effectively and Efficiently (2012). Geneva: World Economic Forum.

The Global Competitiveness Report 2013–2014 (2013). Geneva: World Economic Forum, Geneva.

The World Bank (2012). *Public-private Partnerships Reference Guide*. Washington DC.

Wettenhall R. (2003). The Rhetoric and Reality of Public-Private Partnerships // *Public Organization Review*, 3 (1), pp. 77–107.

Yescombe E.R. (2007). *Public-Private Partnerships: Principles of Policy and Finance*. Burlington, MA: Butterworth-Heinemann/Elsevier.

REFERENCES

Deryabina M. (2008). State-Private Partnership: Theory and Practice. *Voprosy Ekonomiki*, no. 8. (In Russian).

Khalimovskiy Yu.A. (2011). State-Private Partnership in the RF Territorial Entities: Wandering in the Dark. *Taxes* (newspaper), no. 14. (In Russian).

Korchagina A.S. (2010). The Development of State-Private Partnership Forms in Russia. *News of Saratov University. Series: Economy. Management. Law*, issue 1. (In Russian).

Medvedev D.A. (2010). Renewing the Country, We Reshape Ourselves. Address of the RF President to the Federal Assembly. *Russian Newspaper*, no. 271 (December 1). (In Russian).

Peregudov S. and Semenenko I. (2009). Business and State in the Social Sphere: Confrontation or Partnership? *World Economy and International Relationships*, no. 7. (In Russian).

The Concept of the Long-Term Social-Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020. The Order of the RF Government, dated 17.11.2008, no. 1662-p. (In Russian).

The Conclusion of the Ownership Committee of the RF State Duma, dated April 18, 2013 no.3.9-36/1 on the Draft of the Federal Law «On the Grounds of Public-Private Partnership in the Russian Federation». (In Russian).

The Practice of Concession Agreement Usage for the Development of Regional Infrastructure in the RF (2014). Moscow: The Development Centre of Public-Private Partnership. (In Russian).

The RF State Program «Economic Development and Innovative Economy». The Order of the RF Government, dated 21.12.2013, no. 2492-p. (In Russian).

Varnavskiy V. (2002). The Partnership of Public and Private Sector: Theory and Practice. *World Economy and International Relationships*, no. 7. (In Russian).

Yabbarova E. (2008). Some Peculiarities of Usage of Public-Private Partnership Mechanisms in Russia. *International Economy*, no. 12. (In Russian).

Yastrebov O.A. and Pinkevich I.K. (2010). Creating Conditions for the Development of Public-Private Partnership Institute in the RF. *Problems of Modern Economy*, no. 3. (In Russian).

Yemelyanov Yu.S. (2011). Regulatory Control of Innovative Activities on Federal and Regional Levels. *Issues of Economy and Law*, no. 8. (In Russian).

Zakharov A.N. (2011). The Role of State-Private Partnership Mechanisms in Solving Economic and Social Problems in Russia. *Global and National Economy*, no. 1(16). (In Russian).

Zakharov A.N. and Ovakimyan M.S. (2012). The Usage of Foreign Experience of Public-Private Partnership in Achieving Economic Objectives in Russia (using the example of France). *Russian Foreign Economic Reporter*, no. 6. (In Russian).

Forrer J., Kee J., Newcomer K. and Boyer E. (2010). Public-Private Partnerships and the Public Accountability Question. *Public administration review*, pp. 475–484.

Grimsey D. and Lewis M.K. (2004). *Public-Private Partnerships: The Worldwide Revolution in Infrastructure Provision and Project Finance*. Cheltenham, UK: Edward Elgar.

OECD (2007). *Principles for Private Sector Participation in Infrastructure*. Paris.

OECD (2008). *Public-Private Partnerships: In Pursuit of Risk Sharing and Value for Money*. Paris: Organization for Economic Co-operation and Development.

Strategic Infrastructure: Steps to Prepare and Accelerate Public-Private Partnerships (2013). Geneva: World Economic Forum.

Strategic Infrastructure: Steps to Prioritize and Deliver Infrastructure Effectively and Efficiently (2012). Geneva: World Economic Forum.

The Global Competitiveness Report 2013–2014 (2013). Geneva: World Economic Forum, Geneva.

The World Bank (2012). *Public-private Partnerships Reference Guide*. Washington DC.

Wettenhall R. (2003). The Rhetoric and Reality of Public-Private Partnerships. *Public Organization Review*, 3 (1), pp. 77–107.

Yescombe E.R. (2007). *Public-Private Partnerships: Principles of Policy and Finance*. Burlington, MA: Butterworth-Heinemann/Elsevier.

DOI: 10.18522/2073-6606-2015-3-67-77

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ Т. МАЛЬТУСА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Г.Г. ПОПОВ,

кандидат экономических наук, доцент,
Московский технологический институт, г. Москва, Россия,
e-mail: grigorijpopov1977@yandex.ru;

В.А. ЩЕГОЛЕВСКИЙ,

кандидат экономических наук, доцент,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
г. Москва, Россия,
e-mail: va1125@mail.ru

В статье проводится эмпирический анализ соответствия идей неомальтузианцев историческим реалиям, которые в свое время послужили основой сделанного Т. Мальтусом анализа. Авторы рассматривают материалы по аграрной истории Российской империи и другие исторические примеры и делают выводы, что теория Мальтуса описывала частный случай Северной Америки. Теории Мальтуса и его последователей не в состоянии прояснить социально-экономические процессы в России XIX – начала XX века. Авторы доказывают, что демографическая история России носит уникальный и достаточно сложный характер. Центральную роль в изменениях доходов населения Российской империи авторы отводят фискальной политике государства. Именно фискальная политика, по их мнению, детерминировала процесс освоения аграрных территорий Российской империи. Роль государства в экономике Российской империи авторами однозначно оценивается как отрицательная, эта политика вела к сокращению доходов бедных и средних крестьянских семей на фоне неспособности города поглотить массы мигрантов из деревень. Экономическая политика С.Ю. Витте вела к росту социального расслоения в российском обществе. При этом крестьянские хозяйства Российской империи демонстрировали низкую эффективность, что было вызвано не демографическими причинами. Низкая эффективность крестьянского хозяйства стала следствием высокой налоговой нагрузки на русских крестьян, которая ограничивала их возможности и не давала мотивов к инвестициям. Одной из главных причин революции 1905 года авторы видят конфликт крестьянской экономики и экономической политики, получившей в исторической литературе название системы Витте.

Ключевые слова: учение Т. Мальтуса; неомальтузианство; население Российской империи; экономика Российской империи; законы народонаселения

TERRA ECONOMICUS ✧ 2015 Том 13 № 3

DEMOGRAPHIC THEORY OF T. MALTHUS AND ECONOMIC HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE

GRIGORY POPOV,

Candidate of Economics (PhD), Assistant Professor,
Moscow Technology Institute, Moscow, Russia,
e-mail: grigorijpopov1977@yandex.ru

VALENTIN SHCHEGOLEVSKY,

Candidate of Economics (PhD), Assistant Professor,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,
e-mail: va1125@mail.ru

The article is devoted to the empirical analysis of the compliance of the ideas of neomalthusians concepts to a historical realities, which served as the basis of T. Malthus' analysis. The authors examine the materials of the agricultural history of the Russian Empire and other historical examples and express the consideration that the theory of Malthus describes a special case of the North America. The theories of Malthus and his followers are not able to clarify the socio-economic processes in Russia of XIX – beginning of XX centuries, the authors show that the demographic history of Russia is a unique and rather complex. The authors point out a fiscal policy of the state as a central role in the changes of incomes of the population of the Russian Empire. It is fiscal policy, in their opinion, determined the process of development of rural territories of the Russian Empire. The role of the state in the economy of the Russian Empire the authors unambiguously describe as negative this policy responded for the reduce of incomes of poor and middle peasant families on the background disability of the cities to adopt waves of migrants from the countryside. Economic policy of S. Y. Vitte provoked the growth of the social gap in the Russian society. By the way, Russian peasant households demonstrated a low efficiency, this was caused by no demographic factors. The low efficiency of peasant household was the result of a strong taxation for Russian farmers, this factored the limitation of possibilities and motives of peasants to invest in agriculture. The authors consider the conflict between peasantry's economy and economic policy named in the history the system of Vitte as one of the reason of the Revolution of 1905.

Keywords: theory of T. Malthus; neomalthusianism; the population of the Russian Empire; the Russian Empire; the demographic laws

JEL Classifications: B15, B25

Что нам надо от теории Мальтуса сегодня?

В недавно опубликованном отчете ООН (UN, 2009) с прогнозом динамики мирового населения на ближайшие несколько десятилетий говорится, что к 2050 году количество жителей планеты достигнет 9,1 млрд человек, при этом рост народонаселения будет проходить на фоне ухудшения ситуации на мировом рынке продовольствия. В этой связи идеи Томаса Мальтуса и его последователей приобретают новую актуальность. Эта высокая «современность» идей Мальтуса поразительна, несмотря на то, что они были сформулированы более 200 лет назад. Между тем, в современной науке при обсуждении влияния демографического фактора на развитие экономики большинство авторов по-прежнему, как и 200 лет назад, ссылаются – в позитивном или критиче-

ском тоне – на знаменитый «Опыт закона о народонаселении» английского экономиста. Можно в некотором смысле сказать, что Мальтус и теперь «живее всех живых», поскольку его идеи остаются в центре научной дискуссии (*Brown, etc. 1999; Charbit. 2009; Knudsen, 2006; Linner, 2004; Fernandez and Miller, 2013, Щеголевский, 2014*). Однако за пределами многих работ, посвященных теории Мальтуса и, так сказать, продолжающих их, остался без ответа такой важный, на наш взгляд, философский вопрос: не является ли регулирование численности населения, к чему призывал Т. Мальтус (правда, в сторону уменьшения численности популяции), пагубным? И не есть ли выведенный Т. Мальтусом закон народонаселения, в принципе, законом, описывающим то, как должна расти численность человеческой популяции в условиях длительного отсутствия внешних эффектов, например, фискальной политики государства? Отвечая на второй вопрос, мы ответим на первый.

Скажем, забегая вперед, что данная Т. Мальтусом характеристика социальной системы, которую он описывал, не учитывала государственных интересов, сложившихся в социуме обычаев и многого другого. Словом, от Т. Мальтуса нам сегодня нужна «путеводная нить» в изучении сложного общества, намного более сложного, чем представлял его сам Т. Мальтус и многие его последователи в своих работах. По сути, теория Т. Мальтуса говорит, как должно быть, а мы ищем ответ на вопрос, насколько общество уже в далеком прошлом отклонилось от того, как должно быть, и почему произошло это отклонение.

1. Теория Томаса Мальтуса в контексте демографии XVIII века

Как известно, Мальтус в своем «Опыте закона о народонаселении» в 1798 году обобщил факты о динамике мирового населения, обосновав логичное учение, названное позднее его именем – мальтузианством. Однако практически до конца прошлого века оставался невыясненным вопрос, какую методiku демографического анализа Т. Мальтус считал базисом своего учения? Дело в том, что в XVIII веке в английской научной литературе имел место весьма широкий интерес к демографии, и Т. Мальтус здесь не был оригинален (*Behar, 1987. P. 269*). Оригинальным был его вывод, будто население имеет тенденцию расти в геометрической прогрессии. Многие его современники считали совсем иначе.

В отличие от Т. Мальтуса, западные демографы XVIII века, опираясь на первые демографические таблицы, приходили к выводу, что численность населения Западной Европы является относительно стабильной, то есть растет незначительно, а в некоторые исторические периоды в некоторых странах демографического роста вообще не наблюдалось. Эту идею доказывал посредством расчетов знаменитый швейцарский математик Леонард Эйлер (*Euler, 1760*).

Таблица 1

Динамика численности населения ряда западных стран и Китая в XVIII веке, млн чел.

Год	Франция	Англия	Швеция	Китай
1700	18	5,9	1,6	150
1730	19	5,8	1,7	170
1750	20	6	1,9	200
1770	26	7	2	250
1790	27	9	2,3	320 (данные 1800 г.)

Составлено по: (*Шоню, 2005. С. 176*).

Надо учитывать, что в XVIII веке переписи населения велись небрежно, а их результаты часто были закрыты, являясь государственной тайной (*Шоню, 2005. С. 177*). Поэтому демографы в те времена прибегали к теоретическим подсчетам, опираясь на такие показатели, как среднее число детей на семейную пару и т.п. Это делало такие расчеты весьма гипотетическими. Но демографы пришли, в общем, к правильному выводу: Запад в тот период отнюдь не страдал от демографического давления, прирост населения был незначительным, а иногда в ряде стран почти нулевым. Реконструкции исторической демографии Европы и других регионов того времени, сделанные уже в XX столетии, подтверждают эти выводы (см. табл. 1).

Из данных, приведенных в табл. 1, следует, что население ряда стран Европы до середины XVIII века росло незначительно. Если бы мы взяли более длительный диапазон времени, то увидели бы, что население Франции даже сократилось к 1740 году, по сравнению с началом XVII века (*Шоню, 2005. С. 176*).

Л. Эйлер и другие ученые, интересовавшиеся демографией, приходили к выводу, что существует некий актуальный для всего человечества закон, который регулирует численность населения. Однако, что это за универсальный закон, регулирующий численность населения, и каковы принципы его работы, западные демографы не разъяснили.

Изначально Т. Мальтус заявлял, что «универсальный закон народонаселения» вовсе не «универсальный», но актуальный только для европейцев, которые имеют схожие культурные ценности (*Malthus, 1807. P. 306*). Здесь, как выяснилось позже, Т. Мальтус тоже не был оригинален: идея о вариативности демографических законов между регионами мира отстаивалась некоторыми авторами и до него (*Behar, 1987. P. 271*). Главное, что следует подчеркнуть, Т. Мальтус задумывался вовсе не о европейских демографических проблемах, а о демографии неевропейских обществ.

Как известно, все учение Т. Мальтуса базируется на одной важной гипотезе: рост численности населения опережает рост производительных сил в сельском хозяйстве, так как население растет в геометрической прогрессии, а производительные силы – лишь в арифметической. Первоначально Т. Мальтус выдвинул свое положение о росте народонаселения в геометрической прогрессии именно как гипотезу, полемизируя с диссертацией Дэвида Буфа, который доказывал, что естественный прирост населения как раз *не происходит* по принципу геометрической прогрессии (*Behar, 1987. P. 271*). Американский case-study, когда население выросло в 2 раза в эпоху борьбы Североамериканских колоний за независимость, Д. Буф рассматривал как вызванное иммиграцией отклонение от правила. Но Т. Мальтус вступил в дискуссию с Д. Буфом, доказывая, что население США было в состоянии удвоиться только за счет рождаемости. При этом Мальтус почему-то рассматривал североамериканские условия быта как идеальные для естественного роста населения (*Behar, 1987. P. 273*).

Теория Т. Мальтуса содержит четыре главных положения:

- 1) общество находится в состоянии равновесия только тогда, когда количество продуктов потребления соответствует численности населения;
- 2) цены на все товары определяются соотношением спроса и предложения;
- 3) скорость роста населения значительно больше, чем увеличение предметов потребления;
- 4) в обществе нужно создать экономико-демографическое равновесие, при котором уровень реальной заработной платы приведен в соответствие с прожиточным минимумом (*Мальтус, 2007*).

Однако затем Т. Мальтус ввел очень гипотетическое положение, в некоторой степени противоречащее четырем предыдущим: «когда возрастает смертность, воспроизводство населения незамедлительно возрастает» (*Malthus, 1807. Pp. 400–401*). По его мнению, это продиктовано ростом спроса на рынке труда, что, мол, провоцирует ранние браки. Таким образом, рынок, по Т. Мальтусу, выступает регулятором рождае-

мости. Согласно его теории получается, что рождаемость – это достаточно регулируемое явление, потому непонятно, откуда должен появиться дисбаланс между численностью населения и производством продуктов питания. Рождаемость, и это будет уже пятое положение теории Т. Мальтуса, есть средство для восполнения потерь рабочей силы, что укладывается в общую концепцию о стабильности численности населения Европы.

Один из предшественников Т. Мальтуса в изучении демографии, Д. Муррет, пришел к обратному выводу по поводу ранних браков как реакции общества на высокую смертность. Д. Муррет высказал мысль, что ранние браки обязательно должны сопровождаться ростом детской смертности, что в итоге не ведет к восполнению потерь от смертности в старших возрастах за счет повышения рождаемости (*Muret, 1766*). По Д. Муррету, отнюдь не рынок определяет численность населения, но законы естественного отбора. Из рассуждений Д. Муррета можно сделать вывод, что демографические потери, вызванные войнами, в принципе невосполнимы. Д. Муррет не дошел до заключения, что экономические возможности молодых семей ниже в силу более низкой квалификации и отсутствия опыта у молодых людей, нежели у пар средних возрастов, поэтому рост рождаемости за счет снижения планки возраста вступления в брак вовсе не ведет к тем демографическим последствиям, о которых писал полвека позднее Т. Мальтус.

Учение Т. Мальтуса его современниками отнюдь не воспринималось как «истина в последней инстанции». Современников волновала другая проблема – прекращение роста численности европейцев в результате высокой смертности. В этой связи известный в конце XVIII столетия демограф Р. Прайс предложил даже разрешить второй и третий брак (*Behar, 1987. P. 277*). Таким образом, учение Т. Мальтуса было слишком гипотетическим и противоречащим европейским реалиям своего времени. Как показал К. Бехар, это учение грешило даже грубейшими математическими ошибками (*Behar, 1987. P. 277*).

Как видим, концепция Томаса Мальтуса изначально страдала *очень серьезными* недостатками. Почему же тогда такая «мертворожденная» теория получила широкую популярность? Демографической концепции Мальтуса повезло в двух аспектах. С одной стороны, его учение было позитивно воспринято знаменитым Давидом Рикардо, что буквально вдохнуло в мальтузианство жизнь, обеспечив ему известность в научных кругах. С другой стороны, мальтузианство предлагало относительно простой ответ на сложные вопросы, а такие ответы любят политические лидеры. Действительно, концепция Мальтуса впоследствии стала рассматриваться некоторыми политиками, например знаменитым российским реформатором С.Ю. Витте, как ключ к пониманию социально-экономических проблем общества.

2. Российская империя vs Соединенные Штаты

Мы считаем, что Т. Мальтус хотя и предложил «ключ» к пониманию демографической истории, но «дверь» так и не открыл. Этого не смогли сделать и многие его последователи. Некоторые из них, как например С.А. Нефедов (2010), занимаются едва ли не подгонкой исторических фактов под неомальтузианские теории, часто не придавая большого значения тем фактам, которые этой теории противоречат¹.

¹ Приведем лишь один пример «подгонки», когда из нескольких оценок автор использует лишь ту, которая работает на его концепцию. При анализе демографической ситуации на рубеже XIX–XX веков С.А. Нефедов обращается к данным «Комиссии 1901 года», которая возглавлялась В.Н. Коковцевым, сподвижником С.Ю. Витте. Эта комиссия пришла к выводу, что 50 европейских губерний России страдали от перенаселения, насчитав при этом 23 миллиона «излишних рабочих», или 52% по отношению к наличному трудовому населению Европейской части России. Однако сам С.А. Нефедов ниже говорит о том, что историки-современники С.Ю. Витте оспаривали полученные «Комиссией 1901 года» выводы. Например, А.В. Островский подсчитал, что «излишними» были 27–35% населения Европейской России. Исследователь Л.И. Лубны-Герцек пришел к выводу, что в Европейской части империи не используется 28% рабочего времени сельского населения, из-за чего, собственно, и появились «лишние люди». П.Г. Рыдзюнский

Рассмотрим мальтузианский конфликт между ростом населения и ростом производства продуктов на примере Российской империи. Задачи анализа демографического роста в Российской империи облегчаются тем, что подавляющее большинство ее населения были крестьянами, а императорские власти в фискальных целях вели строгий учет крестьян мужского пола.

С конца XVII столетия население России росло быстро, но, если судить по переписям российских крестьян (рис. 1), скорее в арифметической прогрессии, чем в геометрической. Совсем иную картину представляют Североамериканские Соединенные Штаты, население которых в XIX веке действительно увеличивалось в геометрической прогрессии (см. рис. 2).

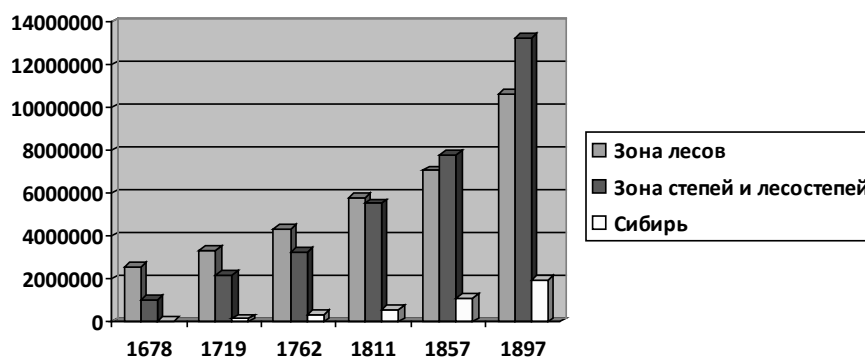

Рис. 1. Динамика численности мужского крестьянского населения (взрослые крестьяне) Российской империи
Источник: (Моор, 1997. Р. 863).

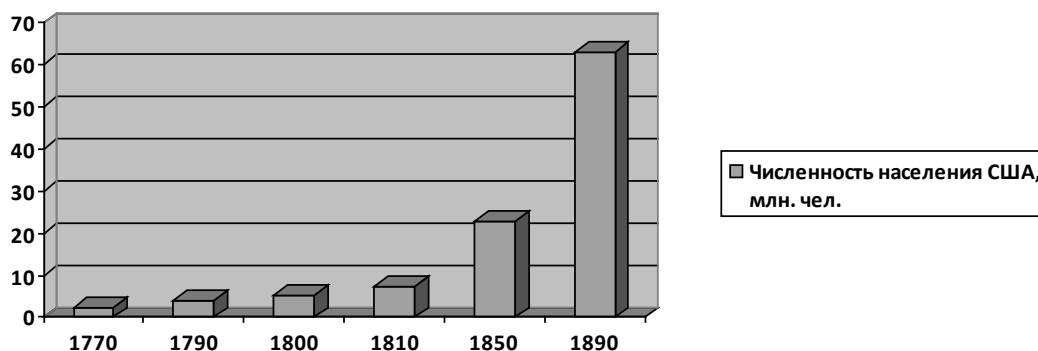

Рис. 2. Рост численности населения США
Составлено по: (TheUSAonline.com, undated).

Российскую империю и Соединенные Штаты объединяет то, что обе страны обладали в XIX веке огромными территориями, не освоенными аграрным населением. Почему же в таком случае население Америки росло, вполне по Мальтусу, в геометрической прогрессии, а население России, вопреки Мальтусу, скорее в арифметической?

определил, что «лишними» являются только 17% дворов в европейских губерниях империи (Нефедов, 2010. С. 423–424). Получается, как в «Жизни Климата Самгина», «а был ли мальчик, может, мальчика и не было?». Можно понять С.Ю. Витте и его единомышленников. Попытки ускоренной модернизации России в 1890-е годы дали достаточно быстро свои отрицательные плоды, возросло недовольство в рабочих слободах (рецессия середины 1890-х годов спровоцировала рост безработицы). Чтобы спасти свой политический курс, российские либералы обратились к мальтузианским сюжетам. По мнению экономиста той эпохи А.А. Кауфмана, кризис «перенаселения» был фактически результатом невысокой продуктивности русского крестьянского хозяйства, агротехнологии которого нуждались в улучшении, что, по расчетам Кауфмана, должно было занять десятилетия (Нефедов, 2010. С. 425).

Дело в том, что демография Америки была детерминирована колониационным характером заселения страны с самых первых лет ее существования. В Соединенные Штаты стремились люди со всего мира – и ирландцы, и итальянцы, и российские евреи, и даже китайцы. При этом абсолютно преобладали выходцы из тех стран Западной Европы, которые уже освоили эффективные фермерские методы хозяйствования.

В России же торможение роста населения связано с низкой мотивацией крестьянства к расширению вовлеченных в сельскохозяйственный оборот площадей, а также с устаревшими аграрными технологиями. Аграрная колонизация окраин империи мало решала эти проблемы, так как на новом месте русские крестьяне-переселенцы чаще всего сохраняли старые тенденции экономического поведения.

В 1861 году в европейской части России под пашней было только 20% земли, однако и этот не очень высокий процент был достигнут в основном за счет Черноземья. В 1877-м в центральных губерниях 27% земли было под пашней (*Beyrau, 1995. P. 585*), что вызвано ростом населения. Но увеличение пашни все равно не поспевало за ростом численности крестьян, хотя в 1870-х годах ситуация в этом аспекте еще не была столь драматична. К началу XX века ситуация ухудшилась: в 1905 году доля обрабатываемой земли в общем фонде упала до 17% в центральных губерниях, что возбуждало беспокойство земств (*Beyrau, 1995. P. 585*), так как численность крестьянского населения выросла в 2 раза по сравнению с 1860-ми годами.

В Нечерноземье сокращение запашки было спровоцировано истощением земель, которое в свою очередь было вызвано старыми аграрными технологиями. Например, в Волоколамском уезде почти все крестьянские хозяйства применяли в 1890-х годах деревянную соху и трехпольную систему, и только благодаря активному вмешательству местного земства произошел переход крестьянской экономики уезда к 1905 году на многополье и металлический плуг (*Schneer, 1994. P. 110*).

Более сложным было положение крестьян в Черноземье. Например, в канун революции 1905 г. на каждую семью на Харьковщине приходилось в среднем 2,66 десятины, что было очень мало даже для Черноземья (*Seregny, 1988. P. 54*). Однако было это вызвано вовсе не ростом населения, который был выше, чем в остальной России, но ниже, чем в Северной Америке. Дело в том, что традиционные русские поместья дворян почти исчезли в зоне Черноземья уже к 1895 году, уступив место латифундиям магнатов-капиталистов. Новые землевладельцы не были заинтересованы в ренте, но стремились наращивать производство зерновых на экспорт. Это создало тяжелые условия жизни для крестьян, которые потеряли возможность арендовать землю и тем более ее покупать, поскольку торги осуществлялись часто по аукционному принципу. Крестьян Черноземья от пауперизации (по образцу английских крестьян XV–XVII веков) спасала община, в рамках которой регулярно происходили перераспределения земли между семьями в зависимости от числа детей в каждой семье. 78% земли в Харьковской губернии было в общинной собственности (*Seregny, 1988. P. 54*).

То, что проблемы русского крестьянина в конце XIX столетия были лишь в малой степени связаны с перераспределением части земель в пользу дворянства, подтверждается данными по Сибири и другим регионам, не знавшим помещного землевладения.

В 1859–1929 годах количество ферм в Калифорнии увеличилось в 8 раз (*Rhode, 1995. P. 775*). На каждую ферму приходилось в конце XIX века 475 акров земли (*Rhode, 1995. P. 775*), тогда как в российском Семиречье в начале XX века, судя по данным об объемах выделяемых на каждую семью колонистов земли, – только около 100 акров (*Khan, 1996. P. 53*). Это означает, что даже вольные колонисты при поддержке государства могли культивировать в среднем на каждую семью примерно в 4,5 раза меньше земли, чем семья американских фермеров в Калифорнии. При этом производительность вольных переселенцев на целинных землях Казахстана была много выше, чем в Енисейской губернии в XIX веке, где даже на старожила приходилось 36 акров, а в

Забайкальской губернии – на 40% меньше. Крохотные хозяйства ссыльных обычно вмещали площадь земли в 10 раз меньше, чем у старожилов (*Соловьёва, 1983*). Эти факты указывают на то, что возникавший периодически дефицит продовольствия в ряде губерний России был связан в XIX – начале XX века не столько с ростом населения, сколько с низкой продуктивностью русского крестьянского хозяйства. Даже на вновь осваиваемых свободных и пригодных под пашню землях восточных губерний русское крестьянское хозяйство продолжало оставаться менее эффективным, нежели к примеру, в США.

К 1905 году в собственности крестьян находилась большая часть земли (*Пушкарев, 1956. С. 350–356*), однако производительность сельского хозяйства была ниже, чем на Западе. Две основные причины данного явления – это высокие налоги и община, которая была необходима для выживания малоземельных крестьянских семей.

С.Ю. Витте повысил налоги, и после его отставки они продолжали расти: если в 1895 году ежегодные налоги составляли 10,4 руб. на душу населения, то в 1910-м – уже 17 руб. (*Мартынов, 2002. С. 134*). По некоторым оценкам, русский крестьянин в конце XIX века платил государству в форме налоговых отчислений до 35% своего дохода (*Мартынов, 2002. С. 127*). Таким образом, государство не стимулировало рост доходности крестьянского хозяйства, но налоговым бременем только снижало мотивацию русского крестьянина к хозяйствованию. То есть рост населения был далеко не главным фактором низкой (с точки зрения обеспечения продовольствием собственного населения) эффективности сельского хозяйства Российской империи.

3. Выводы: не-мальтузианская Россия, мальтузианская Америка

Пример Российской империи рубежа XIX–XX века частично опровергает положение Т. Мальтуса, будто бедным людям присуще безответственное сексуальное поведение, ведущее к неконтролируемому росту рождаемости. Планирование семьи в рабочей среде на самом деле имело место.

Было замечено, что в русских рабочих семьях детей обычно меньше, чем в крестьянских, хотя по культурным и религиозным традициям рабочий и крестьянин мало отличались до начала 1900-х годов. В этой связи есть любопытное дореволюционное исследование быта рабочих Костромской губернии в 1911–1915 годах. Согласно этому исследованию, на фабрике братьев Горбуновых в Нерехтском уезде 70% рабочих были женаты, но только 46,7% имели детей (*Пушкарева, 2011. С. 303*). Заработок в 6 руб. в месяц в Костромской губернии был тем порогом дохода рабочего, когда он мог позволить себе вступить в брак (*Пушкарева, 2011. С. 303*). Но это был очень низкий даже для Верхнего Поволжья заработок; у подавляющего большинства рабочих доход был выше. Однако многочисленность бездетных семей в рабочих слободах указывает, что рождаемость в русских рабочих семьях до революции все-таки подчинялась экономическим ограничениям, то есть бедняки далеко не всегда «плодились как кролики».

Высокая рождаемость среди русских крестьян объяснима таким фактором, как перераспределение земель в общине в зависимости от числа детей в семье. Эта практика привела к низкому уровню миграции русского населения в XIX столетии, которая могла быть и выше, учитывая огромную площадь страны и большое количество пустовавших земель в ее восточных губерниях.

Большое количество деторождений на одну русскую крестьянскую семью не приводило к значительному росту населения из-за сохранения высокой детской смертности. Поэтому, если сравнивать динамику демографического роста в Соединенных Штатах и в Российской империи, последняя заметно уступала. Америке. Согласно данным (см. рис. 1), население России даже не могло удвоиться в течение двух поколений. По мнению же большинства англичан-современников Мальтуса, русские вписывались в тот круг народов, которые следовали неевропейским культурным нормам.

Во многом именно тот слабый демографический рост, какой имел место в России на протяжении большей части XIX века, объясняет, почему практически не росла запашка после достижения своего максимума приблизительно в начале 1850-х. Пример центральной части Черноземья во второй половине XIX века является исключением, и малоземелье крестьян там было вызвано скупкой земель крупными капиталистическими хозяйствами, а не только ростом численности населения.

Исторический процесс Российской империи нельзя описать с позиций теории Мальтуса, поскольку мы не видим ничего общего с ее демографическим циклом: признаки кризиса в аграрном секторе наступают к 1890-м годам, что в общем-то достаточно поздно, и кризисные процессы в аграрной экономике были связаны далеко не только с демографией. Голод начала 1920-х связан уже с другими историческими процессами: Первая мировая и Гражданская войны, продразверстка и подавление крестьянских восстаний.

Модель Т. Мальтуса гораздо больше подходит для описания демографической ситуации в США XIX века, для чего она изначально и была предназначена. Если многие общества третьего мира проходят примерно тот же этап, что в своей истории прошла Россия в конце XIX – начале XX века, то им для решения демографических проблем следовало бы рекомендовать больше обращать внимание не на институты деторождения, а на институты рынка труда и подготовку трудовых кадров среднего звена, что было упущено правителями Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

- Мартынов С.Д. (2002). Государство и экономика: система Витте. СПб.: Наука.
- Нефедов С.А. (2010). История России. Факторный анализ, т. II. От окончания Смуты до Февральской революции. М.: Изд. дом «Территория будущего».
- Пушкарева И.М. (ред.) (2011). Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. СПб.: Алетейя.
- Пушкарев С.Г. (1956). Россия в XIX веке (1801–1914). Нью-Йорк: Издательство им. Чехова.
- Соловьёва Е.И. (1983). Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, с. 214–226.
- Шоню П. (2005). Цивилизация классической Европы. Екатеринбург: У-Фактория.
- Щеголевский В.А. (2014). Демографический рост на Ближнем Востоке и в Африке: в чем причина нестабильности? // Вестник Российского экономического университета им Г.В. Плеханова, № 1, с. 44–48.
- Behar C.L. (1987). Malthus and the Development of Demographic Analysis // *Population Studies*, vol. 41, no. 2, pp. 269–281.
- Beyrau D. (1995). Janus in Bastschuhen: Die Bauern in der Russischen Revolution 1905–1917 // *Geschichte und Gesellschaft*, 21, Jahrg., h. 4, Probleme der englischen Sozialgeschichte, s. 580–596. (In German.)
- Brown L., Halweil B. and Gardner G. (1999). Beyond Malthus: Nineteen Dimensions of the Population Challenge. N.Y.
- Charbit Y. (2009). Economic, Social and Demographic Thought in the XXI Century: the Population Debate from Malthus to Marx. N.Y: Springer.
- Euler L. (1760). 'Recherches generales sur la mortalite et la multiplication du genre humain', and 'Sur les rentes viageres', Histoire de l'Academie Royale des Sciences et des Belles Lettres. Berlin.
- Fernandez R. and Miller A.R. (2013). Comments and discussion // *Brookings papers on economic activity*, pp. 396–409.
- Khan H. (1996). Russian Expansionism in Central Asia and the Region's Response // *Pakistan Horizon*, vol. 49, no. 2, pp. 42–64.

Knudsen L. (2006). *Reproductive Rights in a Global Context: South Africa, Uganda, Peru, Denmark, United States, Vietnam, Jordan*. DC.: Vanderbilt University Press.

Linner B. (2004). *The Return of Malthus: Environmentalism and Post War Population-Resource Crises*. N.Y.: Hardcover.

Malthus T.R. (1807). *Essay on the population*, vol. i. L.

Moon D. (1997). Peasant Migration and the Settlement of Russia's Frontiers, 1550–1897 // *The Historical Journal*, vol. 40, no. 4, pp. 852–867.

Muret J.L. (1766). *Memoire sur l'tat de la population dans le pays de Vaud; tables servant de pieces justificatives pour le memoire sur la population du pays de Vaud* (Yverdon).

Rhode P.W. (1995). Learning, Capital Accumulation, and the Transformation of California Agriculture // *The Journal of Economic History*, vol. 55, no. 4, pp. 773–800.

Schneer M. (1994). The Markovo Republic: A Peasant Community during Russia's First Revolution, 1905–1906 // *Slavic Review*, vol. 53, no. 1, pp. 104–109.

Seregny S.J.A. (1988). Different Type of Peasant Movement: The Peasant Unions in the Russian Revolution of 1905 // *Slavic Review*, vol. 47, no. 1, pp. 46–62.

TheUSAonline.com (undated). People. Growth of U.S. Population (<http://www.theusaonline.com/people/growth.htm>).

UN (2009). UN: the forecast of the population of the earth by 2050 // *Etoday*, 12 марта (<http://www.etoday.ru>).

United States Census Bureau (www.census.gov).

REFERENCES

Martynov S.D. (2002). *The state and the economy: the system Witte*. Saint-Petersburg: Nauka Publ. (In Russian.)

Nefedov S.A. (2010). *The history of Russia. The factor analysis*, vol. II. From the end of confusion until the February revolution. Moscow: Publishing house «The area of the future». (In Russian.)

Pushkareva I.M. (ed.) (2011). *Labour conflicts and the labour movement in Russia at the turn of XIX–XX centuries*. Saint-Petersburg: Aleteia Publ. (In Russian.)

Pushkarev S. (1956). *Russia in the Nineteenth century (1801–1914)*. New York: Publishing house «Chekhov». (In Russian.)

Solovieva E.I. (1983). Resettlement and the situation of the exiles in Siberia in the second half of the XIX century. *The Political exiles in Siberia* (XVIII – beginning of XX century). Novosibirsk: Nauka. Siberian Department. (In Russian.)

Shony P. (2005). *The Classical civilization of Europe*. Ekaterinburg: «Factory U» Publ. (in Russian.)

Schegolevsky V.A. (2014). Demographic growth in the middle East and Africa: what is the cause of instability? *Bulletin of the Russian economic University after G.V. Plekhanov*, no. 1, pp. 44–48. (In Russian.)

Behar C.L. (1987). Malthus and the Development of Demographic Analysis. *Population Studies*, vol. 41, no. 2, pp. 269–281.

Beyrau D. (1995). Janus in Bastschuhen: Die Bauern in der Russischen Revolution 1905–1917. *Geschichte und Gesellschaft*, 21, Jahrg., h. 4, Probleme der englischen Sozialgeschichte, s. 580–596. (In German.)

Brown L., Halweil B. and Gardner G. (1999). *Beyond Malthus: Nineteen Dimensions of the Population Challenge*. N.Y.

Charbit Y. (2009). *Economic, Social and Demographic Thought in the XXI Century: the Population Debate from Malthus to Marx*. N.Y: Springer.

Euler L. (1760). 'Recherches generales sur la mortalite et la multiplication du genre humain', and 'Sur les rentes viageres', *Histoire de l'Academie Royale des Sciences et des Belles Lettres*. Berlin.

Fernandez R. and Miller A.R. (2013). Comments and discussion. *Brookings papers on economic activity*, pp. 396–409.

Khan H. (1996). Russian Expansionism in Central Asia and the Region's Response. *Pakistan Horizon*, vol. 49, no. 2, pp. 42–64.

Knudsen L. (2006). Reproductive Rights in a Global Context: South Africa, Uganda, Peru, Denmark, United States, Vietnam, Jordan. DC.: Vanderbilt University Press.

Linner B. (2004). The Return of Malthus: Environmentalism and Post War Population-Resource Crises. N.Y.: Hardcover.

Malthus T.R. (1807). Essay on the population, vol. i. L.

Moon D. (1997). Peasant Migration and the Settlement of Russia's Frontiers, 1550–1897. *The Historical Journal*, vol. 40, no. 4, pp. 852–867.

Muret J.L. (1766). Memoire sur l'état de la population dans le pays de Vaud; tables servant de pieces justificatives pour le memoire sur la population du pays de Vaud (Yverdon).

Rhode P.W. (1995). Learning, Capital Accumulation, and the Transformation of California Agriculture. *The Journal of Economic History*, vol. 55, no. 4, pp. 773–800.

Schneer M. (1994). The Markovo Republic: A Peasant Community during Russia's First Revolution, 1905–1906. *Slavic Review*, vol. 53, no. 1, pp. 104–109.

Seregny S.J.A. (1988). Different Type of Peasant Movement: The Peasant Unions in the Russian Revolution of 1905. *Slavic Review*, vol. 47, no. 1, pp. 46–62.

TheUSAonline.com (undated). People. Growth of U.S. Population (<http://www.theusaonline.com/people/growth.htm>).

UN (2009). UN: the forecast of the population of the earth by 2050. *Etoday*, 12 марта (<http://www.etoday.ru>).

РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ В СОВРЕМЕННОМ БАНКОВСКОМ БИЗНЕСЕ

Н.М. РОЗАНОВА,

доктор экономических наук, профессор,
Департамент теоретической экономики,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва, Россия,
e-mail: nrozanova@hse.ru;

А.А. БАРАНОВ,

выпускник Высшей школы бизнес-информатики,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва, Россия,
e-mail: me@antonbaranoff.com

В силу специфики бизнеса кредитных институтов они являются носителями риска, зачастую системного, о чем свидетельствуют банковские кризисы, и особенно последний глобальный финансово-экономический кризис, который обнажил слабые места как в регулировании банковской деятельности и надзоре за ней, так и в качестве управления в коммерческих банках. Трансформация рисков и управление рисками относятся к ключевым функциям менеджмента в банках. Чем точнее оценка риска и выбор решения о способах реагирования на них при различных сценариях и вероятности реализации риска, тем эффективнее управление в банке и меньше вероятность его несостоятельности.

Традиционно подходы к анализу поведения банковской компании базируются на принципах финансового менеджмента (управления портфелем активов). В отличие от промышленной или торговой организации, банк представляет собой более закрытую, более сложную и менее прозрачную структуру. Анализируя особенности внутренней финансовой структуры кредитных организаций, можно выделить тенденцию к изменению характера банка как экономического агента. Если до начала 2000-х годов банки рассматривались как нейтральные к риску участники рынка, то позже возобладала трактовка банков как негативно относящихся к риску агентов. Этот подход упрочился после глобального финансового кризиса 2008–2010 года.

В век информационных технологий построение систем риск-менеджмента в финансовых институтах неразрывно связано с развертыванием и поддержанием на высоком уровне ИТ-инфраструктуры. Индикатором эффективности риск-менеджмента и высокой риск-культуры в банках является рост числа программных средств, позволяющих автоматизировать процессы и процедуры риск-менеджмента и таким образом выстраивать систему по адекватному и эффективному реагированию на риски. Организация ИТ-архитектуры

в банке оценивается как элемент риск-культуры и риск-менеджмента в современном банковском бизнесе, как ключевой фактор конкурентоспособности финансовой организации и возможный важный показатель состояния дел для регулирующих органов.

Ключевые слова: риск-менеджмент; риск-культура; банковский бизнес; информационные технологии

RISK MANAGEMENT IN MODERN BANKING

NADEZHDA ROZANOVA,

Doctor of Economics (DSc), Professor, Department of Theoretical Economics,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
e-mail: nrozanova@hse.ru;

ANTON BARANOV,

Graduate Student,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
e-mail: me@antonbaranoff.com

The article deals with risk management, risk culture and their trends in modern banking that are based on IT development.

The specificity of credit institution business leads banks to high risk exposure, usually systemic one; the banking crises being good examples. The latest global financial and economic crisis of 2008–2010 showed weak aspects both in banking regulation and monitoring and in banking management itself. Risk transformation and risk management are the key functions of banking management in general. The more precise the risk estimation is, the more adequate decision the bank managers have, the more efficient banking management would be and the less is the possibility of the bank's bankruptcy.

Traditional approaches to the analysis of a bank institution behavior are based on the principles of financial management (portfolio analysis). Unlike a trade or industrial firm, a bank is a more complicated, more closed and less transparent organizational structure. When analyzing main characteristics of inner architecture of a financial credit company, we can see a clear tendency towards a new character of a bank as a special economic actor. Before 2000s banks were treated as risk neutral market participants, but nowadays it has been put forward that banks are risk averse agents. This approach have become prevailing after global financial crisis of 2008–2009.

In information technology era, the risk management system in financial institutions is closely related with the IT infrastructure, its architecture and its development. The important indicator of efficient risk management in modern banking and significant risk culture is the growing number of IT products elaborated for process of risk management that help form a good system for effective reaction on risk situations. The example of an efficient IT system in Sberbank, which is the most advanced bank in Russia, is demonstrated.

Keywords: risk management; risk culture; banking; information technology

JEL classifications: D02, D03, D85, G21, L86, M15

Значение денежно-кредитных институтов, их вклада в развитие экономики и обеспечения экономического роста бесспорно велико. Банковский сектор, занимая стратегическое положение в экономической системе, обладает достаточным потенциалом и выполняет весьма важные функции, связанные с аккумуляцией и перераспределением денежных средств, регулированием предложения денег в экономике и гармонизации платежей. В силу специфики своего бизнеса кредитные институты являются носителями риска, зачастую системного, о чем свидетельствуют банковские кризисы, и особенно последний глобальный финансово-экономический кризис 2008–2010 годов, который обнажил слабые места как в регулировании банковской деятельности и надзоре за ней, так и в качестве управления в самих коммерческих банках.

Трансформация рисков и управление рисками относятся к ключевым функциям менеджмента в банках. Чем точнее оценка риска и выбор решения о способах реагирования на тот или иной вид риска при различных сценариях и вероятности реализации риска, тем эффективнее управление в банке и меньше вероятность его несостоятельности.

Риск как объект управления

Будущее невозможно предсказать. Оно неопределенно, и никому еще не удалось постоянно успешно предсказывать колебания на фондовом рынке, изменения процентных ставок или валютного курса, кредитные, операционные и другие систематические события с важными финансовыми последствиями. Однако можно управлять финансовым риском, возникающим в условиях неопределенности. В значительной степени современную экономику отличает от экономики прошлого именно возможность идентификации риска и его измерения для оценки последствий его реализации, что позволяет принимать меры по минимизации или передаче риска.

Риск – это вероятность совершения того или иного события, которое может причинить банку или сотруднику банка неприятности и вызвать проблемы (денежные и моральные потери, неблагоприятное физическое воздействие) (Волков, 2006). В финансовом риск-менеджменте под риском преимущественно понимается *возможность потери части своих ресурсов, недополучения доходов или появления дополнительных расходов* в результате осуществления предпринимательской деятельности, что соответствует понятию чистой неопределенности (Лобанов, Чугунов, 2003). В отличие от неопределенности, риск является измеримой величиной; его количественной мерой служит вероятность неблагоприятного исхода.

На практике наибольшее внимание уделяется не вероятности неблагоприятного исхода как таковой, а стоимостной оценке подверженности риску, которая может выражаться с помощью таких показателей, как максимальная сумма, которую можно потерять в результате изменения конкретного фактора риска, средняя величина убытков за конкретный период, стандартное отклонение прибылей и убытков, максимальный размер потерь, рассчитанный за определенный период времени с заданной вероятностью их реализации. Подверженность риску можно рассматривать как функцию от двух параметров: вероятности наступления негативного события и масштаба возможного ущерба.

Начальным этапом системы мероприятий по управлению рисками является *идентификация*. На данном этапе каждая кредитная организация занимается систематическим выявлением и классификацией рисков, а также оценкой их существенности. В итоге формируется перечень существенных и капитализируемых рисков, для каждого банка он свой и зависит от многих факторов.

Наиболее важными видами риска для банковского бизнеса являются:

- кредитный риск;
- риск ликвидности;

- рыночный риск;
- операционный риск.

В 1997 году Базельский комитет по банковскому надзору в своем документе «Основополагающие принципы эффективного банковского надзора» назвал кредитный риск основным и наиболее разрушительным видом финансового риска, с которым сталкиваются финансовые институты в своей деятельности. Дело в том, что большая часть банков, не имеющих проблем с ликвидностью, стремятся получить максимально возможный доход, кредитую сомнительные организации. Вероятность дефолта (основная мера кредитного риска) таких заемщиков чрезвычайно велика, соответственно и кредитные риски банка, вложившего средства в такого заемщика, прямо пропорциональны вероятности дефолта заемщика.

Риск ликвидности – риск, обусловленный тем, что банк может быть недостаточно ликвиден или слишком ликвиден. Риск ликвидности, пожалуй, наиболее опасен для российских банков и банковской сферы в целом. Достаточно вспомнить кризисы ликвидности российских коммерческих банков, которые как цепная реакция прошли в середине и конце 1990-х.

Источниками риска выступают:

- рост активов опережающими темпами по сравнению с притоком пассивов;
- одновременная выдача нескольких крупных кредитов или погашение/изъятие депозитов несколькими крупными клиентами;
- массовый отток вкладов частных клиентов;
- недоступность привлечения с внешних рынков или значительное сокращение лимитов на проведение операций со стороны банков-контрагентов.

В настоящее время банки все чаще сталкиваются с влиянием рисков, связанных с изменением цен, ставок, курсов на финансовых рынках. Данные виды рисков принято объединять под общим названием «рыночные риски».

Наименее изученный вид банковского риска – это операционный риск. Операционный риск – это риск прямых или косвенных убытков в результате неверного построения бизнес-процессов, неэффективности процедур внутреннего контроля, технологических сбоев, несанкционированных действий персонала или внешнего воздействия. Управление операционными рисками направлено на предотвращение негативных последствий, которые могут произойти в рамках текущей деятельности, и ориентировано на контроль за бизнес-процессами, за их соответствием требованиям безопасности. Для многих операционных рисков вероятность их возникновения может быть достаточно велика, при этом величина последствий сравнительно мала, другая же часть операционных рисков наоборот характеризуется катастрофическими последствиями для бизнеса, при этом предсказать их вероятность крайне сложно.

В отдельную группу можно выделить риск неадекватности модели (модельный риск), под которым понимается использование некорректной математической модели для оценки и управления, например, кредитным риском.

Банки и риски: традиционные подходы

Традиционно подходы к анализу поведения банковской компании базируются на принципах финансового менеджмента (управления портфелем активов) (*Browne, 2000*). В отличие от промышленной или торговой организации, банк представляет собой более закрытую, более сложную и менее прозрачную структуру (*Morgan, 2002; Flannery et al., 2004; 2013; Laeven, 2013*).

Анализируя особенности внутренней финансовой структуры кредитных организаций, можно выделить тенденцию к изменению характера банка как экономического агента. Если до начала 2000-х банки рассматривались как нейтральные к риску участники рынка (*Diamond, 1984; 1991; Krasa and Villamil, 1992*), то позже возобладала трактовка банков как негативно относящихся к риску агентов (*risk averse*) (*Angelini,*

2000; Hellwig, 2000). Этот подход усилился после глобального финансового кризиса 2008–2010 года.

Как отмечают многие исследователи (Freixas and Rochet, 2008; Grossman, 2001; Beatty and Liao, 2014; Tirole, 2016; Allen et al., 2011), банковский бизнес представляет собой весьма противоречивое явление. Высокая степень информационной асимметрии как внутри самого банка (собственники и менеджеры, инвесторы и сотрудники), так и в отношениях банка с окружающим миром (вкладчики и банк, кредиторы и банк, регулятор и банк) вкупе с конкурентным давлением рынка ведут к тому, что банк может выбирать чрезмерно рискованную стратегию, брать на себя больший риск, чем он может контролировать, что увеличивает вероятность банкротства кредитной организации. Ужесточение регулятивных норм, страхование депозитов, дополнительная ответственность вкладчиков и собственников банка и прочие традиционные меры контроля за поведением банка не приносят желаемого результата и сопровождаются довольно высокими издержками регулятора (Anagnostis and Alexios, 2014).

Банк как особый институт организации бизнеса (финансового характера) подвержен системному риску (Freixas et al., 2000). Поскольку, в отличие от промышленной компании, банк изначально включен в сложную сеть межбанковских взаимодействий, эффективность отдельного кредитного учреждения не гарантирует ему высокой стабильности его операций и твердость позиций на рынке. Под действием эффекта заражения банковская паника может охватить и вполне благополучные банки (Allen and Gale, 2000; Allen et al., 2012; Gai and Kapadia, 2010). Более того, ставшие известными проблемы с одним банком могут служить для потребителей, инвесторов и регулятора сигналом неблагополучия во всей банковской системе (Morgan, 2002; Yuan, 2005).

С другой стороны, сетевые эффекты и сетевые взаимодействия в банковской отрасли могут существенным образом снижать деловые риски посредством распределения рисков (*risk-sharing*) на большое число участников (Tonzer, 2015; Wagner and Marsh, 2006; Instefford, 2005). Чем выше плотность сети, тем больше возможностей для распределения риска и тем выше риски распространения эффекта заражения (Nier et al., 2007). Поэтому в банковском бизнесе особенно необходим баланс между стабильностью и гибкостью (Grote, 2015; Gao et al., 2015). Но чем выше и сильнее уровень взаимодействия между участниками сети, тем меньше будет критическая масса неблагополучных банков, угрожающих финансовой стабильности всей системы (Tetryatnikova, 2014; Wagner, 2007; Wagner and Marsh, 2006). Хотя в целом подобных «плохих» банков и самих банкротств будет существенно меньше.

Быстрое развитие финансовых инноваций, использование новых комплексных финансовых инструментов, финансовая глобализация привели к росту сложности банковского учета и контроля, создали новые, в меньшей степени подверженные внешнему мониторингу, каналы взаимосвязи между банками разных стран, что сделало банковскую систему более хрупкой и в большей степени подверженной рискам глобальной экономики, более уязвимой перед экономическими, информационными, кредитными и прочими рисками (Anginer and Demirguc-Kunt, 2014; Allen et al., 2009; Allen and Babus, 2009).

Изучение бизнес-моделей банков Европы, США, Канады и Японии до, во время и после мирового финансового кризиса 2007–2009 годы (более 700 банков в 45 странах) показало ярко выраженную смену приоритетов в банковском бизнесе. Если до кризиса банки выбирали более рискованные бизнес-модели, чрезмерно усложненные и запутанные операции и опирались на внешние гарантии стабильности (резервный фонд и выделение рискованных операций в отдельные блоки/филиалы), то во время кризиса банки обратились к менее рискованным действиям, более консервативным бизнес-моделям с опорой на внутренние источники стабильности (прозрачность деловых операций как благоприятный сигнал для

кредиторов и инвесторов) (Prabha and Wihlborg, 2014). Эта тенденция еще более усилилась после кризиса (Kappler et al., 2010).

Эмпирические исследования и банковская практика показывают, что хотя дефолт одного из банков довольно быстро распространяется по всей банковской системе, скорость, масштаб и механизм подобного распространения могут быть весьма разными (Foote, 2014; Morrison and White, 2013). В одних случаях банковский кризис носит локальный характер и почти не затрагивает других участников банковского рынка, в других – приобретает системный аспект и является подлинной эпидемией (Hellwig, 2009). От чего это зависит? Попытки компьютерного моделирования банковской паники (Bramer et al., 2014; Hellwig, 2009) показывают значимость таких параметров, как: средний размер банка, степень диверсификации банковского бизнеса, наличие непроцентных активов и источников дохода, инновационность кредитного учреждения. При этом для крупных банков преобладают положительные моменты сетевых взаимодействий, диверсификации и инновационности, а для мелких – отрицательные (De Jonghe et al., 2015; Kohler, 2015).

Как же сделать так, чтобы банки брали на себя меньший риск, воздерживались от сомнительных операций и при этом цена регулирования была бы разумной?

Важную роль в этом процессе играет открытость банка. Современные исследования показывают, что открытость кредитного учреждения (*transparency*) уменьшает риск ликвидности, поскольку увеличивает для банка возможности получения дополнительного финансирования (кредита) в тот момент, когда такая потребность возникает (Certo, 2003; Ratnovski, 2013). Обычный способ справиться с риском ликвидности заключается в накоплении резервного фонда. Однако этот способ связан с высокими альтернативными издержками отвлечения денег от деловых операций (деньги не работают, а лежат «мертвым грузом» в резервном фонде). Другой вариант – повышение прозрачности операций банка. Таким образом, «резервный фонд и открытость являются стратегическими субститутами, так как банк, выбирая один из инструментов хеджирования риска ликвидности, уменьшает ценность другого» (Ratnovski, 2013. P. 423).

Сложность внутренней структуры современного банка усиливает информационную асимметрию (Berger et al., 2005; Carlin, 2009; Carlin and Manzo, 2011). Прозрачность банковских операций в качестве стратегического выбора банка *ex ante* позволяет избежать излишней усложненности внутренних бизнес-процессов, что смягчает проблему асимметричной информации (Bushman, 2014; Calomiris, 1999). А это, в свою очередь, ведет к более стабильной позиции банка на рынке (Rochet, 2005; Blum, 2002; Gorton and Huang, 2006). Высокая прозрачность банковских действий служит хорошим сигналом для внешних заинтересованных лиц о благополучии банка, что снижает трансакционные издержки финансирования банковских операций (Bushman and Williams, 2012; Flannery, 2001; Beatty and Liao, 2011).

Риск-менеджмент в банке: современные подходы

С начала 1990-х годов можно говорить о риск-менеджменте как о вполне сложившейся новой финансовой индустрии. Факторами, способствующими повышению роли риск-менеджмента, явились глобализация финансовых рынков, рост международной конкуренции, увеличение волатильности рынков и возрастание интенсивности дефолтов. Важную роль сыграли усилия регуляторов по поддержанию системной безопасности, в первую очередь, разработанное в 1988 году Базельским комитетом Соглашение о достаточности капитала для банков. В 1996 году появилось важное дополнение, касающееся рыночных рисков, а в настоящее время разрабатывается новое Соглашение, касающееся управления кредитными и операционными рисками, надзора и рыночной дисциплины.

Риск-менеджмент как практика банковского бизнеса и как отдельное направление экономических исследований насчитывает более 50 лет. Однако его выделение в самостоятельную область деятельности и анализа, вне зависимости от страхования и корпоративных финансов, – это явление недавнего прошлого (*Butterworth, 2001*). Международные стандарты риск-менеджмента появились и стали активно разрабатываться лишь в XXI веке (*COSO, 2004; ISO, 2009*). С началом 2000-х годов экономисты обратились к анализу передового опыта риск-менеджмента, разработке экономической теории риск-менеджмента и ее эмпирическим проверкам (*Crouchy et al., 2001; Deloitte, 2012; Beasley et al., 2008, 2011; Mikes, 2009, 2011; PricewaterhouseCoopers, 2012; Jordan et al., 2013; Tekathen and Dechow, 2013*).

Несмотря на несомненные успехи по отдельным направлениям банковского риск-менеджмента, мировой финансовый кризис 2008–2009 года наглядно показал, что, по словам исследователей, в действительности риск-менеджмент оказался менеджментом пустоты (*risk management of nothing*) (*Power, 2009*). Старая модель риск-менеджмента не выдержала проверку кризисом (*Lewis, 2008; Milllo and MacKenzie, 2009*). Традиционный механизм риск-менеджмента потерпел полный крах (*Sorkin, 2010; Kappler et al., 2010*). Стандартные инструменты и процедуры не удержали банки от взятия на себя чрезмерных рисков (*Perrow, 2010; Tsionas et al., 2015*).

В послекризисный период наблюдаются поиски новой модели риск-менеджмента (*Apatachioae, 2014*). Какие тенденции мы здесь видим?

Первое направление исследований – анализ взаимодействия риск-менеджеров с другими сотрудниками банка.

Детальное пятилетнее социологическое и экономическое исследование двух банков, базирующихся в Великобритании (*Hall et al., 2015*), выявило многие нюансы того процесса, который авторы называют «конкуренцией за внимание людей, принимающих решение». Само по себе наличие риск-менеджмента и риск-менеджеров в финансовой организации вовсе не означает, что банк будет брать на себя меньше риска или более точно просчитывать принимаемые риски и их последствия. Хотя риск-менеджеры могут быть профессионалами высокого класса, они представляют собой сотрудников, разрабатывающих инструменты, *tool-makers*, в терминах авторов, а не *decision-makers*.

Для того, чтобы риск-менеджмент стал важной частью процесса принятия стратегических решений в банке и исполнительные директора прислушивались к мнению риск-менеджеров, необходим определенный уровень риск-культуры в кредитном учреждении. Риск-культура должна стать ключевым компонентом, важным элементом общего пространства организационной активности. Этот вывод Холла и его коллег перекликается с идеей креативного подхода к риск-менеджменту, выдвинутого двумя годами ранее (*Huber, 2013*).

Эмпирическое исследование около 300 компаний финансового сектора Австралии за период 2006–2008 годы наглядно продемонстрировало необходимость координации между риск-менеджментом и прочими структурными подразделениями банка, в частности, комиссии по вознаграждениям (*Ngoc Bich Tao and Hutchinson, 2013*). Проблема управления кредитным учреждением на фоне асимметричной информации заключается в том, что цель деятельности комиссии по вознаграждениям – создание такого контракта для менеджеров банка, который снижал бы их неприятие риска, стимулируя сотрудников брать на себя весь необходимый риск для максимизации доходов акционеров и инвесторов – вступает в конфликт с задачей риск-менеджмента – воздерживать работников от взятия на себя дополнительного риска. Таким образом, комиссия по вознаграждениям выступает за максимизацию рискованных операций, в то время как управление риск-менеджмента придерживается правила минимизации риска.

Разделение директоров банка по комитетам усиливает информационную асимметрию и обостряет конфликт интересов внутри кредитного учреждения. Когда же, как

показала практика, директора входят одновременно и в состав комиссии по вознаграждениям, и в комитет риск-менеджмента, они видят картину с риском и доходностью в целом, что помогает преодолеть разногласия, смягчить информационные проблемы и найти оптимальный баланс между разными целями, выбрав эффективный вариант риска.

Совместная деятельность директоров способствует внутренней координации и выступает в качестве благоприятного сигнала для рынка ценных бумаг (*Klein, 2002; Laux and Laux, 2009; Certo, 2003; Reeb, 2003*). Еще лучше, если риск-менеджер непосредственно входит в состав совета директоров банка (*Wu and Wu, 2014*).

О важности риск-культуры говорит и такой факт. Делаются попытки сконструировать некий индекс измерения риска внутри компании (*risk metrics index*), который оценивал бы внутреннюю риск-культуру банка и взаимосвязь риск-культуры с его прибыльностью. Например, для китайских банков – (*Matthews, 2013*). Лучшее внутреннее управление на основе более эффективной риск-культуры, как показывает финансовая история США 2002–2009 годов на примере более 800 финансовых институтов, в том числе 539 банков (*Zagorchev and Gao, 2015*), ведет к смягчению информационной асимметрии и снижению рисков активности, снижая стимулы кредитных учреждений брать на себя чрезмерные риски.

Ставится также вопрос о необходимости разработки новых инструментов риск-менеджмента, которые отражали бы новые реалии глобализации и цифровой эры (*Constantinescu et al., 2014*). Традиционные механизмы контроля капитала, нормативов центрального банка, карты риска и стресс-тестирования оказываются ограниченными и не могут обеспечить адекватное понимание риска в банке (*Rossignolo et al., 2014*).

Итак, в настоящее время в банках всего мира наблюдается тенденция к поиску новой модели риск-менеджмента. Ключевые компоненты данной модели можно очертить следующим образом: прозрачность; риск-культура; информационные технологии.

К новой модели риск-менеджмента

Риск-менеджмент сегодня осуществляется на уровне всего банка, охватывает все стороны финансовой деятельности и выступает как стратегический инструмент оптимизации использования капитала с учетом риска, причем не только в финансовых институтах, но и в крупных нефинансовых компаниях с интенсивными денежными потоками. Качество риск-менеджмента считается одним из важнейших компонентов корпоративного управления и оказывает непосредственное влияние на рыночную стоимость компании, а рейтинговые агентства, такие как *Standart&Poors* и *Moody's*, учитывают этот фактор при определении кредитного рейтинга. Сложились отраслевые стандарты, такие как *VaR* и *RAROC*. Одним из убедительных свидетельств успеха индустрии риск-менеджмента стало увеличение количества программных продуктов по риск-менеджменту и рост их продаж.

Возникли международные организации риск-менеджеров – *GARP, PRMIA*. Созданы сертификационные программы с регулярными экзаменами. Разработан профессиональный кодекс этики. Сегодня риск-менеджер – престижная и высокооплачиваемая профессия, требующая хорошего экономического мышления, аналитических способностей, умелого владения математическим аппаратом.

Риск-менеджмент сегодня – это процесс принятия и выполнения управленческих решений, направленных на снижение вероятности возникновения неблагоприятного результата и минимизацию возможных потерь, вызванных его реализацией.

На рис. 1 представлена последовательность действий, которая часто используется для определения риск-менеджмента в современном банке.

Риск-менеджмент в коммерческом банке как система управления состоит из двух подсистем: управляемой подсистемы (объекта управления) и управляющей подсистемы (субъекта управления).

Объектом управления в риск-менеджменте являются риск, рискованные вложения капитала и экономические отношения между хозяйствующими субъектами в процессе реализации риска.

Субъект управления в риск-менеджменте – это специальная группа людей, которая посредством различных приемов и способов управленческого воздействия осуществляет целенаправленное функционирование объекта управления.

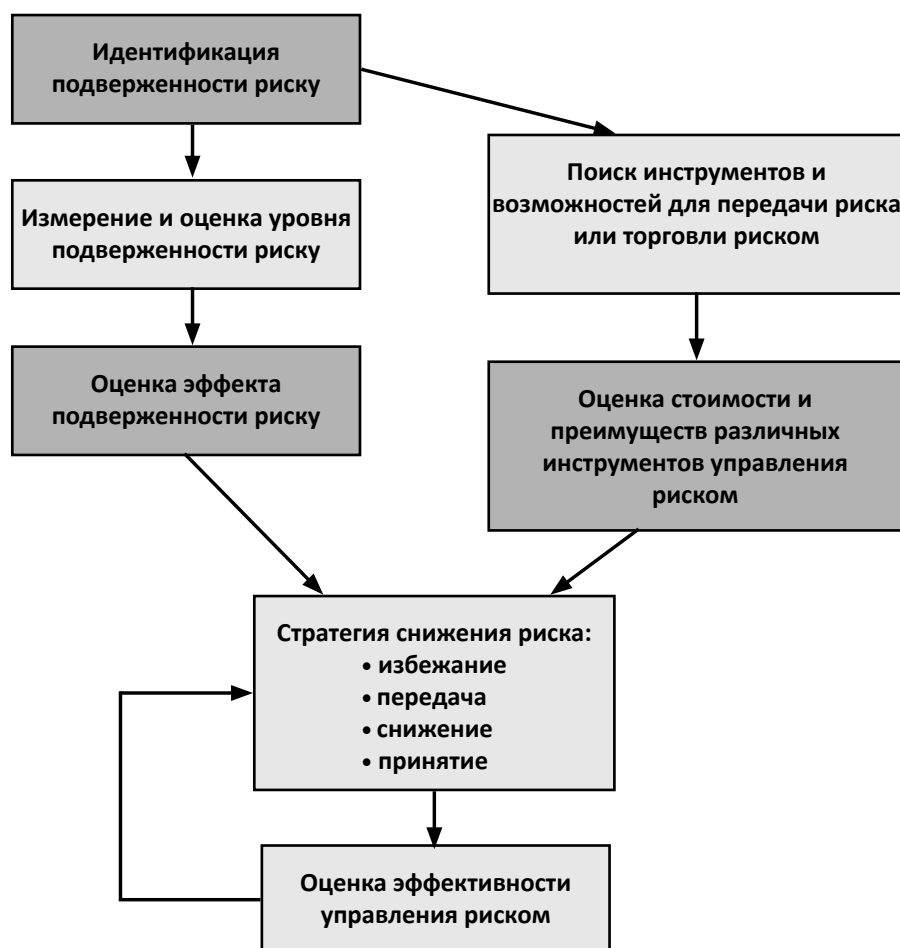

Рис. 1. Процесс управления риском
Источник: (Круи, 2011).

Процесс воздействия субъекта на объект управления, то есть сам процесс управления, может осуществляться только при условии циркулирования определенной информации между управляющей и управляемой подсистемами. Процесс управления независимо от его конкретного содержания всегда предполагает получение, передачу, переработку и использование информации. В риск-менеджменте получение надежной и достаточной в данных условиях информации играет главную роль, так как оно позволяет принять конкретное решение по действиям реагирования на риск.

Одной из важных составных частей эффективного риск-менеджмента является развитие корпоративной культуры в области управления рисками. Под термином «риск-культура» подразумевается внутренняя среда, при которой руководство и работники компаний (в нашем случае банка) принимают решения и осуществляют операционную и иную деятельность, принимая во внимание выбор оптимального соотношения рисков и возможностей.

Перед многими банками стоит задача повышения уровня риск-культуры, потому как сотрудники разного уровня не до конца осознают принципы и философию управления рисками, что приводит к бессистемности, отсутствию единого подхода, а также игнорированию требований системы управления рисками. Сравнительный график различного уровня риск-культуры в российских и зарубежных банках представлен на рис. 2.

Для высокой риск-культуры банка характерна высокая мотивация оценки реального риска сделки, потери от операционного риска распределяются на соответствующие подразделения и учитываются в системе общей мотивации кредитной организации, механизмы снижения риска внедряются тогда, когда положительный эффект превышает затраты. Более низкая риск-культура означает, что банк стремится свести потери от рисков к нулю любой ценой, инвестиционные показатели могут «подгоняться» для получения высокого рейтинга в рейтинговых агентствах, подразделения банка не стремятся адекватно оценивать создаваемые ими операционные риски.

Рис. 2. Уровень риск-культуры различных банков
Источник: (Сбербанк, 2013).

Каковы же основные причины того, что культура риск-менеджмента пока не укоренилась в банках так прочно, как должна? Опыт компании KPMG показывает, что в большинстве случаев цели и ключевые показатели эффективности деятельности как подразделений, так и руководителей различных уровней не связаны напрямую с выполнением поставленных задач в рамках управления рисками (KPMG, 2011). А без достаточного уровня риск-культуры сложно говорить об эффективности риск-менеджмента и автоматизации процессов с оглядкой на риск.

В настоящее время в банковской сфере широкое распространение получило интегрированное управление рисками, которое основано на международном стандарте Базель II. Под интегрированным управлением рисками следует понимать комплексное и эффективное управление всеми существенными рисками, влияющими на деятельность банка, с учетом взаимозависимости рисков между собой, включающее построение в рамках банка корпоративной культуры риск-менеджмента, а также интеграцию риск-менеджмента в стратегическое планирование (Маслова, 2013).

Система управления банковскими рисками складывается из четырех основных составляющих:

1. Выявление риска.
2. Оценка и расчет величины риска.
3. Мониторинг риска.
4. Контроль за риском.

Интегрированное управление рисками подчиняется соответствующей внутренней организационной структуре банка.

Опираясь на опыт крупных российских банков, можно выявить тот факт, что централизация функций риск-менеджмента приводит к более впечатляющим результатам и с точки зрения управляемости, и с точки зрения финансовых показателей (уменьшение экономического капитала, сокращение числа проблемных активов).

Кураторство рисками должно находиться в функциональных обязанностях члена правления банка, непосредственное управление должно осуществляться вице-президентом.

Само подразделение должно включать в себя управления/отделы по методологии каждого риска в отдельности, отчетности, моделированию, валидации моделей, развитию и внедрению риск-культуры, интеграционному риск-менеджменту, а также по внедрению международных стандартов и соглашений. Помимо этого, риски должны иметь производственные подразделения, которые осуществляют непосредственный анализ и экспертизу рисков при заключении сделок с различными контрагентами.

Если же банк имеет широкую филиальную сеть, например по регионам страны, и каждый филиал является по сути отдельным банком, со своим председателем, то можно говорить об институте CRO (*chief risk officer*) как об элементе централизованного управления рисками. Каждый территориальный банк имеет своего CRO, входящего в подразделение рисков, в зону ответственности которого входят все вышеперечисленные функции. Стоит отметить, что институт CRO применим не только для филиалов банка, но и для других крупных подразделений банка, являющихся носителями риска. Данный институт схож с применимыми во многих банках институтами CIO и HR-партнеров.

Информационные технологии в процессах риск-менеджмента

В век информационных технологий построение систем риск-менеджмента в финансовых институтах неразрывно связано с развертыванием и поддержанием на высоком уровне ИТ-инфраструктуры. Индикатором эффективности риск-менеджмента и высокой риск-культуры в банках является рост числа программных средств, позволяющих автоматизировать процессы и процедуры риск-менеджмента и таким образом выстраивать систему по адекватному и эффективному реагированию на риски. ИТ-архитектура позволяет оценивать риск-культуру и риск-менеджмент в современном банковском бизнесе, в качестве ключевого фактора конкурентоспособности финансовой организации и возможного важного показателя состояния дел в банке для регулирующих органов.

Управление рисками на уровне банка требует колоссальных затрат – как человеческих, так и финансовых. Создание систем интегрированного управления рисками рассматривается банками как высокое конкурентное преимущество в борьбе за лидерство в банковской сфере. От автоматизации, информатизации, скорости обработки и предоставления данных, текущей аналитики зависит эффективность процессов риск-менеджмента банка.

Какие же технологии и каким образом применяют банки для построения эффективных систем риск-менеджмента?

Положения по автоматизации функций риск-менеджмента были заложены еще в Базель II. В конце 2000-х годов такие решения внедрило большинство зарубежных банков. Новые же стандарты банковского регулирования, вводимые Базель III, лишь усиливают регуляторные требования.

Что же касается управления на уровне отдельных рисков, то информационные технологии позволяют разрабатывать и применять модели их оценки для оценки требований к регуляторному капиталу. А говорить о сложной математической оценке рисков без использования современных ИТ-решений просто не имеет смысла. В последнее время коммерческие банки стремятся к тому, чтобы системы оценки кредитных рисков были встроены и максимально интегрированы с процессами кредитования.

Для эффективного управления рисками следует разработать и применить ИТ-ландшафт, позволяющий автоматизировать основные функции риск-менеджмента и сквозные процессы, учитывающие риски.

Основные элементы ИТ-ландшафта, применяемого в банках, таковы:

1. Системы распространения данных.

Применяются в качестве источника и хранения информации. К данному элементу ИТ-ландшафта могут относиться системы аналитического хранения данных, системы

оперативного хранения данных, системы класса Big Data, системы хранения неструктурированного контента (документы, медиа и т. д.), системы класса MDM (содержат информацию по продуктам, клиентам), также – системы нормативно-справочной информации. Перечисленные системы должны обогащаться данными из различных источников, в том числе: каналы обслуживания клиентов, социальные сети. Данные системы должны быть интегрированы между собой.

2. Поддерживающий инструментарий.

Для функционирования элемента распространения данных и эффективного использования в ИТ-ландшафте должны быть предусмотрены системы, позволяющие управлять качеством данных и создавать адекватную бизнес-модель данных.

3. Системы Мидл-офиса.

К данному элементу можно отнести системы класса CRM (Customer Relationship Management), системы формирования предложений в режиме реального времени.

4. Аналитические приложения.

Данный элемент предназначен для анализа и сегментации клиентского портфеля, к нему относятся системы построения отчетности, системы детальной аналитики.

5. Системы количественной оценки рисков, а также их проверки.

Системы, позволяющие создавать, отлаживать, применять модели, оценивающие идентифицированные в банке виды рисков. Функцию проверки должны осуществлять системы (или элементы систем), позволяющие проводить различные виды тестирования, в том числе – стресс-тестирование.

6. Транзакционные системы.

Внешние системы, являющиеся источником информации для формирования моделей и последующей калибровки. Хорошей практикой является внедрение в данные системы модулей, позволяющих производить оценку риска (например кредитного) на основе различных методик.

Все вышеперечисленные элементы ИТ-ландшафта в совокупности позволяют предоставлять информационную базу для стратегического планирования на уровне банка (и также на уровне отдельных подразделений), управления эффективностью деятельности с учетом риска (RAPM), управления капиталом банка (управление доходностью с учетом риска – RAROC), определения аппетита к риску и построения системы лимитов, также обеспечивать своевременное построение адекватной управленческой и регуляторной отчетности.

Среди специализированных инструментов управления финансовыми рисками можно выделить три основных продукта. Именно они стали наиболее применяемыми программными решениями на мировом и российском рынках.

SAS Risk Management (SAS) является широко признанным в мире решением в области управления рисками на уровне всего банка. SAS Risk Management имеет гибкую, открытую и расширяемую среду управления рисками. Система позволяет рассчитывать текущую и потенциальную подверженность кредитному риску, агрегировать взвешенные показатели по определенным пользователем уровням агрегации, например, по контрагентам, рейтингам и т.д. Для оценки таких показателей, как Credit VaR, как и в случае управления рыночными рисками, можно использовать возможности моделирования методом Монте-Карло. Это дает возможность производить интегрированную оценку рыночного и кредитного риска, при этом принимается во внимание взаимосвязь всех вовлеченных в анализ факторов риска, что делает оценку риска более объективной.

EGAR Focus (EGAR Technology) – комплексное решение для банков и инвестиционных компаний, позволяющее осуществлять мониторинг позиций, управление рисками, оценку стоимости производных финансовых инструментов, проводить расчет прибыли и убытков в режиме реального времени. Egar Focus представляет собой единую банковскую и брокерскую систему, которая имеет широкую область применения и мо-

жет использоваться во фронт-, мидл- и бэк-офисных подразделениях банков, инвестиционных компаний и других финансовых организаций для мониторинга и управления рисками. За счет модульной архитектуры можно формировать оптимальный функциональный пакет для решения конкретных задач банка.

Kondor+ (Reuters) наиболее полно охватывает функциональную область дилинговых управлений инвестиционных банков, кроме того используется для оценки и контроля риска ликвидности и процентного риска. Kondor+ представляет собой систему ведения позиций в режиме реального времени, с большим набором интеллектуальных и гибких средств управления сделками и широким спектром финансовых инструментов. Система позволяет анализировать прибыли и убытки, а также рассчитывать уровень риска по любому срезу торговой структуры банка и любой комбинации финансовых инструментов в режиме онлайн. На основании получаемых данных и отчетов принимаются оперативные и стратегические решения в области управления активами и пассивами банка.

Перечисленные решения представлены западными компаниями: это комплексные решения по управлению различными типами рисков. К сожалению, не все банки могут позволить себе использование подобных дорогостоящих систем. Поэтому во многих банках распространена практика создания собственных разработок в области управления рисками, предусматривающая оценку и управление основными видами банковских рисков.

Наивысший уровень риск-культуры среди российских банков имеет ОАО «Сбербанк России». Данный уровень подразумевает зрелость бизнес-процессов риск-менеджмента, качество и эффективность их автоматизации.

Базовым уровнем, основой для построения системы управления рисками является ИТ-составляющая. Без системы информационных технологий невозможно построить эффективные бизнес-приложения, позволяющие адекватно управлять кредитной организацией.

Большое внимание банк уделяет внедрению систем, позволяющих повышать качество оценки различных рисков. Так, лучшим ИТ-проектом 2014 года в номинации «Лучшее отраслевое решение» по версии Global CIO (2014) стал проект по внедрению системы анализа фотоизображений (САФИ) в Сбербанке.

Ключевой целью проекта являлось расширение возможностей «Кредитной фабрики» Сбербанка за счет использования технологий машинного зрения (биометрии), включая:

- построение эффективной системы предотвращения кражи личности клиентов;
- обеспечение высокого качества верификации клиентов за счет автоматического анализа и сопоставления фотоматериалов;
- снижение операционных рисков за счет автоматизации процессов верификации клиентов и обеспечения контроля качества материалов.

В настоящее время САФИ планируется к внедрению в Национальном бюро кредитных историй как часть ИТ-инфраструктуры, в качестве определенного стандарта работы банков с фотоизображениями заемщиков с целью предотвращения мошенничества.

* * *

Итак, мы видим, что риск-культура важна в целом в экономике, а тем более значима в банковском бизнесе.

Правильная ИТ-архитектура сокращает риски банка и банковского бизнеса, обеспечивая адекватную прозрачность деловым операциям, что служит хорошим индикатором правильности поведения кредитной организации и оптимального ведения дел для всех заинтересованных сторон: инвесторов, сотрудников банка, клиентов банка, собственников и менеджмента, регулятора.

Информационные технологии и информационные системы банков способны значительным образом снизить проблемы информационной асимметрии и усилить банковскую конкуренцию без ее отрицательных последствий в виде чрезмерного риска банковских операций.

Ключевой фактор конкурентоспособности современного банка – прозрачность (транспарентность) деловых операций – не может быть достигнут без информационных технологий. Использование ИТ даже в одном кредитном учреждении снижает хрупкость и укрепляет структуру всей банковской системы национальной экономики.

Банки по своей природе призваны олицетворять надежность и безопасность, поэтому организация процесса управления рисками является одним из ключевых элементов банковской политики в области предотвращения, регулирования и минимизации рисков. Каждый банк в интересах безопасности проводит защитные мероприятия против риска, которые и составляют содержание рисковой политики.

Незначительное выделение времени и ресурсов, а также пренебрежительное отношение руководства банков к риск-менеджменту как с точки зрения управления, так и с точки зрения развития данной функции может привести к плачевным результатам. Мировой финансовый кризис 2008–2010 года показал, что даже самые «продвинутые» финансовые компании могут пострадать из-за плохого риск-менеджмента.

Эффективное построение системы и процессов риск-менеджмента служит в свою очередь, неким залогом того, что банк сможет нормально функционировать в периоды кризиса.

Построение же эффективной системы риск-менеджмента не представляется возможным без внедрения в банке риск-культуры, организации соответствующих централизованных подразделений, а также автоматизации соответствующих процессов и процедур на основе ИТ-архитектуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Волков А.А. (2006). Управление рисками в коммерческом банке. М.: Омега-Л.
- Круи М. (2011). Основы риск-менеджмента. М.: Юрайт.
- Маслова К.Н. (2013). Сущность интегрированного управления банковскими рисками // *Российское предпринимательство*, № 8 (230), с. 27–38.
- Сбербанк (2013). Презентационные материалы (www.sberbank.ru).
- Лобанов А.А., Чугунов А.В. (2003). Энциклопедия финансового риск-менеджмента. М.: Альпина Паблишер.
- Global CIO (2014). Архив проектов 2014 (<http://www.globalcio.ru/projectoftheyear/2014/projects/##>).
- Allen F. and Babus A. (2009). Networks in finance / In: Kleindorfer P. and Wind J. (eds). *Network-Based Strategies and Competencies*. N.Y.: MacMillan, pp. 367–382.
- Allen F., Babus A. and Carletti E. (2009). Financial crises: theory and evidence // *Annual Review of Financial Economics*, vol. 1, no.1, pp. 97–116.
- Allen F., Babus A. and Carletti E. (2012). Asset commonality, debt maturity and systemic risk // *Journal of Financial Economics*, vol. 104, no. 3, pp. 519–534.
- Allen F., Carletti E. and Marquez R. (2011). Credit market competition and capital regulation // *The Review of Financial Studies*, vol. 24, pp. 983–1018.
- Allen F. and Gale D. (2000). Financial contagion // *Journal of Political Economy*, vol. 108, no. 1, pp. 1–33.
- Anagnostis K. and Alexios K. (2014). Factors of weaknesses of supervisory methods as components of systemic risk // *Procedia Economics and Finance*, vol. 9, pp. 120–132.
- Angelini P. (2000). Are banks risk averse? Intraday timing of operations in the inter-bank market // *Journal of Money, Credit and Banking*, vol. 32, no. 1, pp. 54–73.
- Anginer D. and Demircuc-Kunt A. (2014). Has the global banking system become more fragile over time? // *Journal of Financial Stability*, vol. 13, pp. 202–213.

Apatachioae A. (2014). New challenges in the management of banking risks // *Procedia Economics and Finance*, vol. 15, pp. 1364–1373.

Beasley M., Branson B. and Hancock B. (2011). Report on the Current State of Enterprise Risk. Raleigh, NC: American Institute of Certified Public Accountants.

Beasley M., Pagach D. and Warr R. (2008). Information conveyed in hiring announcements of senior executives overseeing enterprise-wide risk management processes // *Journal of Accounting and Auditing*, vol. 3, pp. 311–332.

Beatty A. and Liao S. (2011). Regulatory capital ratios, loan loss provisioning and procyclicality // *Journal of Accounting and Economics*, vol. 52, pp. 1–20.

Beatty A. and Liao S. (2014). Financial accounting in the banking industry: a review of the empirical literature // *Journal of Accounting and Economics*, vol. 58, pp. 339–383.

Berger A., Miller N., Peterson M., Rajan R. and Stein J. (2005). Does function follow organizational form? Evidence from the lending practices of large and small banks // *Journal of Financial Economics*, vol. 76, no. 2, pp. 237–279.

Blum J. (2002). Subordinated debt, market discipline, and banks' risk taking // *Journal of Banking Finance*, vol. 26, no. 7, pp. 1427–1441.

Bramer P., Gischer H. and Lucke Ch. (2014). A simulation approach to evaluate systemic risk // *European Journal of Political Economy*, vol. 34, pp. 553–564.

Browne S. (2000). Risk-constrained dynamic active portfolio management // *Management Science*, vol. 46, no. 9, pp. 1188–1199.

Bushman R. (2014). Thoughts on financial accounting and the banking industry // *Journal of Accounting and Economics*, vol. 58, pp. 384–395.

Bushman R. and Williams C. (2012). Accounting discretion, loan loss provisioning and discipline of banks' risk-taking // *Journal of Accounting and Economics*, vol. 54, no. 1, pp. 1–18.

Butterworth M. (2001). The emerging role of the risk manager / In: Pickford J. (ed.) *Mastering Risk*, vol. 1. L.: Prentice Hall.

Calomiris C. (1999). Building an incentive compatible safety net // *Journal of Banking Finance*, vol. 23, pp. 1499–1519.

Carlin B. (2009). Strategic price complexity in retail financial markets // *Journal of Financial Economics*, vol. 91, pp. 278–287.

Carlin B. and Manzo G. (2011). Obfuscation, learning, and the evolution of investor sophistication // *Review of Financial Studies*, vol. 24, no. 3, pp. 754–785.

Certo S.T. (2003). Influencing initial public offering investors with prestige: signaling with board structures // *Academy of Management Review*, vol. 29, no. 3, pp. 432–446.

Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission (C.O.S.O) (2004). Enterprise Risk Management Framework. N.Y.: American Institute of Certified Public Accountants.

Constantinescu L., Constantinescu A. and Dumitrescu A. (2014). Risk management era in European credit institutions: predictable mutation in XXI century // *Procedia Economics and Finance*, vol. 16, pp. 314–319.

Crouchy M., Galai D. and Mark R. (2001). Risk Management. NY: McGraw-Hill.

De Jonghe O., Diepstraten M. and Schepens G. (2015). Banks' size, scope and systemic risk: what role for conflicts of interest? // *Journal of Banking and Finance*. Article in Press (<http://dx.doi.org/10.1016/j.jbankfin.2014.12.024/>).

Deloitte (2012). Enterprise Risk Management Survey Report. L.: Deloitte&Touche.

Diamond D. (1984). Financial intermediation and delegated monitoring // *Review of Economic Studies*, vol. 51, pp. 393–414.

Diamond D. (1991). Monitoring and reputation: the choice between bank loans and directly placed debt // *Journal of Political Economy*, vol. 99, pp. 689–721.

Flannery M. (2001). The faces of «market» discipline // *Journal of Financial Services Research*, vol. 20, pp. 107–119.

Flannery M., Kwan S. and Nimalendran M. (2004). Market evidence on the opaqueness of banking firms' assets // *Journal of Financial Economics*, vol. 71, pp. 419–460.

Flannery M., Kwan S. and Nimalendran M. (2013). The 2007–2009 financial crisis and bank opaqueness // *Journal of Financial Intermediation*, vol. 22, pp. 55–84.

Foote E. (2014). Information asymmetries and spillover risk in settlement systems // *Journal of Banking and Finance*, vol. 42, pp. 179–190.

Freixas X., Parigi B. and Rochet J. (2000). Systemic risk, interbank relations, and liquidity provision by the Central Bank // *Journal of Money, Credit and Banking*, vol. 32, no. 3, part 2, pp. 611–638.

Freixas X. and Rochet J.-C. (2008). *Microeconomics of Banking*. Cambridge, MA: MIT Press.

Gai P. and Kapadia S. (2010). Contagion in financial networks // *Proceedings of the Royal Society*, vol. 466, pp. 2401–2423.

Gao T., Gupta A., Gulpinar N. and Zhu Y. (2015). Optimal hedging strategy for risk management on a network // *Journal of Financial Stability*, vol. 16, pp. 31–44.

Gorton G. and Huang L. (2006). Bank panics and the endogeneity of central banking // *Journal of Monetary Economics*, vol. 53, no. 7, pp. 1613–1629.

Grossman R. (2001). Double liability and bank risk taking // *Journal of Money, Credit and Banking*, vol. 33, no. 2, pp. 143–159.

Grote G. (2015). Promoting safety by increasing uncertainty – implications for risk management // *Safety Science*, vol. 71, pp. 71–79.

Hall M., Mikes A. and Millo Y. (2015). How do risk managers become influential? A field study of toolmaking in two financial institutions // *Management Accounting Research*, vol. 26, pp. 3–22.

Hellwig M. (2000). Financial intermediation with risk aversion // *The Review of Economic Studies*, vol. 67, no. 4, pp. 719–742.

Hellwig M. (2009). Systemic risk in the financial sector: an analysis of the subprime mortgage financial crisis // *De Economist*, vol. 157, pp. 129–207

Huber C. and Scheytt T. (2013). The dispositif of risk management: reconstructing risk management after the financial crisis // *Management Accounting Review*, vol. 2, pp. 88–99.

Instefford N. (2005). Risk and hedging: do credit derivatives increase bank risk? // *Journal of Banking and Finance*, vol. 29, pp. 333–345.

International Organization for Standardization (ISO 3100) (2009). *Risk management – principles and guidelines*. Geneva: ISO.

Jordan S., Jergensen L. and Mitterhofer H. (2013). Performing risk and the project: risk maps as mediating instruments // *Management Accounting Research*, vol. 24, pp. 156–174.

Kappler E., Scheytt T. and Huber C. (2010). Risiko management trotz nicht abwendbarer risiken // *Jahrbuch fuer Rechnungs wesen und Controlling*, vol. 26, ss. 529–547.

Klein A. (2002). Audit committee board of director characteristics, and earnings management // *Journal of Accounting and Economics*, vol. 33, no. 3, pp. 375–400.

Kohler M. (2015). Which banks are more risky? The impact of business models on bank stability // *Journal of Financial Stability*, vol. 16, pp. 195–212.

KPMG (2011). *Risk Management: A Driver of Enterprise Value in the Emerging Environment*. Switzerland: KPMG International Cooperative.

Krasa S., Villamil A.P. (1992). Monitoring the monitor: an incentive structure for a financial intermediary // *Journal of Economic Theory*, vol. 57, pp. 197–221.

Laeven L. (2013). Corporate governance: what's special about banks? // *Annual Review of Financial Economics*, vol. 5, pp. 63–92.

Laux C. and Laux V. (2009). Board committees, CEO compensation, and earnings management // *The Accounting Review*, vol. 84, no. 3, pp. 869–891.

Lewis M. (2008). Introduction. In: Lewis M. (Ed.). *Panic! The Story of Modern Financial Insanity*. L.: Penguin, pp. 3–13.

Matthews K. (2013). Risk management and managerial efficiency in Chinese banks: a network DEA framework // *Omega*, vol. 41, pp. 207–215.

Mikes A. (2009). Risk management and calculative cultures // *Management Accounting Research*, vol. 20, no. 1, pp. 18–40.

Mikes A. (2011). From counting risk to making risk count: boundary-work in risk management // *Accounting, Organizations and Society*, vol. 36, pp. 226–245.

Milllo Y. and MacKenzie D. (2009). The usefulness of inaccurate models: towards an understanding of the emergence of financial risk management // *Accounting, Organizations and Society*, vol. 34, no. 5, pp. 638–653.

Morgan D. (2002). Rating banks: risk and uncertainty in an opaque industry // *American Economic Review*, vol. 92, pp. 874–888.

Morrison A. and White L. (2013). Reputational contagion and optimal regulatory forbearance // *Journal of Financial Economics*, vol. 110, no. 3, pp. 642–658.

Ngoc Bich Tao and Hutchinson M. (2013). Corporate governance and risk management: the role of risk management and compensation committees // *Journal of Contemporary Accounting and Economics*, vol. 9, pp. 83–99.

Nier E., Yang J., Yorulmazer T. and Alentorn A. (2007). Network models and financial stability // *Journal of Economic Dynamics and Control*, vol. 31, no. 6, pp. 2033–2060.

Perrow C. (2010). The meltdown was not an accident / In: Lounsbury M. and Hirsch P. (eds.) *Markets on Trial: the Economic Sociology of the US Financial Crisis*. Bingley: Emerald Publishing, pp. 307–328.

Power M. (2009). The risk management of nothing // *Accounting, Organizations and Society*, vol. 34, no. 6–7, pp. 849–855.

Prabha A. and Wihlborg C. (2014). Implicit guarantees, business models and banks' risk-taking through the crisis: global and European perspectives // *Journal of Economics and Business*, vol. 76, pp. 10–38.

PricewaterhouseCoopers. (2012). *Risk in Review: Coping with the Unknown: Risk Management Strategies for an Uncertain World*. N.Y.: PricewaterhouseCoopers.

Ratnovski L. (2013). Liquidity and transparency in bank risk management // *Journal of Financial Intermediation*, vol. 22, pp. 422–439.

Reeb R.W. (2003). The role of good corporate governance in overseeing risk // *Corporate Governance Advisor*, vol. 11, no. 2, pp. 469–486.

Rochet J. (2005). Prudential policy // *Monetary and Economic Studies*. October, Special Edition, pp. 93–119.

Rossignolo A.F., Duygun F. and Shaban M. (2014). Market crises and Basel capital requirements: could Basel III have been different? Evidence from Portugal, Ireland, Greece and Spain // *Journal of Banking and Finance*, vol. 37, pp. 1323–1339.

Sorkin A.R. (2010). *Too Big to Fail: the inside story of how Wall Street and Washington fought to save the financial system- and themselves*. NY: Penguin.

Tekathen M. and Dechow N. (2013). Enterprise risk management and continuous realignment in the pursuit of accountability: a German case // *Management Accounting Research*, vol. 24, pp. 100–121.

Teteryatnikova M. (2014). Systemic risk in banking networks: advantages of «tiered» banking systems // *Journal of Economic Dynamics and Control*, vol. 47, pp. 186–210.

Tirole J. (2006). *The theory of corporate finance*. Princeton: Princeton University Press.

Tonzer L. (2015). Cross-border interbank networks, banking risk and contagion // *Journal of Financial Stability*, vol. 18, pp. 19–32.

Tsionas E., Assaf A.G. and Matousek R. (2015). Dynamic technical and allocative efficiencies in European banking // *Journal of Banking and Finance*, vol. 52, pp. 130–139.

Wagner W. (2007). The liquidity of bank assets and banking stability // *Journal of Banking and Finance*, vol. 31, pp. 121–139.

Wagner W. and Marsh I. (2006). Credit risk transfer and financial sector stability // *Journal of Financial Stability*, vol. 2, pp. 173–193.

Wu J. and Wu Z. (2014). Integrated risk management and product innovation in China: the moderating role of board of directors // *Technovation*, vol. 34, pp. 466–476

Yuan K. (2005). Asymmetric price movements and borrowing constraints: a rational expectations equilibrium model of crisis, contagion, and confusion // *Journal of Finance*, vol. 60, pp. 379–411.

Zagorchev A. and Gao L. (2015). Corporate governance and performance of financial institutions // *Journal of Economics and Business*. Article in Press (<http://dx.doi.org/10.106/j.jeconbus.2015.04.0004/>).

REFERENCES

Global CIO (2014). Архив проектов 2014 (<http://www.globalcio.ru/projectoftheyear/2014/projects/##>). (In Russian.)

Krui M. (2011). Risk-management basics. Moscow: Urait Publ. (In Russian.)

Lobanov A.A. and Chugunov A.V. (eds.) (2003). Encyclopedia of Financial Risk Management. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian.)

Maslova K.N. (2013). The essence of integrated risk-management in banking. *Russian entrepreneur*, № 8 (230), pp. 27–38. (In Russian.)

Sberbank (2013). Presentation's materials (www.sberbank.ru). (In Russian.)

Volkov A.A. (2006). Risk-management in a commercial bank. Moscow: Omega-L Publ. (In Russian.)

Allen F. and Babus A. (2009). Networks in finance / In: Kleindorfer P. and Wind J. (eds). Network-Based Strategies and Competencies. N.Y.: MacMillan, pp. 367–382.

Allen F., Babus A. and Carletti E. (2009). Financial crises: theory and evidence. *Annual Review of Financial Economics*, vol. 1, no.1, pp. 97–116.

Allen F., Babus A. and Carletti E. (2012). Asset commonality, debt maturity and systemic risk. *Journal of Financial Economics*, vol. 104, no. 3, pp. 519–534.

Allen F., Carletti E. and Marquez R. (2011). Credit market competition and capital regulation. *The Review of Financial Studies*, vol. 24, pp. 983–1018.

Allen F. and Gale D. (2000). Financial contagion. *Journal of Political Economy*, vol. 108, no. 1, pp. 1–33.

Anagnostis K. and Alexios K. (2014). Factors of weaknesses of supervisory methods as components of systemic risk. *Procedia Economics and Finance*, vol. 9, pp. 120–132.

Angelini P. (2000). Are banks risk averse? Intraday timing of operations in the inter-bank market. *Journal of Money, Credit and Banking*, vol. 32, no. 1, pp. 54–73.

Anginer D. and Demirguc-Kunt A. (2014). Has the global banking system become more fragile over time? *Journal of Financial Stability*, vol. 13, pp. 202–213.

Apatachioae A. (2014). New challenges in the management of banking risks. *Procedia Economics and Finance*, vol. 15, pp. 1364–1373.

Beasley M., Branson B. and Hancock B. (2011). Report on the Current State of Enterprise Risk. Raleigh, NC: American Institute of Certified Public Accountants.

Beasley M., Pagach D. and Warr R. (2008). Information conveyed in hiring announcements of senior executives overseeing enterprise-wide risk management processes. *Journal of Accounting and Auditing*, vol. 3, pp. 311–332.

Beatty A. and Liao S. (2011). Regulatory capital ratios, loan loss provisioning and procyclicality. *Journal of Accounting and Economics*, vol. 52, pp. 1–20.

Beatty A. and Liao S. (2014). Financial accounting in the banking industry: a review of the empirical literature. *Journal of Accounting and Economics*, vol. 58, pp. 339–383.

Berger A., Miller N., Peterson M., Rajan R. and Stein J. (2005). Does function follow organizational form? Evidence from the lending practices of large and small banks. *Journal of Financial Economics*, vol. 76, no. 2, pp. 237–279.

Blum M. (2002). Subordinated debt, market discipline, and banks' risk taking. *Journal of Banking Finance*, vol. 26, no. 7, pp. 1427–1441.

Bramer P., Gischer H. and Lucke Ch. (2014). A simulation approach to evaluate systemic risk. *European Journal of Political Economy*, vol. 34, pp. 553–564.

Browne S. (2000). Risk-constrained dynamic active portfolio management. *Management Science*, vol. 46, no. 9, pp. 1188–1199.

Bushman R. (2014). Thoughts on financial accounting and the banking industry. *Journal of Accounting and Economics*, vol. 58, pp. 384–395.

Bushman R. and Williams C. (2012). Accounting discretion, loan loss provisioning and discipline of banks' risk-taking. *Journal of Accounting and Economics*, vol. 54, no. 1, pp. 1–18.

Butterworth M. (2001). The emerging role of the risk manager / In: Pickford J. (ed.) *Mastering Risk*, vol. 1. L.: Prentice Hall.

Calomiris C. (1999). Building an incentive compatible safety net. *Journal of Banking Finance*, vol. 23, pp. 1499–1519.

Carlin B. (2009). Strategic price complexity in retail financial markets. *Journal of Financial Economics*, vol. 91, pp. 278–287.

Carlin B. and Manzo G. (2011). Obfuscation, learning, and the evolution of investor sophistication. *Review of Financial Studies*, vol. 24, no. 3, pp. 754–785.

Certo S.T. (2003). Influencing initial public offering investors with prestige: signaling with board structures. *Academy of Management Review*, vol. 29, no. 3, pp. 432–446.

Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission (C.O.S.O) (2004). *Enterprise Risk Management Framework*. N.Y.: American Institute of Certified Public Accountants.

Constantinescu L., Constantinescu A. and Dumitrescu A. (2014). Risk management era in European credit institutions: predictable mutation in XXI century. *Procedia Economics and Finance*, vol. 16, pp. 314–319.

Crouchy M., Galai D. and Mark R. (2001). *Risk Management*. NY: McGraw-Hill.

De Jonghe O., Diepstraten M. and Schepens G. (2015). Banks' size, scope and systemic risk: what role for conflicts of interest? *Journal of Banking and Finance*. Article in Press (<http://dx.doi.org/10.1016/j.jbankfin.2014.12.024/>).

Deloitte (2012). *Enterprise Risk Management Survey Report*. L.: Deloitte&Touche.

Diamond D. (1984). Financial intermediation and delegated monitoring. *Review of Economic Studies*, vol. 51, pp. 393–414.

Diamond D. (1991). Monitoring and reputation: the choice between bank loans and directly placed debt. *Journal of Political Economy*, vol. 99, pp. 689–721.

Flannery M. (2001). The faces of “market” discipline. *Journal of Financial Services Research*, vol. 20, pp. 107–119.

Flannery M., Kwan S. and Nimalendran M. (2004). Market evidence on the opaqueness of banking firms' assets. *Journal of Financial Economics*, vol. 71, pp. 419–460.

Flannery M., Kwan S. and Nimalendran M. (2013). The 2007–2009 financial crisis and bank opaqueness. *Journal of Financial Intermediation*, vol. 22, pp. 55–84.

Foote E. (2014). Information asymmetries and spillover risk in settlement systems. *Journal of Banking and Finance*, vol. 42, pp. 179–190.

Freixas X., Parigi B. and Rochet J. (2000). Systemic risk, interbank relations, and liquidity provision by the Central Bank. *Journal of Money, Credit and Banking*, vol. 32, no. 3, part 2, pp. 611–638.

Freixas X. and Rochet J.-C. (2008). *Microeconomics of Banking*. Cambridge, MA: MIT Press.

Gai P. and Kapadia S. (2010). Contagion in financial networks. *Proceedings of the Royal Society*, vol. 466, pp. 2401–2423.

Gao T., Gupta A., Gulpinar N. and Zhu Y. (2015). Optimal hedging strategy for risk management on a network. *Journal of Financial Stability*, vol. 16, pp. 31–44.

Gorton G. and Huang L. (2006). Bank panics and the endogeneity of central banking. *Journal of Monetary Economics*, vol. 53, no. 7, pp. 1613–1629.

Grossman R. (2001). Double liability and bank risk taking. *Journal of Money, Credit and Banking*, vol. 33, no. 2, pp. 143–159.

Grote G. (2015). Promoting safety by increasing uncertainty – implications for risk management. *Safety Science*, vol. 71, pp. 71–79.

Hall M., Mikes A. and Millo Y. (2015). How do risk managers become influential? A field study of toolmaking in two financial institutions. *Management Accounting Research*, vol. 26, pp. 3–22.

Hellwig M. (2000). Financial intermediation with risk aversion. *The Review of Economic Studies*, vol. 67, no. 4, pp. 719–742.

Hellwig M. (2009). Systemic risk in the financial sector: an analysis of the subprime-mortgage financial crisis. *De Economia*, vol. 157, pp. 129–207.

Huber C. and Scheytt T. (2013). The dispositif of risk management: reconstructing risk management after the financial crisis. *Management Accounting Review*, vol. 2, pp. 88–99.

Instefford N. (2005). Risk and hedging: do credit derivatives increase bank risk? *Journal of Banking and Finance*, vol. 29, pp. 333–345.

International Organization for Standardization (ISO 3100) (2009). Risk management – principles and guidelines. Geneva: ISO.

Jordan S., Jergensen L. and Mitterhofer H. (2013). Performing risk and the project: risk maps as mediating instruments. *Management Accounting Research*, vol. 24, pp. 156–174.

Kappler E., Scheytt T. and Huber C. (2010). Risiko management trotz nicht abwendbarer risiken. *Jahrbuch fuer Rechnungs wesen und Controlling*, vol. 26, ss. 529–547.

Klein A. (2002). Audit committee board of director characteristics, and earnings management. *Journal of Accounting and Economics*, vol. 33, no. 3, pp. 375–400.

Kohler M. (2015). Which banks are more risky? The impact of business models on bank stability. *Journal of Financial Stability*, vol. 16, pp. 195–212.

KPMG (2011). Risk Management: A Driver of Enterprise Value in the Emerging Environment. Switzerland: KPMG International Cooperative.

Krasa S., Villamil A.P. (1992). Monitoring the monitor: an incentive structure for a financial intermediary. *Journal of Economic Theory*, vol. 57, pp. 197–221.

Laeven L. (2013). Corporate governance: what's special about banks? *Annual Review of Financial Economics*, vol. 5, pp. 63–92.

Laux C. and Laux V. (2009). Board committees, CEO compensation, and earnings management. *The Accounting Review*, vol. 84, no. 3, pp. 869–891.

Lewis M. (2008). Introduction. In: Lewis M. (Ed.). *Panic! The Story of Modern Financial Insanity*. L.: Penguin, pp. 3–13.

Matthews K. (2013). Risk management and managerial efficiency in Chinese banks: a network DEA framework. *Omega*, vol. 41, pp. 207–215.

Mikes A. (2009). Risk management and calculative cultures. *Management Accounting Research*, vol. 20, no. 1, pp. 18–40.

Mikes A. (2011). From counting risk to making risk count: boundary-work in risk management. *Accounting, Organizations and Society*, vol. 36, pp. 226–245.

Millo Y. and MacKenzie D. (2009). The usefulness of inaccurate models: towards an understanding of the emergence of financial risk management. *Accounting, Organizations and Society*, vol. 34, no. 5, pp. 638–653.

Morgan D. (2002). Rating banks: risk and uncertainty in an opaque industry. *American Economic Review*, vol. 92, pp. 874–888.

Morrison A. and White L. (2013). Reputational contagion and optimal regulatory forbearance. *Journal of Financial Economics*, vol. 110, no. 3, pp. 642–658.

Ngoc Bich Tao and Hutchinson M. (2013). Corporate governance and risk management: the role of risk management and compensation committees. *Journal of Contemporary Accounting and Economics*, vol. 9, pp. 83–99.

Nier E., Yang J., Yorulmazer T. and Alentorn A. (2007). Network models and financial stability. *Journal of Economic Dynamics and Control*, vol. 31, no. 6, pp. 2033–2060.

Perrow C. (2010). The meltdown was not an accident / In: Lounsbury M. and Hirsch P. (eds.) *Markets on Trial: the Economic Sociology of the US Financial Crisis*. Bingley: Emerald Publishing, pp. 307–328.

Power M. (2009). The risk management of nothing. *Accounting, Organizations and Society*, vol. 34, no. 6–7, pp. 849–855.

Prabha A. and Wihlborg C. (2014). Implicit guarantees, business models and banks' risk-taking through the crisis: global and European perspectives. *Journal of Economics and Business*, vol. 76, pp. 10–38.

PricewaterhouseCoopers. (2012). *Risk in Review: Coping with the Unknown: Risk Management Strategies for an Uncertain World*. N.Y.: PricewaterhouseCoopers.

Ratnovski L. (2013). Liquidity and transparency in bank risk management. *Journal of Financial Intermediation*, vol. 22, pp. 422–439.

Reeb R.W. (2003). The role of good corporate governance in overseeing risk. *Corporate Governance Advisor*, vol. 11, no. 2, pp. 469–486.

Rochet J. (2005). Prudential policy. *Monetary and Economic Studies*. October, Special Edition, pp. 93–119.

Rossignolo A.F., Duygun F. and Shaban M. (2014). Market crises and Basel capital requirements: could Basel III have been different? Evidence from Portugal, Ireland, Greece and Spain. *Journal of Banking and Finance*, vol. 37, pp. 1323–1339.

Sorkin A.R. (2010). *Too Big to Fail: the inside story of how Wall Street and Washington fought to save the financial system- and themselves*. NY: Penguin.

Tekathen M. and Dechow N. (2013). Enterprise risk management and continuous re-alignment in the pursuit of accountability: a German case. *Management Accounting Research*, vol. 24, pp. 100–121.

Teteryatnikova M. (2014). Systemic risk in banking networks: advantages of «tiered» banking systems. *Journal of Economic Dynamics and Control*, vol. 47, pp. 186–210.

Tirole J. (2006). *The theory of corporate finance*. Princeton: Princeton University Press.

Tonzer L. (2015). Cross-border interbank networks, banking risk and contagion. *Journal of Financial Stability*, vol. 18, pp. 19–32.

Tsionas E., Assaf A.G. and Matousek R. (2015). Dynamic technical and allocative efficiencies in European banking. *Journal of Banking and Finance*, vol. 52, pp. 130–139.

Wagner W. (2007). The liquidity of bank assets and banking stability. *Journal of Banking and Finance*, vol. 31, pp. 121–139.

Wagner W. and Marsh I. (2006). Credit risk transfer and financial sector stability. *Journal of Financial Stability*, vol. 2, pp. 173–193.

Wu J. and Wu Z. (2014). Integrated risk management and product innovation in China: the moderating role of board of directors. *Technovation*, vol. 34, pp. 466–476

Yuan K. (2005). Asymmetric price movements and borrowing constraints: a rational expectations equilibrium model of crisis, contagion, and confusion. *Journal of Finance*, vol. 60, pp. 379–411.

Zagorchev A. and Gao L. (2015). Corporate governance and performance of financial institutions. *Journal of Economics and Business*. Article in Press (<http://dx.doi.org/10.106/j.jeconbus.2015.04.0004/>).

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДУСТРИИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Н.В. СИРОТКИНА,

доктор экономических наук,
профессор кафедры экономики и управления организациями
Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия,
e-mail: docsnat@yandex.ru;

О.Г. СТУКАЛО,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления, организации производства и отраслевой экономики
Воронежского государственного университета инженерных технологий,
г. Воронеж, Россия,
e-mail: stukalo_oksana@mail.ru

Словосочетание «индустрия продовольствия», как правило, встречается в названиях выставок, ярмарок, заголовках печатных или электронных изданий рекламного характера, освещающих функционирование предприятий и организаций, относящихся к аграрной сфере, а также к продовольственному сектору региональной экономики. При этом проблема формирования и развития индустрии продовольствия в научно-исследовательских работах поднимается крайне редко и односторонне. Дефицит публикаций, посвященных разработке теоретико-методологических положений формирования и развития индустрии продовольствия, вызвал необходимость проведения исследования, промежуточные результаты которого представлены в данной статье. Авторы аргументируют необходимость отнесения к индустрии продовольствия не только организаций аграрного сектора и пищевой промышленности, но и организаций сферы медицины, образования, здравоохранения, физической культуры и спорта, которые своими совместными консолидированными усилиями способны оказать позитивное влияние на повышение уровня и качества жизни населения нашей страны посредством формирования культуры производства и потребления продуктов питания. По оценкам Организации Объединенных Наций, уровень смертности в России в 13 раз выше, чем в Объединенных Арабских Эмиратах и почти в два раза выше, чем во Франции, Канаде, США. Причинами смертности являются заболевания системы кровообращения (55%), онкологические заболевания (15%), заболевания органов пищеварения (4,5%), внешние факторы (8,7%), в том числе отравление алкоголем (0,6%). Таким образом, население России «убивают» нарушения в работе сердца и сосудов, которые связаны не только и не столько с возрастными изменениями и наследственными факторами. В группу риска входят люди, страдающие ожирением, имеющие губительные привычки (курение, чрезмерное употребление алкоголя), не испытывающие физической нагрузки, ведущие пассивный образ жизни. Индустрия продовольствия, по нашему мнению, должна объединять в себе все сопутствующие производства пищевых продуктов

сферы и выполнять следующие функции: информативную, производственную, распределительную, пропагандистскую. Вовлекая в свой состав региональных участников продовольственного сектора экономики и смежных с ним секторов, индустрия продовольствия должна способствовать достижению основной задачи регионального развития – повышению уровня и качества жизни населения. Представленные в статье аналитические данные, рассуждения, выводы и рекомендации раскрывают перспективы формирования в регионе индустрии продовольствия как сосредоточения в регионе наиболее конкурентоспособных организаций, осуществляющих свою деятельность в целях обеспечения населения продовольствием, формирования культуры потребления пищевых продуктов и повышения качества жизни населения.

Ключевые слова: регион; региональная экономика; экономическое пространство региона; кластер; кластеризация; индустрия продовольствия; продовольственный сектор региональной экономики; размещение объектов продовольственной сферы региона

CLUSTERING OF ECONOMIC SPACE IN THE REGION IN THE CONTEXT OF FORMING FOOD INDUSTRY

NATALIYA SIROTKINA,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Voronezh State University, Voronezh, Russia,
e-mail: docsnat@yandex.ru;

OKSANA STUKALO,

Candidate of Economics (PhD), Associate Professor,
Voronezh State University of Engineering Technologies,
Voronezh, Russia,
e-mail: stukalo_oksana@mail.ru

The term «food industry», usually found in the names of exhibitions, fairs, headers printed or electronic media advertising, covering the operation of enterprises and organizations related to the agricultural sector, as well as to the food sector of the regional economy. The problem of formation and development of food industry in research projects rises extremely rare and one-sided. Deficiency of publications devoted to the development of theoretical and methodological principles of formation and development of the food industry, has caused the need for the research, intermediate results are presented in this article. The authors argue the need for inclusion in food industry not only-governmental organizations of the agricultural sector and the food industry, but also organizations in the sphere of medicine, education, health care, physical culture and sports that their joint consolidated efforts can have a positive impact on increasing the level and quality of life of our the country through creating a culture of production and consumption of food. According to United Nations estimates, the mortality rate in Russia is 13 times higher than in the United Arab Emirates and is almost two times higher than in France, Canada, the United States. The causes of death are diseases of the circulatory system (55%), cancer (15%), diseases of the digestive system (4.5%), the environment (8.7%), including alcohol poisoning (0.6%). Thus, the population of Russia is being «killed» by disorders of the heart and blood vessels, which are

not only and not so much with age-related changes and hereditary factors. The risk group includes people suffering from obesity, have harmful habits (smoking, excessive alcohol consumption) who have no physical activity, leading a passive life. Industry Sale-discontent, in our opinion, should encompass all the related food production sector and perform the following functions: informative, production, distribution, publicity. By engaging in the structure of the regional members of the food sector and related sectors, the food industry should contribute to the achievement of the main objectives of regional development – improving the level and quality of life. Presented in the paper analytical data, arguments, conclusions and recommendations reveal the prospects for the formation of food industry in the region as the concentration of the region's most competitive institutions carrying out their activities in order to provide the population with food, building a culture of food consumption and improve the quality of life of the population.

Keywords: *region; regional economy; the region's economic space; cluster; clustering; food industry; the food sector of the regional economy; placing objects food sphere of the region*

JEL classifications: *L66, R10*

Введение

Выражение «индустрия продовольствия» совсем недавно возникло в экономическом лексиконе, и у исследователей продовольственного сектора экономики пока не сложилось единого подхода к определению его содержания. Появляющиеся публикации, посвященные формированию индустрии продовольствия, носят единичный характер, являются дискуссионными, а сама проблема – рецессивной. Очевидно одно, индустрия продовольствия – это не просто новое понятие, это новое явление в экономической жизни. Однако, не сформировав своего отношения к тому, что понимать под индустрией продовольствия, современные авторы отдают предпочтение оценке и прогнозированию результатов функционирования этой сферы, имеющей огромное (неоспоримое) значение для социально-экономической и общественной жизни страны. Так, экономическая рефлексия преимущественно разворачивается вокруг обсуждения проблемы потери нашей страной продовольственной и экономической безопасности как следствия проведения несовершенной политики в пищевой промышленности и, в целом, в агропромышленном комплексе. На этом фоне крайне востребованными являются публикации, поднимающие проблему замещения импортных продовольственных товаров и формирования национальной индустрии продовольствия, выпускающей конкурентоспособную продукцию из отечественного сырья, применяя собственные технико-технологические новшества. Кроме того, индустрия продовольствия сегодня представляется значительно шире, чем агробизнес или производство пищевых продуктов из сельскохозяйственного сырья. В этой связи особая актуальность проблемы обуславливается низкой потребительской культурой населения нашей страны, отсутствием привычек и традиций грамотного рационального сбалансированного питания, преобладанием низкокачественных и высококалорийных продуктов в рационе питания большинства россиян. По нашему мнению, индустрия продовольствия включает в себя не только производство продовольственных товаров, но и институты обеспечения здорового питания, способствующие здоровому образу жизни, приводящие к достижению высокого уровня и качества жизни населения страны. Наряду с производителями сельскохозяйственного сырья и организациями, осуществляющими его промышленную переработку, к индустрии продовольствия следует относить медицинские

учреждение, спортивные и оздоровительные организации. Рассматривая индустрию продовольствия с указанных позиций, данной публикацией авторы преследуют цель сформулировать теоретические положения, раскрывающие содержание и особенности индустрии продовольствия, провести анализ состояния индустрии продовольствия и создать предпосылки для разработки концепции формирования индустрии продовольствия в регионе.

Проблема региональной специализации.

Условия и предпосылки формирования в регионе индустрии продовольствия

Индустрия продовольствия представляет собой комплекс видов деятельности (отраслей) и производств, специализирующихся на обеспечении производства и непосредственном производстве продовольственных товаров из сельскохозяйственного сырья. В региональном разрезе индустрия продовольствия определяется как совокупность видов деятельности и производств, размещенных на территории региона в соответствии с технологической целесообразностью и экономической необходимостью обеспечить производство продовольственных товаров на уровне, необходимом для удовлетворения внутренних потребностей региональной и национальной экономик.

Формирование индустрии продовольствия региона происходит в соответствии с его производственными традициями, укладом и потенциалом выпускать продовольственные товары из местного сырья с более высокой по сравнению с другими регионами результативностью. В целом, предпосылки формирования индустрии продовольствия на конкретной территории определяются региональной идентичностью, которая, по определению А.Ю. Гончарова, складывается в соответствии с «генетической» предрасположенностью региона (Гончаров, 2014).

Рассматривая региональную экономику с позиции социодарвинизма, А.Ю. Гончаров выделяет группы провайдеров регионального развития, участвующие в формировании региональной идентичности, подобной ДНК (Гончаров, Сироткина, 2015). Применяя данный подход к исследованию проблемной области, можно сказать, что развитию индустрии продовольствия может способствовать наличие в регионе субъектов, специализирующихся на производстве и промышленной переработке сельскохозяйственного сырья и активно взаимодействующих друг с другом.

Рассмотрим процесс формирования и развития индустрии продовольствия на примере Воронежской области. До 90-х годов прошлого века в Воронежской области развивалось зерново-свекловично-молочное направление аграрного производства, в регионе был создан единственный в России научно-исследовательский институт сахарной свеклы, промышленная переработка сельскохозяйственного сырья осуществлялась на десятках специализированных предприятий. В течение кризисного трансформационного периода положение агропромышленного комплекса существенно ухудшилось, входящие в его состав организации в большинстве своем оказались низкоэффективными и просто убыточными. Однако уже в начале 2000-х годов ситуация начала улучшаться. Молочная промышленность, являющаяся дотационной во всех странах, занимающихся молочным скотоводством, в Воронежской области сохранила свои позиции и продолжала демонстрировать устойчивое развитие (Полозова, Черникова, 2003). С 2012 года Воронежская область стала входить в пятерку крупнейших аграрных регионов Российской Федерации по объему производимой продукции сельского хозяйства. В 2013 году объем сельскохозяйственного производства в регионе вырос на 9,1% к уровню 2012 года (в России – 106,2%), в том числе основных видов продукции животноводства: мяса – на 12,8%, молока – на 1,8%, яиц – на 9,1% (в среднем по России значения показателей ниже – 105%, 96,3%, 98,2%, соответственно). Рост производства в сельском

хозяйстве Воронежской области в настоящее время обеспечивается за счет развития растениеводства и животноводства. Объем производства продукции растениеводства превышает итоги 2008 года на 24,1% (в среднем по России на 6,8%), животноводства – в 1,5 раза (по России на 14%) (*Отчет о научно-исследовательской работе...*, 2014). Рост объемов производства в животноводстве и растениеводстве, повышение удельного веса площади пашни в структуре сельскохозяйственных угодий, рост поголовья сельскохозяйственных животных и прочее являются индикаторами, сигнализирующими о высоком потенциале аграрного производства региона. Отступая от основной линии рассуждений, заметим, что под индикатором мы понимаем качественно-количественную характеристику исследуемого процесса или явления, отражающую его изменение в динамике или отклонение от нормативного значения. Подобная трактовка, сопровождаемая рекомендациями вычислять индикаторы индексным способом, впервые была предложена около десяти лет назад (*Сироткина, Черникова, 2006, 2008*). Сегодня индикаторы, отличающиеся такими преимуществами, как наглядность, объективность, информативность, по праву можно считать одним из лучших исследовательских приемов. Применительно к формированию индустрии продовольствия, в качестве индикаторов следует рассматривать рост объемов сельскохозяйственного производства, рост производства продовольственных товаров, сокращение смертности населения, повышение продолжительности жизни населения и другие характеристики.

Наличие эффективного опыта, базы и сформировавшегося производственного профиля способствуют формированию и дальнейшему развитию индустрии продовольствия в регионе, но при условии выявления слабых мест в этом процессе и их устранения. Проблема выявления лимитирующего фактора, препятствующего развитию исследуемого процесса или явления, прекрасно решается с помощью корреляционно-регрессионного анализа. Так, А.А. Рублевской было представлено уравнение регрессии, описывающее зависимость результатов функционирования организаций пищевой промышленности от их ресурсного обеспечения, и выявлено, что в современных условиях в продовольственном секторе наиболее дефицитными являются не сырье (даже в организациях, специализирующихся на производстве продукции из сельскохозяйственного сырья животного происхождения) и финансовые ресурсы, а специалисты, то есть работники необходимой квалификации (*Рублевская, 2012*). Ученые, использующие иной исследовательский инструментарий, приходят к другим выводам, которые, однако, не девальвируют ценность человеческих ресурсов. Так, С.С. Галазова заявляет о необходимости структурной трансформации производственного сектора экономики и разработки соответствующей промышленной политики (*Галазова, 2008*); А.А. Черникова поднимает проблему инвестиционного обеспечения реализуемых на региональном уровне программ (*Черникова, 2007, 2009*) и даже предлагает (совместно с Т.С. Колмыковой) механизмы активизации инвестиционного обеспечения, в том числе путем привлечения иностранных инвестиций (*Колмыкова, Черникова, 2013*). Список факторов, лимитирующих формирование индустрии продовольствия, может быть продолжен и вряд ли случится его исчерпать. Наша задача заключается не в выявлении всего многообразия имеющихся проблем, а в поиске путей решения. Перспективам формирования индустрии продовольствия в условиях острой ресурсной недостаточности, с учетом новых экономических вызовов, посвящена логика дальнейших рассуждений.

Сначала было... интеграционное взаимодействие

Зависимость от поставщиков ресурсов уже давно стала основанием для вступления организаций пищевой промышленности, олицетворяющих собой индустрию продовольствия, в интеграционные связи. Начиная с 90-х годов прошлого

века предприятия пищевой промышленности, испытывающие ресурсный дефицит, неоднократно инициировали формирование интеграционных объединений, участниками которых оказывались партнеры из сопряженных отраслей, располагающие необходимыми для производства пищевых продуктов ресурсами. Так, во времена финансового дефицита происходило массовое создание ФПГ, в периоды острой нехватки сельскохозяйственного сырья отмечалось формирование хозяйственных образований холдингового типа, что позволяло в рамках единой дивизиональной структуры сочетать производство и переработку сельскохозяйственного сырья. Сегодня, в условиях нехватки квалифицированных кадров, интеграционные связи распространяются на организации сферы образования, что расширяет границы индустрии продовольствия и позволяет считать субъектами этой сферы не только организации пищевой промышленности, сельскохозяйственные предприятия, но и образовательные учреждения, осуществляющие подготовку специалистов необходимой квалификации. Более того, с переходом к когнитивной экономике возрастет потребность в новых технологиях и инновационных разработках. Это также является основанием для изменения масштаба и формальных рамок индустрии продовольствия, в качестве субъектов которой, вовлеченных в интеграционное взаимодействие, следует рассматривать и организации, выполняющие исследования и разработки.

Описанные выше интеграционные процессы, сопровождающие формирование индустрии продовольствия региона, соответствуют современным представлениям о кластеризации экономического пространства территории. По мнению Ю.А. Ахенбах (опирающейся на идею М. Портера), кластеры представляют собой пространственно локализованную экономическую систему, основывающуюся на неформальном взаимодействии наиболее конкурентоспособных субъектов региональной экономики из числа крупных промышленных предприятий, предприятий малого бизнеса, коммерциализирующих инновации, научно-исследовательских и образовательных учреждений, инфраструктурных объектов, а также органов государственной исполнительной власти (Ахенбах, 2012; 2013).

Наиболее существенной детерминантой кластеров являются добровольность вхождения в их состав участников региональной экономики и неформальный характер взаимодействия между ними, позволяющие реализовать принцип индикативности в управлении экономикой региона и обеспечивать со-созидательность в достижении целей регионального развития посредством континуальной и одновременной кооперации, интеграции и конкуренции между участниками кластера (Там же).

По мнению Ю.А. Ахенбах, кластеры представляют собой наиболее совершенную форму взаимодействия субъектов региональной экономики, имеющую преимущественные отличия от других, более ранних форм:

- организационно-правовые – кластеры представляют собой аддитивную форму стратегического партнерства и занимают промежуточное место между интеграционными объединениями и территориально-промышленными комплексами;
- структурные – системность кластерного формирования, приводящая к достижению участниками кластера синергетического эффекта, обеспечивается за счет соподчинения связей между входящими в его состав предприятиями и организациями;
- диверсификационные – состав кластера не является постоянным и может измениться в любой момент производственной деятельности, что создает условия для минимизации предпринимательских рисков за счет применения многообразных технологий;

- содержательные – по своему содержанию кластер представляет собой пространственно локализованную концентрацию нескольких (множества) организаций, возникающую в ответ на потребность каждой из них укрепить свои конкурентные преимущества и способствовать тем самым повышению конкурентоспособности отрасли и региона;
- институциональные – кластеры можно рассматривать как вершину эволюционного развития партнерских отношений. Не являясь формальными интеграционными объединениями (например, холдингового типа), кластеры создают наиболее благоприятные условия для координации производственно-хозяйственной деятельности, моделируя организационное взаимодействие, характерное для совершенной рыночной экономики;
- конкурентные – в соответствии с идеями М. Портера, процессы кластеризации обеспечивают повышение конкурентоспособности национальной экономики за счет усиления конкуренции между субъектами региональной экономики и их объединениями;
- ресурсные – с помощью механизма кластеризации обеспечивается ресурсная консолидация, способствующая активизации интеграционных процессов (Ахенбах, 2013).

Основной целью создания кластеров является концентрация научного потенциала, финансовых и материальных ресурсов на приоритетных направлениях развития региональной экономики, реализация которых должна обеспечить решающий вклад в социальное, научно-техническое и промышленное развитие региона.

Призванные сформировать в регионе точки экономического роста, кластеры способны выполнять следующие функции:

- разработка и реализация концепций и программ социально-экономического развития участников региональной экономики;
- разработка социально-экономического и организационного механизмов технологического развития региональной экономики;
- разработка механизмов содействия внедрению и освоению инновационных проектов;
- участие в международном сотрудничестве.

Формирование и развитие кластеров, обусловленное их отличительными и преимущественными по сравнению с другими формами экономического взаимодействия особенностями, отвечает эволюционному характеру развития региональной экономики и детерминировано следующими положениями, сформулированными Ю.А. Ахенбахом (2013) и уточненными другими авторами:

1. Формирование кластеров является в современных условиях формой развития экономического взаимодействия субъектов региональной экономики, приводящей к образованию территориально-производственного комплекса, причем основным критерием целесообразности взаимодействия является конкурентоспособность отдельных субъектов региональной экономики.

2. Формирование научно-производственных кластеров следует рассматривать как инструмент активной промышленной политики, обеспечивающий конкурентоспособность региональной и национальной экономики.

3. В настоящее время кластеризация как экономическое явление представляет собой идеологию и методологию современного бизнеса, так как в наибольшей степени соответствует концептуальному содержанию экономики знаний.

4. Формирование научно-производственных кластеров приводит к созданию инновационной платформы, представляющей собой полюс экономического роста и повышения конкурентоспособности региональной экономики. При этом флагма-

нами процессов кластеризации, по мнению А.А. Черниковой, Н.С. Далинчук, являются образовательные учреждения, создающие площадку для не формального, но конструктивного диалога субъектов региональной экономики (*Далинчук, Черникова, 2009; Черникова, 2009а; 2009б*). Заметим, что отсутствие насильственности, характерной для административной модели формирования кластеров, является наилучшим фоном для инициирования интеграционного взаимодействия. Роль организаций сферы образования в формировании кластеров С.С. Галазова видит в активизации процессов кластеризации и одновременно в самоорганизации и самосовершенствовании (*Галазова, 2010*). В эпоху системных инноваций модернизация университетов в полной мере соответствует эволюционному процессу, способствующему переходу к новому экономическому укладу. Преследуя цель расширить рамки представлений о проблемной области, мы считаем необходимым акцентировать внимание на роли организаций сферы образования как провайдеров знаний, необходимых для формирования индустрии продовольствия, и наиболее конкурентоспособных субъектах региональной экономики, способных вступать в интеграционное взаимодействие кластерного типа.

5. Эффективное функционирование региональной экономики на основе развития кластерных инициатив и формирования кластеров оказывается возможным лишь при индикативном участии государства, роль которого должна заключаться в том, чтобы обеспечить эффективное взаимодействие доминирующих участников региональной экономики, таких как организации сферы образования, исследований и разработок, предпринимательские структуры, и сконцентрировать средства на проектах, повышающих инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность региональной и национальной экономики.

Образование кластеров, отвечающее приведенным выше направлениям, представляет собой проекцию формирования и развития индустрии продовольствия в регионе. Начнем с того, что предприятия, осуществляющие промышленную переработку сельскохозяйственного сырья, относятся к двум типам:

- 1) предприятия, тяготеющие к источникам сырья;
- 2) предприятия, располагающиеся в непосредственной близости от рынков сбыта готовой продукции.

Размещение перерабатывающих предприятий является исходным условием формирования индустрии продовольствия региона и ее пространственного закрепления. Впоследствии процессы территориальной концентрации субъектов продовольственного сектора экономики региона наблюдаются в местах размещения именно перерабатывающих предприятий, причем наиболее конкурентоспособных из них. Данное обстоятельство позволяет нам считать, что формирование индустрии продовольствия региона по своему содержанию соответствует представлениям о формировании кластеров и может рассматриваться как своеобразный результат кластеризации.

Учитывая лимитирующий характер для рассматриваемого сектора экономики человеческих ресурсов, дальнейшее его развитие может быть обеспечено за счет подготовки человеческих ресурсов необходимой квалификации в учреждениях высшего образования, расположенных в г. Воронеже, а также в учреждениях среднего профессионального образования, размещенных в семи других муниципальных районах. Кроме этого, прогнозируется оказание дополнительных образовательных услуг агропромышленными организациями своим работникам, что приведет к формированию Воронежской агломерации как центра сосредоточения провайдеров образовательных услуг для аграрного производства, так как крупные агропромышленные предприятия, так же как и ведущие образовательные учреждения, сосредоточены в непосредственной близости от г. Воронежа (рис. 1).

Рис. 1. Размещение субъектов индустрии продовольствия в Воронежской области

Заключение

Под кластерами мы склонны понимать мотивированное добровольное взаимодействие пространственно локализованных, не зависящих друг от друга промышленных организаций, образовательных, научно-исследовательских учреждений и прочих субъектов региональной экономики в процессе совместного создания ценности с целью более эффективного использования ресурсов, повышения собственной конкурентоспособности и обеспечения устойчивого сбалансированного роста экономики региона. По своему предназначению кластеры представляют собой инициативное объединение наиболее конкурентоспособных субъектов региональной экономики, функционирующее в соответствии с принципом конкурирующих компетенций с целью закрепления за кластером и регионом положительной репутации на внутреннем и внешнем рынках. Как формат экономического взаимодействия кластеры создают условия для паритетного сотрудничества субъектов региональной экономики и решения ими своих ресурсных проблем. Именно ресурсные проблемы являются основа-

нием для установления интеграционных связей между участниками продовольственного сектора региональной экономики, эволюция которых находит свое проявление в формировании кластеров, лежащих в основе развития индустрии продовольствия региона.

ЛИТЕРАТУРА

Ахенбах Ю.А. (2012). Стратегические аспекты проблемы формирования экономических кластеров // *Регион: системы, экономика, управление*, № 1 (16), с. 8–13.

Ахенбах Ю.А. (2013). Методический подход к оценке эффективности функционирования научно-производственного кластера // *Экономика и предпринимательство*, № 1, с. 383–387.

Галазова С.С. (2008). Структурная трансформация первичного звена рыночного производства – приоритетная цель современной макроэкономической политики // *Terra Economicus*, т. 6, № 3–3, с. 9–12.

Галазова С.С. (2010). Экономика знания: партнерство между вузами и бизнесом как условие модернизации университетов // *Terra Economicus*, т. 8, № 3, ч. 2, с. 240–244.

Гончаров А.Ю. (2014). Индикаторы сбалансированного развития региона // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова*, № 4, с. 577–583.

Гончаров А.Ю., Сироткина Н.В. (2015). Сбалансированное региональное развитие. Стейкхолдерский и социодарвинистский подходы // *Регион: системы, экономика, управление*, № 3 (30), с. 10–17.

Далинчук Н.С., Черникова А.А. (2009). Кластер: гармонизация экономических и управленческих аспектов. Механизм согласования деятельности ключевых подсистем кластера // *Российское предпринимательство*, № 8, с. 81–85.

Колмыкова Т.С., Черникова А.А. (2013). Современные формы мобилизации иностранных инвестиций в экономику России // *Регион: системы, экономика, управление*, № 4, с. 25–30.

Отчет о научно-исследовательской работе «Разработка генеральной схемы (плана) размещения производительных сил Воронежской области» (заключительный) (2014). В 3-х ч. Часть 3. Воронеж, 310 с.

Полозова А.Н., Черникова А.А. (2003). Резервы увеличения доходов молочных заводов // *Молочная промышленность*, № 5, с. 7–10.

Рублёвская А.А. (2012). Формирование и развитие интегрированных структур в АПК: проблемы и перспективы // *Вестник Тихоокеанского государственного университета*, № 1 (24), с. 213–220.

Сироткина Н.В. (2006). Индикаторы управления: новый взгляд на старый исследовательский прием // *Проблемы социально-экономического развития предприятий, отраслей, регионов: сборник научных трудов*, Воронеж: ГОУ ВПО ВИИС, вып. 1, с. 181–184.

Сироткина Н.В. (2008). Индикативное управление промышленными предприятиями в инновационной среде: теория, методология, практика. Воронеж, 377 с.

Сироткина Н.В. (2008). Концепция индикативного управления предприятиями пищевой промышленности // *Российское предпринимательство*, № 6–1, с. 118–122.

Сироткина Н.В., Черникова А.А. (2008). Методы и приемы эффективного индикативного управления // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*, № 2, с. 69–71.

Черникова А.А. (2007). Формирование инвестиционных пакетов, удовлетворяющих целям регионального развития // *Инновационный Вестник Регион*, № 2, с. 38–41.

Черникова А.А. (2009а). Методология стратегического развития региональных территориально-промышленных комплексов и механизмы активизации инвестиционного обеспечения // *Современные проблемы науки и образования*, № 1, с. 72–75.

Черникова А.А. (2009b). Формирование и развитие инновационного научно-образовательного комплекса на основе реализации механизмов частно-государственного партнерства // *Инновационный Вестник Регион*, № 4, с. 63–65.

REFERENCES

Ahenbah Yu. A. (2012). Strategic aspects of problems of formation of economic clusters. *Region: systems, economics, management*, no. 1 (16), pp. 8–13. (In Russian.)

Ahenbah Yu.A. (2013). Methodological approach to assessment of efficiency of functioning of the cluster. *Economics and pre-enterprise*, no. 1, pp. 383–387. (In Russian.)

Chernikova A.A. (2007). Formation of investment packages that meet the objectives of regional development. *Herald Innovation Area*, no. 2, pp. 38–41. (In Russian.)

Chernikova A.A. (2009a). Methodology of strategic development of regional territorial-industrial complexes and activation mechanisms of investment maintenance. *Modern problems of science and education*, no. 1, pp. 72–75. (In Russian.)

Chernikova A.A. (2009b). Formation and development of innovative scientific and educational complex on the basis of the implementation mechanisms of public-private partnerships. *Innovation Herald Region*, no. 4, pp. 63–65. (In Russian.)

Dalinchuk N.S. and Chernikova A.A. (2009). Cluster: harmonization of economic and management aspects. The mechanism of harmonization of key subsystems cluster. *Russian Entrepreneurship*, no. 8–1, pp. 81–85. (In Russian.)

Galazova S.S. (2008). The structural transformation of the primary market production – a priority objective of modern macroeconomic policy. *Terra Economicus*, vol. 6, no. 3, part 3, pp. 9–12. (In Russian.)

Galazova S.S. (2010). The Knowledge Economy: the partnership between universities and the business as a condition for the modernization of universities. *Terra Economicus*, vol. 8, no. 3, part 2, pp. 240–244. (In Russian.)

Goncharov A.Y. (2014). Indicators for the balanced development of the region. *Vestnik of North Ossetian state University named after Costa Levonovich Khetagurov*, no. 4, pp. 577–583. (In Russian.)

Goncharov A.Yu. and Sirotkina N.V. (2015). The Balanced regional development. Stakeholder's and sociodarvinithm approaches. *Region: systems, economics, management*, no. 3 (30), pp. 10–17. (In Russian.)

Kolmykova T.S. and Chernikova A.A. (2013). Contemporary forms of mobilization of foreign investments in the Russian economy. *Region: systems, economics, management*, no. 4, pp. 25–30. (In Russian.)

Polozova A.N. and Chernikova A.A. (2003). Reserves increase revenue dairies. *Dairy*, no. 5, pp. 7–10. (In Russian.)

Report on the research «Development of the general scheme (plan) of productive forces of the Voronezh region» (final) (2014). In 3 parts. Part 3. Voronezh, 310 p. (In Russian.)

Rublurvskaya A.A. (2012). The Formation and development of integrated structures in agriculture: problems and prospects. *Herald of Pacific state University*, no. 1 (24). (In Russian.)

Sirotkina N.V. (2006). Indicators of management: a new look at the old research methods. *Problems of social and economic development of enterprises, industries, regions*. Voronezh, vol. 1, pp. 181–184. (In Russian.)

Sirotkina N.V. (2008). Indicative management of industrial enterprises in the innovation environment: theory, methodology, practice. Voronezh, 377 p. (In Russian.)

Sirotkina N.V. (2008). The concept of indicative management food industry. *Russian Entrepreneurship*, no. 6–1, pp. 118–122. (In Russian.)

Sirotkina N.V. and Chernikova A.A. (2008). Methods and techniques for effective management. *Herald indicative Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, no. 2, pp. 69–71. (In Russian.)

О РЕВЕРСИВНЫХ ПРОЦЕССАХ В РАЗВИТИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ¹

Э.А. ПАИН,

доктор политических наук, профессор
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
главный научный сотрудник РАНХиГС, г. Москва, Россия,
e-mail: painea@mail.ru

TERRA ECONOMICUS ✧ 2015 Том 13 № 3

В статье автор делает попытку обоснования своей гипотезы о том, что Россия с начала 2000-х годов демонстрирует вполне типичный для многих стран мира волнообразный процесс подъема и спада общественного интереса к тем или иным политическим моделям. В частности, наблюдаются признаки то угасания интереса к социализму, то всплески его временной реабилитации, подъема интереса к демократии, а затем временного отката от нее и такого же недолговечного усиления интереса к авторитарным формам управления. Центральное место в статье отводится исследованиям реверсивных колебаний российского общественного мнения в 1990–2000-х годах по вопросам ценностей традиционализма и модернизации, отношения к Западу и, особенно, этнической идентификации, этнического самосознания, являющихся одной из основных предметных зон в научном творчестве автора статьи. В данной статье демонстрируются некоторые особенности этно-национального самосознания жителей Российской Федерации (прежде всего, ее этнического большинства) применительно к оценке политических стратегий и одновременно подчеркивается типологическое сходство тенденций изменений, колебаний общественных настроений в России и во многих других странах. Волны колебаний в этносоциологической сфере сопоставляются с изменениями отношения российского общественного мнения как к идеям социализма, так и к неолиберальным политическим стереотипам в их российской версии. Автор подчеркивает, что это универсальный волнообразный процесс, который имеет свою специфику в России, как и в любой стране, но это вовсе не «особый путь», трактуемый его идеологами как мистическая предопределенность российского авторитаризма.

Ключевые слова: демократия; «обратная волна»; аскриптивная идентичность; традиционализм; неопатримониализм

ON REVERSE PROCESSES RELATED TO POST-SOVIET RUSSIA DEVELOPMENT

EMIL PAIN,

Doctor of Politics (DSc), Professor of the National Research University Higher School of Economics,
Leading Staff Scientist of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: painea@mail.ru

¹ Статья подготовлена в рамках научной работы по гранту Российского научного фонда (РНФ) № 15-18-00064

The author makes an attempt to justify his hypothesis that Russia since the early 2000s demonstrates a quite typical for many countries undulating process of rise and fall of public interest to the different political models. In particular, there are periods of waning of interest in socialism, followed by a period of its temporary rehabilitation, restoring of interest in democracy, then a temporary retreat from it, and again short-lived interest to authoritarian forms of government. The paper focuses on the reversible fluctuations of Russian public opinion in 1990–2000s on values related to traditionalism and modernization, attitude toward the West and, particularly, ethnic identity, as the major interest of the author. This article demonstrates some features of ethno-national identity of residents of the Russian Federation (especially – of its ethnic majority) in relation to the evaluation of policies, emphasizing at the same time the typological similarity of trends of change and fluctuations of public opinion in Russia and in many other countries. Waves of ethnosociological vibrations are compared with the change in attitude of the Russians toward the ideas of socialism and to the neo-liberal political stereotypes, in perception of Russians. The author emphasizes that there is a universal wave-like process that has its own specifics in Russia, as in any other country, but there is no any «special way» interpreted by its ideologists as a mystical predetermination of the Russian authoritarianism.

Ключевые слова: *democracy; «reverse wave»; ascriptive identity; traditionalism; neopatrimonialism*

JEL classifications: *N00, Z18*

Введение

Циклические процессы сравнительно недавно стали предметом изучения в мировой науке и, возможно, поэтому всякий откат от демократии в любой стране у одних вызывает почти мистический ужас, а у других – представления о будто бы предопределенной невосприимчивости к демократии тех или иных народов. То, что откат от демократии закономерен, и это не исключает ее последовательное распространение в мире, одним из первых обосновал С. Хантингтон. Его концепция о трех волнах демократизации опровергла господствовавшее еще в 1980-х годах упрощенное представление о демократизации как процессе однонаправленном, прямолинейно поступательном и сразу же побеждающем (Хантингтон, 2003). Хантингтон предложил более сложную, но и более адекватную модель этого процесса, используя образ приливов и отливов демократизации. Именно он ввел понятие «обратной волны» (*reverse wave*) демократизации, обосновав почти неизбежные, но временные отступления ранней демократии под напором более архаичных и, следовательно, более укоренных недемократических режимов².

Итак, согласно С. Хантингтону, существовали три волны (или этапа) глобальной демократизации, которые привели к росту на планете числа стран с демократической формой правления. Первая волна, охватывающая, по Хантингтону, 1828–1926 годы, привела к становлению в мире 29 демократий. Вторая волна прилива демократии (1943–1962) увеличила число демократических стран до 32. Третья волна (1970–1990) обеспечила самый массовый приток стран в зону демократии. По данным

² При всем разнообразии толкований понятия «демократия», его сущность и главные признаки в большинстве случаев трактуются одинаково. Демократия – власть народа. Форма правления, верховной властью в которой реально облечен народ (граждане государства), осуществляющий свои полномочия прямым или непрямым способом (через систему представителей, избираемых в ходе свободных, конкурентных и равноправных выборов).

Development Alternatives Inc., к началу 2000-х годов из 193 независимых и признанных государств мира 70% декларировали себя как демократические (Сигл, 2007). Однако на каждом этапе обратная волна вымывала значительную часть новообращенных стран из зоны демократии и вновь уносила их к традиционному авторитаризму. В каком-то смысле волны демократизации и откаты укладываются в схему «два шага вперед – шаг назад».

Наиболее характерной чертой третьей волны стал принципиально глобальный характер процесса демократизации, охватившего практически все континенты. Само стремление подавляющего большинства государств мира, включая авторитарные, хотя бы называться демократиями, свидетельствует, что демократические режимы стали к концу XX века наиболее влиятельной политической силой в глобальном масштабе. Вместе с тем и на этом этапе сохранилась высокая вероятность попятных движений к авторитаризму.

«Зачем искать врагов»

Распад многонациональных государств, таких как СССР, неизбежно вызывает «кризис идентичности», выходом из которого в посттоталитарных обществах чаще всего является усиление так называемой «аскриптивной идентичности», при которой человек обычно ассоциирует себя с общностями, которые Э. Шилз назвал *primordial* (естественными), – семейными, родовыми, земляческими, этническими, религиозными и другими. Процессы такого рода наблюдались во всех постсоветских государствах, и Россия в этом смысле не исключение.

Естественным следствием усиления роли аскриптивной идентификации стал и рост традиционализма, повышенный интерес к прошлому, обращение к истории, к национальным традициям как канону нравственных оценок. Самооценки жителей России в стиле «я русский, принадлежу к государству с тысячелетней историей» заметно усилились за 20 лет (1989–2009), тогда как значение такой формы самоопределения, как принадлежность к «советским людям», уменьшилось за тот же период с 31 до 12% (Сигл, 2007).

Замечу, что рост традиционализма, особенно таких его разновидностей, как этнический национализм, наблюдался во всех постсоветских государствах, включая страны Балтии. Если что и выделяет Россию, так это запаздывание интереса к этническому традиционализму у большей части ее населения по сравнению с жителями других новых государств. В начале 1990-х, когда национальные фронты пришли к власти во многих постсоветских странах, когда десятки национальных движений, партий и группировок появились в автономиях Российской Федерации, уровень этнического самосознания русских все еще оставался таким же низким, каким он предстает по материалам этносоциологических исследований в СССР в 1980-е годы. Более 90% русских демонстрировали этнический нигилизм, безразличие («Я никогда не задумывался, какой они национальности»), и менее 10% подчеркивали: «Я никогда не забываю, что я русский». За период 1994–1999 годов доля лиц с ярко выраженными признаками этнической озабоченности («Я никогда не забываю, что я...», далее перечислялись национальности) выросла у всех обследованных в России этнических групп, но особенно заметным этот рост стал у русских, только в этой группе он удвоился. При этом быстрее всего выросли наиболее эмоционально выраженные формы этнического самосознания. Если в 1994 году не более 8% русских в республиках РФ отвечали, что «любые средства хороши для отстаивания благополучия моего народа», то в 1999-м не только в республиках, но впервые и в русских областях такую ориентацию проявили в опросах более четверти русских респондентов³. Рост этнического самосознания русских в значительной мере стал ответом на предшествовавшее ему

³ По материалам исследовательских проектов, выполненных под руководством Л.М. Дробижевой: «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов» (1993–1996) и «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (1999–2001).

возбуждение этнических меньшинств. Буквально взрыв этнической озабоченности и откровенной ксенофобии у русского населения фиксировался после «первой чеченской войны» (1994–1996).

Параллельно развивался традиционализм, как противопоставление «плохому» (в социально-экономическом и политическом отношении) настоящему некоего «золотого века» в прошлом. Понятно, что такие настроения явились результатом прежде всего усталости от либеральных реформ 1990-х годов и усиливающегося восприятия их как провалившихся. Такие настроения стали в российском обществе почти тотальными после финансового кризиса 1998 года. В усилении социально-политического традиционализма этот кризис сыграл ту же роль, какую «чеченская война» сыграла во взвинчивании традиционализма этнического.

С середины 1990-х российское общественное мнение демонстрирует инверсивные перемены в отношении к большинству фундаментальных политических явлений. Радикально изменилась оценка советской системы. В 1991 году свыше половины (57%) опрошенных ВЦИОМ соглашались с тем, что в результате коммунистической революции «страна оказалась на обочине истории и принесла людям лишь нищету», а в 1995-м точно такая же доля россиян поддерживала совершенно иное мнение: «Советская система была не так уж плоха, однако негодными были ее правители». Еще через два года в общественном мнении началась и реабилитация советских лидеров. По данным ВЦИОМ, к 1997 году советская власть характеризовалась сравнительно наибольшей частью опрошенных (36%) как «близкая народу, своя», а новая российская («власть Ельцина и демократов») – как «далекая от народа, чужая» (41%) (Гудков, 2002).

В этих оценках проявилась одна из особенностей русского национального сознания, отличающих его от коллективных представлений в большинстве других посткоммунистических стран⁴. Русское население хоть и понесло самые значительные потери (человеческие жертвы и разрушения национальной культуры) в результате небывало длительного, более чем 70-летнего тоталитарного правления, не воспринимало этот режим как внешне навязанный. Для россиян он оставался «своим» и даже «близким народу». При этом если немецкое общество, так же самостоятельно на своей культурной почве породившее германский тоталитаризм, связывало с ним национальную катастрофу, поражение в войне, то русское общество, при некоторых внешних пропагандистских усилиях со стороны истеблишмента, оказалось способным связать с тоталитарным режимом Великую победу над фашизмом.

В период, когда в элитарном и массовом сознании преобладало критическое отношение к советскому прошлому, большинство россиян смотрело на Запад как на эталон движения в будущее. В 1989 году 60% опрошенных оценивали западный образ жизни как образцовый (Дубин, 2003. С. 137). В середине 90-х начался демонтаж этого эталона, а к 2000 году оценки конца 80-х поменялись на противоположные. В это время 67% опрошенных определили западный вариант общественного устройства как «противоречащий укладу жизни русского народа» (Дубин, 2003. С. 150). Отказ от иллюзий перестройки с ее прозападными настроениями сопровождался усилением утешительной веры в то, что «у России свой особый путь». При этом образ «особого пути» в массовом сознании чрезвычайно размыт, лишен какой-либо конкретности и в основном связан с идеализацией традиционно русских норм поведения, которые противопоставляются западным. «Есть опыт наших дедов, и мы должны держаться за него», – с этим суждением в конце 1990-х годов были согласны 65% опрошенных (Гудков, 2002. С. 133).

Прочность и масштабы российских антизападных настроений также демонстрируют особенности российского варианта разложения тоталитаризма. Процесс усталости от политических и экономических реформ наблюдался и в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. В некоторых из них тоже проявились ретроградные политические процессы. Например, в Польше и Румынии в 1990–2000-е годы на какое-

⁴ Этнические русские в этих опросах составляли 85% опрошенных.

то время к власти пришли левые партии и вернулись на политическую сцену персоны, сделавшие политическую карьеру в годы коммунистического правления⁵. Однако движение европейских посткоммунистических обществ на Запад не прервалось, поскольку с ним было связано долгосрочное и фундаментальное стремление «вырваться из империи». В России же такой «автоматики» не было. Советская империя рухнула, но элементы имперского сознания остались. С ними связан и такой феномен общественной жизни России, как «имперский национализм», противоречащий принятым канонам теории национализма, рассматривающей его только как противоположность имперскому сознанию.

В 1991 году большинство опрошенных россиян (49%) полагало: «Зачем искать врагов, если корень наших бед в нас самих?» – и лишь 12% были уверены, что источником проблем русских являются их враги. В 1994 году уже 41% опрошенных видели во врагах главный источник своих бед, но почти столько же придерживались противоположного мнения. Понадобилось еще пять лет, чтобы образ «врага» прочно утвердился в сознании россиян, и в 1999 году уже подавляющее большинство опрошенных (65%) стали объяснять свои проблемы поисками врагов (*Гудков, 1997*). Вряд ли кого-нибудь удивит тот факт, что привычная, стереотипная и удобная идея переноса ответственности за проблемы русского народа на «врагов» приобретала все новых сторонников по мере роста негативного восприятия жизни в России. Понятно, что возвращение к старому всегда требует меньших усилий, чем освоение новых ценностей. Поражает другое: сравнительно прочная устойчивость новой для посттоталитарного мышления идеи – «корень наших бед в нас самих». Позволю себе выдвинуть предположение о том, что за девять-десять лет с начала «перестройки» и до середины 90-х в российском обществе начала формироваться новая, либеральная по своей сути, традиция, основанная на идеях индивидуальной свободы и персональной ответственности, которая оказалась способной, на какое-то время, сопротивляться возвращению советских стереотипов.

Либеральная идеология в постсоветской России оказывала влияние на массовое сознание до тех пор, пока у россиян сохранялась надежда на перемены к лучшему в результате реформ. Влияние же традиционализма стало прогрессировать по мере роста разочарования в них. При этом традиционализм начал быстро окрашиваться в тона этнической ненависти: «чужой» – это непременно «враг» и обязательно этнически не русский. Для усиления образа демократической власти как «чужой» российская националистическая оппозиция в своей пропагандистской деятельности использовала антисемитизм, приписывая некоторым видным деятелям администрации Б. Ельцина якобы еврейское происхождение.

Таким образом, этнический и социально-политический традиционализм многократно пересекались, дополняя и усиливая друг друга. Такие процессы можно назвать «естественным ростом» традиционализма, поскольку они, как правило, почти неизбежно сопровождают распад империй и разложение тоталитаризма. Похожие процессы наблюдались и в других постсоветских странах, хотя и с некоторым своеобразием, обусловленным особенностями исторического опыта разных народов. Однако как только такой традиционализм проявляется, он тут же становится ходким товаром на политическом рынке и сырьем для политических технологий, конструирующих новый искусственный традиционализм. Воспроизводство такого традиционализма становится подлинной индустрией, особенно в тех случаях, когда его разработку ведут влиятельные средства массовой информации, контролируемые государством.

Интерес к традиционализму проявляла уже администрация первого президента России. В эпоху Б. Ельцина вернулись в качестве государственных символов и им-

⁵ С 1995 по 2005 год президентом Польши дважды избирался А. Квасневский, член ПОРП с 1977 по 1990 год, член прокремлевского правительства (министр по делам молодежи) Польши с 1985 по 1990 год. В 2000 году после периода правления правых партий в Румынии президентом этой республики избирается И. Илиеску, который был руководителем идеологического отдела ЦК РКП во времена диктатуры Н. Чаушеску.

перский двуглавый орел на государственном гербе, и имперский триколор в качестве государственного флага. В это время были идентифицированы и захоронены по православному обряду останки последней царской семьи. Постоянные публичные манифестации религиозности новой власти и многочисленные фотографии президента вместе с патриархом Русской православной церкви дали даже повод шутникам того времени сложить анекдот о том, что в постсоветской России место коммунистического политбюро заняло «метрополитбюро». Это означало, на мой взгляд, что Ельцин не столько стремился повысить свой рейтинг опорой на набирающий популярность традиционализм, сколько хотел противопоставить исторически традиционные царские символы искусственным коммунистическим. Возрождение Православной церкви, разрушенной большевиками, также должно было, по мысли Ельцина, символизировать стратегическую линию возврата России в естественную историю, прерванную коммунистическим переворотом, а также возврата ее в семью цивилизованных европейских народов, из которой страна была вырвана большевиками. Получение администрацией Б. Ельцина согласия членов британской королевской семьи участвовать в генетической экспертизе останков царской семьи Романовых преследовало не только утилитарные цели, оно должно было подчеркнуть историческое кровное родство русской и европейской элиты (см. подробнее: *Мошкин, Шкуренок, 2008*).

Второй президент России В. Путин воспринял от предшественника не только пышность ритуала инаугурации президента России, больше напоминающей коронацию русских царей, но и небывалый объем полномочий, сосредоточенных в руках президента России, тех полномочий, которые при Ельцине были внесены в Конституцию страны. Он перенял и технологию исторической легитимации президентской власти, но в отличие от своего предшественника легитимировал советский режим.

Ельцин проводил политику «возвращения России в Европу»; Путин возродил сталинскую политику «осажденной крепости», антизападническую риторику холодной войны и шпиономанию. Ельцин символизировал разрыв России с тоталитаризмом; при Путине же российские власти рассылали ноты протеста тем европейским странам, которые признали сталинизм и гитлеризм равно не допустимыми формами тоталитаризма.

Одним из главных политических достижений Ельцина было становление федерализма в России. Пусть это был еще не полноценный федерализм, поскольку возросшими при нем политическими правами российских автономий воспользовалась лишь их элита, но политика Ельцина, основанная на переговорном процессе и достижении компромиссов между федеральной властью и элитами национальных республик, давала надежду на становление федеративных отношений в России. Политика же Путина исходит из радикально противоположной цели – обеспечения беспрекословного подчинения регионов федеральному центру. Для этого процедура прямого избрания глав регионов была заменена их назначением из Москвы. По сути, Россия возвратилась к имперскому принципу управления национальными территориями через своих наместников.

Ельцин подчеркивал антиимперский характер своей политики. При Путине доминирующей линией политики России стало «великодержавие», то есть фактически культ империи. Для этой цели возрождается, в том числе и публицистами, близкими администрации Путина (М. Леонтьевым, В. Третьяковым), культ Сталина. Для «державников» Сталин стал «новым собирателем империи, новым Петром Великим, новым супергосударственником, которому простило народом многое» (*Бондаренко, 2000*).

Кстати, второе пришествие культа Сталина – это образец сугубо искусственной, «изобретенной традиции». Даже в период, когда значительная часть населения России отказала в доверии власти «демократов» и предпочла им власть советскую, это совсем не означало возрождение любви к Сталину. Еще в 2002 году не период правления Сталина рассматривается общественным мнением как эталон «хороших со-

ветских времен». Наибольшая часть опрошенных (39%) предпочла бы жить во времена Л. Брежнева, и лишь 3% выбрали в качестве предпочтительного сталинский период, и при этом, мирные годы первых пятилеток (*ВЦИОМ, 2002. С. 20*). Выбор брежневского времени во многом был продиктован восприятием его как стабильного, сытого, без репрессий и потрясений, поэтому особенно привлекательного для людей, уставших от 15-летнего периода бурных политических трансформаций. Российским политическим технологам «путинского призыва» нужно было очень сильно постараться, чтобы наперекор таким настроениям превратить Сталина в один из символов современной России.

Ныне образ Сталина «раскручен» и популярен настолько, что эту золотую жилу активно разрабатывают представители разных политических сил, например бывшие либералы, ныне политические перебежчики, обосновавшиеся в стане «державников». В рядах левых сил, подлинных наследников Сталина, который безжалостно разрушал и русские национальные традиции, и церковь, гноил в лагерях как русских националистов, так и видных представителей русского клира, создаются движения с невероятной идеологической начинкой из смеси сталинизма, национализма и православия (*Квачков, 2009*). Однако все разновидности такого изобретенного традиционализма недолговечны – это скорее мода, чем традиция.

Традиционализм без традиций

Традиционализм как политический интерес к опоре на традиции в России, безусловно, есть, а вот в какой мере сохранились сами традиции – то есть накопленный культурный опыт, передающийся из поколения в поколение и воспроизводящий своеобразие форм, норм и ценностей культуры? Понятие «традиция» генетически восходит к лат. существительному *traditio* и к глаголу *tradere*, означающему «передавать». Воспроизводство традиций возможно лишь при наличии особых социальных каналов для диахронной, межпоколенной передачи (трансляции) ценностей и норм культуры, а также механизмов социального контроля, поддерживающих устойчивость традиционных норм.

Многие народы бывшего Советского Союза сохранили и то и другое вопреки тоталитарной политике борьбы с «традиционными пережитками». Что касается русского общества, то в нем практически не сохранились те партикуляристские институты, которые все еще выполняют важные социокультурные функции у народов Средней Азии и Кавказа. Намного ниже в России, чем, например, в христианских странах Латинской Америки или в Южной Европе (не говоря уже об исламских странах мира), социальная и политическая роль церкви. Ф. Фукуяма полагает, что уровень проявлений семейно-родственных отношений и передаваемых по этим каналам традиций в России ниже в сравнении не только с такими откровенно традиционными обществами, как китайское, но и со многими европейскими, например французским и итальянским. По его мнению, «фамилистические» общества, «то есть те, в которых наиглавнейшим путем реализации общественного инстинкта является семья или более широкие родственные структуры: кланы и племена», обладают «более высоким уровнем социализированности, чем современная Россия; члены российского общества «не умеют объединяться друг с другом» (*Фукуяма, 2004. С. 57*).

Действительно, на большей части территории России почти полностью демонтированы механизмы традиционного социального контроля вместе с институтами, которые их хранили. О сельской общине прочно забыли уже в середине прошлого века. Религиозные общины, православные церковные приходы были разрушены в советское время, и их роль, скорее всего, не восстановится ныне, учитывая, что свыше 97% православных верующих не считают себя частью какого-либо одного прихода и посещают церковь время от времени, по случаю, и какую придется. Еще недавно были двory, в которых пенсионеры, играя в домино, все же пригля-

дывали за соседями, а бабушки, сидевшие на лавочках перед парадным, судачили о нравственности тех или иных семей. Это хоть как-то восполняло отсутствие полноценного механизма социального контроля, действующего по принципу: «Что люди скажут?» Сегодня и этого нет. А родственные отношения? Их разрушение в российской и прежде всего в русской среде, доведение некогда плотных родственных контактов до уровня эпизодического общения – общепризнанный факт. Об ослаблении семейных и родственных связей в русской среде свидетельствует почти полное забвение основных терминов родства, обозначающих родственников за пределами малой нуклеарной семьи.

Соседские связи в городах наполнены реальным содержанием лишь в границах лестничной площадки. Уже в пределах одного подъезда они ограничиваются в лучшем случае лишь приветствиями друг друга. Договориться же о чем-то жителям всего многоквартирного дома обычно очень сложно. Как отмечает И. Шмерлина, в современных российских городах «соседи воспринимаются отчасти как вынужденный, навязанный элемент окружающей среды» (Шмерлина, 2006).

Социологический мониторинг российского общества (Левада-Центр, 1991–2005) указывает на монотонное ослабление всех видов социальных связей и сжатие сферы межличностного общения до уровня своей квартиры. Две трети опрошенных устойчиво ограничивают свои еженедельные контакты во внерабочее время лишь общением с членами своей семьи и родственниками. Более или менее регулярно во внерабочее время и за пределами своей квартиры общаются: с коллегами по работе – 20% опрошенных, с членами одной добровольной общественной, политической, культурной организации либо спортивного клуба, секции – 5%, с людьми, принадлежащими к той же церкви, – 2% (см.: Дубин, 2006).

Не вызывает сомнений тот факт, что представление о российском обществе как коллективистском, соборном и общинном – это миф. Напротив, сегодня общество одно из наиболее атомизированных в современном мире. Это признает большинство экспертов, по крайней мере в академической среде. Менее освоено следствие из этого факта: атомизация общества существенно ухудшает условия трансляции социокультурных и особенно этнических традиций.

Таким образом, традиционализм в России лишен своих естественных социальных корней, но он и не является в российских условиях основным механизмом поддержания авторитарного режима. Эту функцию в России выполняет разобщенность. «Российский социум, – пишет Б. Дубин, – причем именно в образованной и урбанизированной его части – стал более простым и однородным, уплощенным и раздробленным, но тем самым и более податливым для внешних воздействий на всех и каждого из его атомизированных членов» (Там же).

Между традицией и правом

Новое, развившееся уже в постсоветское время состояние социальных связей, их прогрессирующая атомизация наряду с традиционной склонностью к патернализму и отсутствием исторического опыта самоорганизации и самоуправления создают благоприятную почву для воспроизводства в современной России особой разновидности авторитарного политического режима – патримониального. Эта модель была обоснована М. Вебером, подчеркивавшим ее переходный характер, проявляющийся в обществах, находящихся на пути между традиционными и рационально-легальными отношениями. В ее рамках права и обязанности представителей разных страт общества не легитимируются традицией, не опираются на нее. Это уже рациональные отношения, порожденные страхом или выгодой, но они еще не легальные, не опирающиеся на закон. Вся система патримониальных отношений основывается на личной (неправовой) зависимости бюрократии от правителя, народа от бюрократии.

Веберовская модель ныне стала особенно популярной в мировой политологии и часто используется для объяснения как самой специфики политических режимов в посткоммунистических странах, так и причин их устойчивости⁶. Вебер выделил разные типы личной зависимости бюрократии от властителя – от самых жестких, основанных на страхе наказания смертью («султанский тип»), до сравнительно мягких, покоящихся на взаимной экономической выгоде. Все эти разновидности проявляются и сегодня. Скажем, взаимоотношения нынешнего правителя Чечни Р. Кадырова не только со своей личной гвардией, но и со своим чиновничеством – это образец патримониальных отношений султанского типа. Отказ от подчинения султану карается смертью. При этом изменники при невыясненных обстоятельствах погибают не только в Чечне, но и в Москве, и даже в городах Западной Европы.

Султанский тип патримониализма проявляется и в ряде других регионов постсоветского мира, но все же в России, как и в большинстве постсоветских стран, преобладает не деспотия, а более мягкая экономическая зависимость клиентов от патрона. В такой системе патримониальный чиновник служит не из страха, он вознаграждается за верность возможностью использования служебного положения в личных целях.

М. Вебер считал не только переходными, но и принципиально неустойчивыми. Этот вывод в основе своей верен, особенно применительно к неопатримониальным атомизированным обществам, однако жизнь показала, что такие режимы более устойчивы, чем предполагалось в начале XX века.

Прежде всего, с тех пор кардинально изменилась возможность манипуляции общественным мнением, и дело не только в росте могущества информационных технологий, но и в ослаблении традиционной культуры. Атомизированные общества с ослабленными механизмами традиционной саморегуляции становятся более пластичными, податливыми к конструированию квазитрадиций (жизни «по понятиям»), на какое-то время заменяющих полноценные нормы.

В современных условиях значительно возросли возможности использования так называемого административного ресурса. В современных патримониальных системах шансы на приход к власти политической оппозиции в результате выборов крайне малы, даже если оппозиция не запрещена полностью, как в Туркмении, и не уничтожается физически, как в Чечне. Скажем, в Грузии, где количество легальных партий велико, политические ресурсы оппозиции примерно так же малы, как и в России, где осталась едва ли не единственная оппозиционная партия – КПРФ – и разрозненные группировки либерально-демократического толка. Да и сами партии трудно отличить от патримониальной власти, поскольку они построены на личных отношениях, это всего лишь группы поддержки популярных личностей.

В неопатримониальных полициях перевернута с ног на голову система взаимоотношений между партиями, представленными в парламенте, и исполнительной властью. Не власть зависит от партий, а партии от исполнительной власти. В таких условиях даже при честных выборах мала вероятность демократического управления страной.

Что особенно важно, при современном могуществе политических технологий и разнообразии административных ресурсов простейшие электоральные демократии обречены на вырождение, на подмену имитационными формами, если они не опираются на свои естественные корни – институты гражданского общества. Но в том и состоит проблема развития постсоветских обществ, что в большинстве из них институты гражданского общества очень слабы и к тому же искусственно подавляются. Именно это делает весьма вероятными ретроградные политические процессы. Хочу подчеркнуть, что элементарные и неустойчивые демократии сносит в сторону авторитаризма почти вне зависимости от личных особенностей и биографии лидера страны или региона, будь то бывший агент специальных служб, партийный функционер или бюрократ новой постсоветской формации. Так, академик А. Акаев пришел к власти в

⁶ Наиболее полный обзор этих работ см. в: Фисун (2006. С. 155–178). См. также: Масловский (1995).

Киргизии на волне перестройки. Поначалу он демонстрировал и свой демократизм, и прозападную ориентацию, но затем его режим выродился в обычный авторитарный патримониализм и был свергнут в ходе «цветной революции». Просвещенный юрист Н. Федоров, член Межрегиональной депутатской группы времен горбачевской перестройки, демократ из демократов в 1980-е годы, став президентом Чувашии, создал «демократуру», мало отличимую от режима соседней Башкирии, где 17 лет с советских времен правил М. Рахимов. М. Саакашвили по демократичности фразеологии может быть занесен в книгу рекордов Гиннеса, но его оппоненты, победившие в Грузии на парламентских выборах (октябрь 2012 г.), а затем и президентских (октябрь 2013 г.), добиваются уголовного наказания Саакашвили, упрекая его, не без оснований, в авторитаризме, злоупотреблении властью.

Наряду с общими механизмами самосохранения патримониальных режимов в России проявляются и специфические, вытекающие из ее собственного исторического опыта. Так, знаменитую фразу В. Черномырдина: «В России, какую партию не строй – получается КПСС», – можно трактовать не как фатальную предопределенность истории, а как традиционно российский технологический прием сведения новаций к известным шаблонам. По крайней мере последние два века правители на Руси боролись с опасными для них инновациями тем, что противопоставляли им заготовки местного производства, которые похожи на зарубежные новации по форме, но противоположны им по содержанию. Так, термин «нация» стал известен образованному обществу России в самом начале XIX века, почти тогда же, когда он стал обсуждаться в интеллектуальных кругах Франции. Однако сразу же французская идея нации как согражданства, основанного на народном суверенитете, в России была подменена доктриной «официальной народности» или, как ее называет Р. Сунни, доктриной «официального национализма». Согласно ей, народ – вовсе не суверен, это дитя, опекаемое самодержцем как любящим, но строгим отцом. Официальный национализм, по мнению Сунни, явился «ответом правящих групп, преимущественно династических и аристократических, на угрозу исключения или маргинализации последних в воображенном сообществе... и был связан с попытками аристократии и монархии сохранить империю» (Сунни, 2007. С. 65). После Первой мировой войны на месте мировых империй стали складываться федерации, но российский «особый путь» проявился в создании Союза Советских Социалистических Республик, как формы сохранения империи, лишь декорированной некими атрибутами федеративного устройства. Последний по времени пример культурной подмены – это доктрина «суверенной демократии».

«Российская система» не традиционна, но инерционна. Основой этой инерции является господство сырьевой экономики. Как торговала Россия сырьем при Петре I, так и торгует, только вместо леса и пеньки продает нефть и газ. Сырьевые товары составляют 85% российского экспорта и охватывают более 50% российского ВВП, в то время как в развитых странах этот показатель составляет менее 20%. Проблема «ресурсного проклятия» известна давно: множество стран со значительными природными ресурсами получают весьма малую выгоду от их использования. Главное же, что тотально сырьевая экономика уменьшает стимулы к модернизации. Зачем менять отношение к труду, жизненные устои, если можно сносно жить на нефтедоллары? Впрочем, подобные формы самосохранения авторитаризма наблюдались и в других странах. Т. Ворожейкина приводит в качестве примера Мексику в период более чем полувекового правления Институционально-революционной партии, которая обеспечила свое долголетие, осуществляя «обмен политических прав и свобод на перераспределение дохода в пользу средних и низкодходных групп населения через государственно-корпоративистские механизмы» (Ворожейкина, 2009). В России используется примерно тот же механизм, но в нашей стране сверхдоходы от ресурсной экономики еще в большей мере облегчают процесс выкупа демократии у населения.

Сложившаяся структура экономики препятствует утверждению собственнических начал среди большей части российского населения. В России, как отмечал В. Розанов, вся собственность выросла из того, что была либо пожалована государем, либо украдена у кого-то. Вот и в постсоветский период нефтяные поля и газовые месторождения не были заработаны новыми российскими бизнесменами или получены ими по наследству. Эта собственность досталась им от государства, поэтому и сохраняет свое значение диагноз Розанова: «Труда в собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается» (Розанов, 1990. С. 45). Существует прямая связь между ресурсной экономикой и структурой элит. В России главенствует элита, связанная с ТЭК, в наибольшей мере зависимая от государства, поэтому и наиболее сервильная по отношению к власти. Такая элита в наименьшей мере склонна к опоре на гражданское общество.

Засилье нефтегазовой экономики обусловило избыточную роль государственной власти в жизни России. С. Кардонский назвал такое государство «ресурсным» (Кардонский, 2007. С. 219). Главным ресурсом всегда была территория, с ее землями и недрами, поэтому ресурсное государство в качестве высшей цели выдвигает удержание, а по возможности и расширение территории. «Имперский тип государственности, – отмечает А. Захаров, – оказывается естественным оформлением режима, построенного на экспорте сырьевых ресурсов» (Захаров, 2008. С. 41). В таком государстве не приживается федерализм с его децентрализацией власти и широкими полномочиями региональных центров в сфере самоуправления. Политическая апатия нулевых годов еще в большей мере увеличила вероятность возврата России от декоративной федерации к типу правления, напоминающему имперский, который всегда опирается на власть наместников в провинциях.

Господство природных ресурсов в экономике при дефиците человеческих требовало прикрепления населения к территории, а после отмены крепостного права – прикрепления к власти. И то и другое было связано с лишением основной части жителей их гражданской и политической субъектности. Используя формулу Дж. Хоскинга, можно сказать, что «строительство государства в России мешало строительству нации» (Хоскинг, 2000. С. 11). Но одновременно происходил и рост безответственности государства человека: «Барин правит – пусть он и отвечает за все». Мало что изменилось с тех пор, и не приходится удивляться тому, что как не было на Руси общества, способного контролировать государственный аппарат и осознавать свою ведущую роль в политической системе, так его и нет. Более того, в этом отношении наблюдается даже регресс, связанный с утратой традиционных институтов социального контроля. Отсюда и гигантские качели инверсии ценностей, о которой я уже говорил.

Неопатримониальные режимы устойчивы, как Матрица⁷. Они изменяются только в результате внутреннего раскола элиты или революции, которые тоже чаще всего являются всего лишь формой перераспределения власти между ячейками все той же Матрицы. В ходе революции в Киргизии президента А. Акаева сверг К. Бакиев, его бывший премьер-министр. А кто такие два бывших президента Украины В. Ющенко и В. Янукович? Премьер-министры при президентстве Л. Кучмы. М. Саакашвили занимал министерское место в правительстве свергнутого им президента Э. Шеварднадзе.

Матрица прочна. Но она не вечна. Инерция – не фатум и не вечный двигатель. Инерция, как и традиция, ограничивает возможность произвольного движения, задает

⁷ В данном случае термин «матрица» используется примерно в том же значении, как в знаменитом фильме Э. и Л. Вачовски, имеющем такое название. В фильме матрица – это рукотворная компьютерная программа, которая при всем ее могуществе подвластна воле людей и в принципе может быть перенастроена или уничтожена. Вот и патримониальная матрица, в моем понимании, – это всего лишь модель легитимации господства, которая поддается изменению, хотя и обладает высокой инерционной устойчивостью. Совершенно иная трактовка исторической матрицы проступает в произведениях многих современных российских квазикультурологов, использующих понятие матрицы в мистическом смысле как рок, предопределяющий некий «особый» исторический путь.

некоторую особенность исторического пути народа и страны, однако само понятие инерции предполагает вероятность ее преодоления при определенных изменениях условий среды и усилении импульсов внешних воздействий. И такие импульсы ныне проявляются все заметнее в силу большей, чем в прошлом, взаимосвязи стран мира.

Вызовы времени как стимулы к переменам

Сохраняют свое значение выводы М. Вебера о принципиальной неустойчивости патримониальных систем. Она порождается прежде всего хроническим дефицитом легитимности власти. Власть уже не от Бога, но и не от закона, не от выборов. Пока терпят лидера в расчете на то, что он защитит от совсем уж отвязавшихся бояр, но ресурс личного авторитета быстро портящийся. Отношения внутри элит не легитимированы ни религией, ни законом, ни традицией. Почему московские элиты должны признать верховенство питерских? Почему одним жирные куски, другим объедки? Признать это элитарные группы не могут, к тому же они все в большей мере ощущают, что власть не готова к демонстрации декларируемой поначалу «равной удаленности» от всех олигархических групп. В неправовом государстве высока вероятность доминирования неких кланов, отраслевых или региональных групп интересов. В таких условиях высока вероятность того, что элита, которая не может укрыться за традицией и рассчитывать на постоянное благоволение к ней патрона, будет пробиваться к защите закона, будет заинтересована в переходе от власти авторитета к власти нормы, следовательно, рано или поздно станет поддерживать политическую модернизацию.

Системным пороком патримониальных режимов является также вырождение их общественных функций. Еще Вебер отмечал, что неизбежным следствием присвоения служебного положения является утрата чиновничеством своих бюрократических функций. Иными словами, патримониальный чиновник перестает быть государственным служащим, поскольку государственные и общественные интересы подменяются его личными или корпоративными. Вырождение общественных функций бюрократии приводит к тому, что такие режимы буквально разлагаются от коррупции.

Патримониальные режимы – это всего лишь средство самосохранения сложившегося истеблишмента, они принципиально не пригодны к проведению политики модернизации, во всех ее формах, как мобилизационной, так, тем более, инновационной. Отсутствие же модернизационных перемен в условиях включенности России в систему глобальной экономики будет постоянно напоминать о себе растущим отставанием нашей страны в мировой конкуренции. Эти вызовы, скорее всего, будут стимулировать возрастание общественного интереса к политическим переменам, хотя для таких перемен нужны еще и внутренние предпосылки – готовность общества к освоению рационально-легальных форм жизнедеятельности, обычно предшествующих становлению устойчивых демократий. Такие процессы в России проявляются, но крайне противоречиво. Впрочем, анализ этих процессов – тема совсем другой статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко В. (2000). Народ вседержитель // Завтра, № 1 (318), 4 января.
- Ворожейкина Т. (2009). Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия. Тезисы выступления на конференции «Российские альтернативы». (Пятые Ходорковские чтения), 8 декабря // Международное общество «Мемориал» (<http://www.memo.ru/2009/12/12/vorozheykina.htm>).
- ВЦИОМ (2002). Общественное мнение – 2002. По материалам исследований 1989–2002 годов. М.
- Гудков Л. (1997). Русский неотрадиционализм // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, № 2, с. 25–33.

Гудков Л. (2002). Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам / В кн.: Малахов В.С., Тишков В.А. (ред.) Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: ИФ – ИЭА РАН, с. 132–133.

Дубин Б. (2003). Запад для внутреннего потребления // Космополис, № 1 (3), с. 137.

Дубин Б. (2006). Массмедиа и коммуникативный мир жителей России: пластическая хирургия социальной реальности // Вестник общественного мнения, № 3 (83), с. 33–46 (<http://www.polit.ru/research/2006/09/06/dubin.html>).

Захаров А. (2008). Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М.: МШПИ.

Кардонский С. (2007). «Патриоты» и космополиты в ресурсном государстве / В кн.: Клямкин И. (ред.) Российское государство: вчера, сегодня, завтра. М.: Новое издательство.

Квачков В. (2009). Сталин сегодня: русский православный социализм // Народное ополчение. Официальный сайт В. Квачкова (http://www.kvachkov.org/narod.php?narod=social_sphere/182-vladimir-kvachkov-stalin-segodnya-russkij.html).

Масловский М. (1995). Веберовская концепция патримониализма и ее современные интерпретации // Социологический журнал, № 2, с. 95–109.

Мошкин М., Шкуренко Н. (2008). Императорский том. Следственный комитет идентифицировал детей Николая II // Время новостей, № 127, 17 июля (<http://www.vremya.ru/2008/127/51/208516.html>).

Розанов В. (1990). Уединенное / В кн.: Розанов В.В. Сочинения. М.: Советская Россия.

Сигл Дж. (2007). Демократия и процветание (http://usinfo.state.gov/dd/ru_democracy_dialogues/ru_prosperity/ru_prosperity_essay.html).

Суни Р. (2007). Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи / В кн.: Тишков В.А., Шнирельман В.А. (ред.) Национализм в мировой истории. М.: Наука, Институт этнологии и антропологии РАН.

Фисун А. (2006). Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков.

Фукуяма Ф. (2004). Доверие. М.: АСТ.

Хантингтон С. (2003). Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН.

Хоскинг Дж. (2000). Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск: Русич.

Шмерлина И. (2006). Социальная экология соседства // Социальная реальность. Журнал социологических наблюдений и сообщений, № 9 (<http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=211&print=yes>).

REFERENCES

Bondarenko V. (2000). Narod vsederzhitel [People Almighty]. *Zavtra*, no. 1 (318), January 4. (In Russian.)

Dubin B. (2003). Zapad dlya vnutrennego potrebleniya [West for domestic consumption]. *Kosmopolis*, no. 1 (3). (In Russian.)

Dubin B. (2006). Massmedia i kommunikativnyi mir zhitelei Rossii: plasticheskaya khirurgiya sotsialnoi realnosti [Media and communicative world of people in Russia: Plastic surgery for social reality]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya [Herald of public opinion]*, no. 3 (83), pp. 33–46 (<http://www.polit.ru/research/2006/09/06/dubin.html>). (In Russian.)

Fisun A. (2006). Demokratiya, neopatrimonializm i globalnye transformatsii [Democracy, neopatrimonialism and global transformations]. Kharkov. (In Russian.)

Fukuyama F. (2004). Doverie [Trust]. Moscow: AST Publ. (In Russian.)

Gudkov L. (1997). Russkiy neotraditsionalizm [Russian neotraditionalism]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: monitoring obshchestvennogo mneniya [Economic and social change: monitoring of public opinion]*, no. 2, pp. 25–33. (In Russian.)

Gudkov L. (2002). Russkiy neotraditsionalizm i soprotivlenie peremenam [Russian neotraditionalism and resistance to change] / In: Malakhov V.S. and Tishkov V.A. (eds.) Multikulturalizm i transformatsiya postsovetskikh obshchestv [Multiculturalism and the transformation of post-Soviet societies]. Moscow, pp. 132–133. (In Russian.)

Kardonskiy S. (2007). «Patrioty» i kosmopolity v resursnom gosudarstve [«Patriots» and cosmopolitans in the resource state] / In: Klyamkin I. (eds.) Rossiyskoe gosudarstvo: vchera, segodnya, zavtra [Russian state: yesterday, today, tomorrow]. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ. (In Russian.)

Khantington S. (2003). Tretya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka [The third wave. Democratization in the late XX century]. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian.)

Khosking J. (2000). Rossiya: narod i imperiya [Russia: people and the Empire] (1552–1917). Smolensk: Rusich Publ. (In Russian.)

Kvachkov V. (2009). Stalin segodnya: russkiy pravoslavnyi sotsializm [Stalin today: Russian Orthodox socialism]. *Narodnoe opolchenie [The Civil Uprising]*. Official site of V. Kvachkov (http://www.kvachkov.org/narod.php?narod=social_sphere/182-vladimir-kvachkov-stalin-segodnya-russkij.html). (In Russian.)

Maslovskiy M. (1995). Veberovskaya kontseptsiya patrimonializma i ee sovremennye interpretatsii [Weber's concept of patrimonialism and its modern interpretations]. *Sotsiologicheskii zhurnal [Journal of sociology]*, no. 2, pp. 95–109. (In Russian.)

Moshkin M. and Shkurenok N. (2008). Imperatorskiy tom. Sledstvennyi komitet identifikatsii detei Nikolaya Vtorogo [Imperial tome. Investigation Committee identified the children of Nicholas II]. *Vremya novostei*, no. 127, July 17 (<http://www.vremya.ru/2008/127/51/208516.html>). (In Russian.)

Rozanov V. (1990). Uedinennoe [Personal] / In: Rozanov V.V. Works. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ. (In Russian.)

Shmerlina I. (2006). Sotsialnaya ekologiya sosedstva [Social ecology of neighborhood]. *Sotsialnaya realnost. Zhurnal sotsiologicheskikh nablyudeniy i soobshcheniy [Social Reality. Journal of sociological observation and communications]*, № 9 (<http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=211&print=yes>). (In Russian.)

Sigl J. (2007). Democracy and prosperity (http://usinfo.state.gov/dd/ru_democracy_dialogues/ru_prosperity/ru_prosperity_essay.html). (In Russian.)

Suni R. (2007). Imperiya kak ona est: imperskiy period v istorii Rossii, «natsionalnaya» identichnost i teorii imperii [Empire as it is: the imperial period in the history of Russia, «national» identity and the theories of Empire] / In: Tishkov V.A. and Shnirelman V.A. (eds.) Natsionalizm v mirovoi istorii [Nationalism in the world history]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)

Vorozheikina T. (2009). Avtoritarnye rezhimy XX veka i sovremennaya Rossiya: skhodstva i otlichiya [Authoritarian regimes of the twentieth century and contemporary Russia: similarities and differences]. *Abstracts of presentations at the conference "The Russian alternatives" (The fifth Khodorkovsky readings)*, December 8. International society «Memorial» (<http://www.memo.ru/2009/12/12/vorozheykina.htm>). (In Russian.)

WCIOM (2002). Obshchestvennoe mnenie – 2002 [Public opinion – 2002]. Based on the research materials of 1989–2002. Moscow. (In Russian.)

Zakharov A. (2008). Unitarnaya federatsiya. Pyat etyudov o rossiiskom federalizme [Unitary Federation. Five studies of the Russian federalism]. Moscow. (In Russian.)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНСТИТУТОВ В СЛОЖНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ: МНЕНИЕ РОССИЯН¹

С.В. МАРЕЕВА,

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник Института социологии РАН,
старший научный сотрудник РАНХиГС, г. Москва, Россия,
e-mail: s.mareeva@gmail.com

ТERRA ECONOMICUS
✧ 2015 Том 13 № 3

В статье на данных общероссийских репрезентативных исследований РАНХиГС и ИС РАН проведен анализ институционального доверия в российском обществе и представлений россиян об эффективности институтов при выходе из сложных жизненных ситуаций. Показано, что уровень институционального доверия в обществе остается невысоким, но достаточно стабильным. Однако наибольшее доверие при этом вызывают институты, выступающие в роли символов российской государственности, но мало влияющие на повседневную жизнь населения. При этом оценки, которые россияне дают эффективности институциональной системы в решении тех проблем, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни, довольно низки – только от 3% до 10% населения точно уверены, что могут рассчитывать на помощь тех или иных институтов. В итоге, в трудных жизненных ситуациях россияне полагаются, в первую очередь, на личные связи и помощь своего ближнего круга. Показано, что низкие оценки эффективности институтов в сложных жизненных ситуациях, характерные для населения, основаны не только на гипотетических представлениях, но и на личном опыте: хотя подавляющее большинство россиян не использует подобные каналы в случае возникновения сложной жизненной ситуации, но даже среди тех, кто все-таки пытается их использовать, такие стратегии не всегда оказываются эффективными. Отмечено, что эффективность использования социального капитала и тех или иных социальных каналов россиянами в трудной жизненной ситуации оказывается выше при наличии у домохозяйства и других типов ресурсов, в том числе экономических.

Ключевые слова: институциональное доверие; общественные институты; социальный капитал; сложные жизненные ситуации

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Социальные факторы экономического неравенства», выполняемому при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-02-00196).

INSTITUTIONAL TRUST AND INSTITUTIONS' EFFECTIVENESS IN DIFFICULT STRAITS IN VIEWS OF RUSSIANS

SVETLANA MAREEVA,

Candidate of Sociology (PhD), Senior Researcher,
Institute of Sociology of the Russian Academy of Science (IS RAS),
senior researcher, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Moscow, Russia,
e-mail: s.mareeva@gmail.com

Based on the data of national representative surveys carried out by RANEPA and IS RAS, article presents analysis of institutional trust and Russians' views on effectiveness of the institutions in difficult straits. It is shown that general level of institutional trust in society remains stable, but at the rather low level. Institutions that are characterized by most trust from the population are those that act as symbols of Russian statehood, but have little influence on Russians' actual life. Russians give quite low assessments of the institutional system's effectiveness in addressing the challenges they face in their daily lives – only 3% to 10% of the population are sure that they can count on support from various institutions in difficult straits. As a result, in difficult situations Russians rely primarily on personal relationships and help from their social circle. It is shown that low assessments of the effectiveness of institutions in difficult situations that Russians hold are based not only on the hypothetical judgments, but also on personal experience: although the vast majority of Russians do not even try to use institutional channels in case of difficulties, even among those who do it is not always effective. It is noted that the effectiveness of the use of social capital and social institutions in difficult situations by Russians is higher when the household also possess other types of resources, including economic resources.

Keywords: institutional trust; social institutions; social capital; difficult straits

JEL classifications: B52

Введение

Проблематика институционального и межличностного доверия находится в сфере интересов как социологов, так и экономистов. Интерес к ней связан, в том числе, с широким распространением в социологических и экономических исследованиях концепции социального капитала, которая получила развитие в работах П. Бурдье, Дж. Коулмана, Р. Патнэма, Ф. Фукуямы и многих других (Бурдье, 2002; Коулман, 2001; Патнэм, 1996; Putnam, 2000; Фукуяма, 1999). При этом в некоторых работах доверие рассматривается как следствие социального капитала или же как его элемент (Woolcock 2001); значительный интерес вызывает взаимосвязь доверия в обществе и его экономической успешности (Knack and Keefer, 1997; Zack and Knack, 2001; Beugelsdijk, 2006).

К проблематике доверия как одной из ключевых компонент социального капитала обращено и внимание российских ученых (Белянин и Зинченко, 2010; Дискин, 2003; Козырева, 2015; Лебедева и Татарко, 2010; Сасаки и др., 2009; Шихирев, 2003). В институциональном понимании накопленное в обществе доверие (как институциональное, так и межличностное) выступает ресурсом экономического развития и роста благо-

состояния населения, поскольку снижает транзакционные издержки, предотвращает оппортунистическое поведение, определяет готовность индивидов следовать определенным нормам поведения. Рост доверия в обществе рассматривается как предпосылка повышения эффективности государства (*Вахтина, 2011*). В свою очередь недостаток доверия выступает в качестве одного из объясняющих факторов неэффективности институциональных реформ в России (*Стиглиц, 2001*).

В данной статье мы обратимся к проблематике институционального доверия – доверия индивидов социальным институтам², оставив в основном вне нашего рассмотрения не менее важный аспект межличностного доверия, относящегося к доверию между индивидами.

Институциональное доверие в российском обществе: эмпирические оценки

Уровень институционального доверия для целей эмпирического измерения и анализа обычно операционализируется с помощью вопросов о том, каким государственным и общественным институтам доверяет население; предполагается, что доверие к институтам определяется тем, насколько они отвечают ожиданиям населения с точки зрения их эффективности и справедливости (*Вахтина, 2011*).

Данные, которые различные исследовательские центры и группы получают относительно уровня доверия россиян к государственным и общественным институтам, демонстрируют некоторые количественные отличия, но в целом свидетельствуют в пользу качественно схожих результатов, которые заключаются в невысоком уровне доверия всем институтам власти и управления (помимо Президента РФ, уровень доверия которому остается традиционно высоким). Доверие россиян общественным организациям также может быть охарактеризовано только как невысокое. Так, данные РАНХиГС³ показывают, что уровень доверия россиян органам власти не сильно зависит от того, о каком их уровне идет речь. Полностью доверяют органам власти каждого из этих уровней не более 5% россиян, еще около трети скорее доверяют им; треть россиян скорее не доверяют органам власти, и 14–15% совсем не испытывают к ним доверия. Показательно, что около 14–15% затруднились ответить, доверяют они или нет органам федеральной, региональной и муниципальной власти, что демонстрирует значительную дистанцированность повседневной жизни от органов власти различных уровней, даже от наиболее близкой к ним муниципальной власти.

Более полную картину институционального доверия в российском обществе дают данные исследования ИС РАН, также проведенного в 2014 году⁴. Согласно полученным результатам, максимальная степень доверия характеризует отношение россиян к институтам, выступающим в представлении россиян в качестве «парадных» символов российской государственности – российской армии, русской православной церкви и президенту России, а также к Российской академии наук. Эти выводы в целом подтверждаются и данными исследований Левада-центра (*Гудков, 2012*). При этом ясно, что все эти институты (за исключением Президента страны) весьма опосредованно влияют на повседневную жизнь большинства россиян и выполняют прежде всего именно символическую роль, о которой и говорит население, оценивая степень своего доверия им.

Уровень доверия к другим, помимо Президента, органам власти у россиян не столь высок. Региональным властям и Правительству РФ доверяют менее половины опрошенных, но все же в целом они остаются в зоне доверия. У Совета Федерации рейтинг

² Сразу отметим, что здесь и далее под институтами мы будем понимать различные организационные структуры (политические и общественные).

³ Исследование РАНХиГС «Новые факторы социально-экономического неравенства: причины возникновения и пути их преодоления» (n=10 674; 2014 г.)

⁴ Здесь и далее речь идет о данных репрезентативного исследования ИС РАН «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия» (n=1600, март 2014 г.).

носит уже отрицательный характер, еще ниже показатели у органов местного самоуправления, полиции и органов внутренних дел соответственно), а также у Государственной Думы. Самым низким среди всех государственных органов оказывается уровень доверия к судебной системе.

Что же касается общественных и общественно-политических институтов, то профсоюзы и политические партии также остаются аутсайдерами общественного доверия, в то время как доверяющих общественным и правозащитным организациям примерно столько же, сколько и не доверяющих им. Наконец, в отношении СМИ можно отметить большую степень доверия телевидению, чем прессе – для телевидения доли доверяющих и не доверяющих этому СМИ практически совпадают, в то время как для печатных СМИ доля не доверяющих им выше (см. табл. 1).

Таблица 1

**Степень доверия россиян различным государственным
и общественным институтам, 2014 г., ИС РАН, %**
(упорядочено по разнице оценок доверяющих и не доверяющих)

Институт	Доверяют	Не доверяют	Затруднились ответить	Разница между доверяющими и не доверяющими
Российская армия	61	20	20	41
Православная церковь	55	18	27	37
Президент России	60	24	16	36
Российская академия наук	43	16	42	27
Руководитель республики, губернатор области, края	43	33	25	10
Правительство России	43	36	22	7
Телевидение	41	38	21	3
Общественные и правозащитные организации	31	29	40	2
Совет Федерации	28	36	37	–8
Органы местного самоуправления	32	41	27	–9
Пресса (газеты, журналы)	32	45	23	–13
Профсоюзы	24	41	35	–17
Полиция, органы внутренних дел	30	49	20	–19
Государственная Дума	25	49	26	–24
Судебная система	24	54	22	–30
Политические партии	15	55	30	–40

Если обратиться к динамике доверия населения различным государственным и общественным институтам за последние 5 лет, то можно сделать вывод об отсутствии качественных изменений институционального доверия в российском обществе за этот период, хотя определенные количественные изменения произошли. Наиболее заметные из них – это, в частности, снижение доверия к правительству России (с 60% доверяющих в 2009 году до 43% в 2014-м) и общественным и правозащитным организациям (с 41% до 31%). Определенные колебания претерпело и отношение к российской армии (доверие к ней снизилось с 63% в 2009 до 50% в 2010–2012 году и вновь возрос-

ло до 61% в 2014). По остальным позициям изменения за прошедшие 5 лет не носили столь заметного характера.

Однако эти данные, как и схожие данные по институциональному доверию, рассчитываемые как научными институтами, так и организациями опросов общественного мнения и активно используемые в работах российских ученых, хотя и выполняют свою роль по оценке общего институционального климата в стране, но не дают возможности понять, как формальный уровень институционального доверия, опирающийся на общие представления россиян об эффективности и справедливости тех или иных институтов, связан с тем, насколько те или иные общественные институты могут действительно оказать помощь лично им при возникновении у них такой необходимости. Иными словами, важно оценить, в какой мере институциональное общественное доверие может быть конвертировано в ресурс благосостояния на индивидуальном уровне. Поэтому далее мы обратимся к вопросу о том, на кого рассчитывают россияне в трудной жизненной ситуации и какие институты или группы, по их мнению, могли бы им помочь при возникновении такой ситуации.

Роль институтов в трудных жизненных ситуациях: мнение россиян

Данные, полученные в ходе репрезентативного общероссийского исследования ИС РАН, показывают, что в форс-мажорных ситуациях россияне в большинстве случаев будут обращаться к родственникам или друзьям, знакомым, коллегам, и в разы реже прибегнут к помощи государственных институтов правоохранительных органов, местных органов или высших органов государственной власти; и еще реже – к правозащитным организациям и волонтерским движениям. Даже высшие силы, Бог, для населения в этом случае выступают в роли более авторитетной инстанции, чем многие общественные и государственные институты (см. рис. 1).

Рис. 1. К кому обратятся россияне при возникновении серьезных жизненных трудностей, 2014 г., ИС РАН, % (допускалось до 4 ответов)

Данные репрезентативного исследования РАНХиГС позволяют дополнить эту картину представлениями россиян о том, от кого они могли бы получить реальную помощь в сложной жизненной ситуации. Полученные результаты хорошо согласуются с приведенными выше данными – гипотетически, при возникновении трудной жизненной ситуации россияне в наибольшей степени рассчитывают на

помощь ближнего круга общения: около 70% уверены, что точно получают помощь от родственников (и еще 23% считают, что могут получить такую помощь); далее следует помощь друзей, на которую уверенно рассчитывают 43% населения, и еще 45% не отвергают такую возможность. Что же касается возможности получить помощь от государственных и общественных институтов, то здесь ситуация выглядит качественно иной (см. табл. 2).

Таблица 2

**Оценка вероятности получить помощь в трудной жизненной ситуации
из различных источников, 2014 г., РАНХиГС, %**

Источник получения помощи в трудной жизненной ситуации	Точно получают помощь	Может быть, получают помощь	Не получают помощи	Затруднились ответить
От родственников	70	23	4	3
От друзей	43	45	7	5
От церкви	7	29	35	29
От людей, работающих в органах власти, при официальном к ним обращении	6	39	34	20
От социальных служб	4	35	38	23
От людей, работающих в органах власти, при неофициальном обращении	3	31	43	24
От общественных организаций	2	29	43	26
От средств массовой информации, включая интернет	2	26	44	28

Показательно, что, оценивая возможность получения помощи от родственников и друзей, подавляющее большинство населения не затруднилось с ответом. Что же касается оценки вероятности получить помощь в сложной жизненной ситуации через обращение к различным государственным и общественным институтам, то более пятой части всех респондентов, оценивая эту вероятность, вообще не смогли дать определенного ответа. Больше всего затруднившихся с ответом оказалось в отношении возможности получить помощь от церкви (29%), а также от средств массовой информации, включая интернет (28%).

Даже если обратиться только к тем, кто дал определенный ответ на этот вопрос, видно, что с уверенностью россияне рассчитывают только на семью и друзей. В отношении же получения реальной помощи со стороны основных общественных и политических каналов значительная доля населения испытывает скепсис: точно уверены, что могут рассчитывать на помощь тех или иных институтов, лишь от 3 до 10% населения.

Стоит отметить, что при этом все же более половины населения считает, что в случае трудной жизненной ситуации есть некоторая возможность получить помощь от органов власти, причем при официальном обращении (57%); около половины верят в возможность получения помощи от социальных служб или от церкви. Что же касается таких каналов, как органы власти при неофициальном к ним обращении, общественные организации и СМИ, включая интернет, то более половины россиян уверены, что помощь через эти каналы им оказана не будет (см. табл. 3).

Таблица 3

**Оценка населением вероятности получить помощь
в трудной жизненной ситуации из различных источников, 2014 г., РАНХиГС,
% от давших определенный ответ**

Источник получения помощи в трудной жизненной ситуации	Точно или возможно получат помощь	Не получают помощи
От родственников	96	4
От друзей	93	7
От людей, работающих в органах власти, при официальном обращении	57	43
От социальных служб	51	49
От церкви	51	49
От людей, работающих в органах власти, при неофициальном обращении	43	57
От общественных организаций	42	58
От средств массовой информации, включая Интернет	39	61

Стоит обратить внимание, что россияне питают большие надежды, связанные с возможностью получения помощи от органов власти при официальном обращении, нежели при неофициальном. Однако такое положение дел возможно связано с тем, что у большинства населения нет никаких «неофициальных» каналов выхода на органы власти. Так, данные того же исследования свидетельствуют, что при гипотетической необходимости содействия в доступе к должностным лицам, органам власти, от которых зависит решение проблем, такой вид помощи могли бы получить от родственников 4% россиян, от коллег – 9%, а остальные считали, что такой вид помощи от «ближнего круга» им недоступен или затруднились ответить на этот вопрос (что в данном контексте скорее всего означает фактическое отсутствие возможности получения подобного рода содействия).

Еще один аспект, который нужно отметить в этой связи, – это расчет россиян на помощь в решении их проблем со стороны представителей своего «ближнего круга». По сути, большинство россиян может рассчитывать только на родственников и близких друзей при возникновении у них трудных жизненных ситуаций. И хотя эти данные не противоречат выводам предыдущих исследований о достаточно низком (*Лебедева, Татарко, 2010*) или, в лучшем случае, среднем уровне (*Сасаки и др., 2009*) межличностного доверия в российском обществе, трудно не заметить различия в степени обобщенного и персонализированного доверия (то есть доверия людям вообще и доверия конкретным индивидам). Кроме того, данные демонстрируют и различия нормативного и фактического доверия – так, при более высоком уровне декларируемого доверия в целом своему самому ближнему кругу (родственникам, проживающим совместно или отдельно), при решении ряда конкретных проблем россияне в большей степени рассчитывают не на их помощь, а на помощь коллег и друзей. Это, в частности, касается вопросов, связанных с поиском работы и приработка, а также доступа к хорошим школам, детским садам, медицинским учреждениям или конкретным специалистам. Таким образом, при более высоком уровне доверия россиян своим родственникам и более низким – друзьям и коллегам, важной компонентой социального капитала с точки зрения его роли как ресурса благосостояния могут выступать именно связи с друзьями и коллегами, обеспечивающие доступ к лифтам мобильности и более эффективным инвестициям в свой человеческий капитал и человеческий капитал детей.

Опыт взаимодействия населения с институтами в сложных жизненных ситуациях

Однако выше речь шла, прежде всего, про декларируемое доверие, которое может быть основано как на личном опыте взаимодействия с различными институтами, так и на теоретических представлениях россиян об их эффективности. В этой связи интересно оценить, насколько представления населения о возможности или невозможности получения помощи в сложной жизненной ситуации связаны с их реальным опытом обращения к тем или иным каналам. В этой связи важно прежде всего выделить те домохозяйства, которые, по их самооценке, оказывались в трудной жизненной ситуации в течение последних двух–трех лет. Данные показывают, что таких домохозяйств достаточно много: более трети домохозяйств или отдельных их членов подтверждают, что они оказывались в подобных ситуациях в последние 2–3 года, об этом сообщили 36%. При этом половина из них оказывались в них даже неоднократно, а половина только один раз. При этом вопрос об опыте использования различных каналов задавался респондентам в отношении трудных ситуаций, когда-либо возникавших на их жизненном пути (а не только в последние 2–3 года), поэтому доля тех, кто отмечал, что не попадал в подобные ситуации, оказалась еще ниже и составила около четверти опрошенных, которые, соответственно, не были включены в дальнейший анализ. Среди тех, кто когда-либо оказывался в сложной жизненной ситуации, картина использования различных компонент собственного социального капитала, а также обращения к тем или иным каналам выглядела следующим образом: чаще всего россияне обращались к родственникам и друзьям (66 и 53% соответственно) и в подавляющем большинстве случаев получали от них помощь. Судя по оценкам населения, родственники оказывали необходимую им помощь в 95% случаев, а друзья в 87. Что же касается обращений за помощью к различным институтам, то, судя по полученным результатам, подавляющее большинство россиян не используют подобные каналы в случае возникновения сложной жизненной ситуации: так, опыт обращения к органам власти имели только 17% из всех когда-либо попадавших в трудную жизненную ситуацию, в социальные службы – 14%, к церкви – 9%, в общественные организации – 8%, а в СМИ и Интернет менее 5%.

При этом даже среди тех, кто все-таки пытался использовать эти каналы для получения помощи, случаи успеха преобладали отнюдь не всегда: так, среди обращавшихся к органам власти, в общественные организации и в СМИ, включая Интернет, более половины требующейся им помощи не получили (см. табл. 4).

Таблица 4

**Опыт обращения за помощью в трудной жизненной ситуации
к различным каналам, 2014 г., РАНХиГС, %**

Канал	Обращались и получили помощь	Обращались и не получили помощи	Не обращались	Процент успешных обращений
К родственникам	63	4	34	95%
К друзьям	47	7	47	87%
К органам власти	7	11	83	38%
В социальные службы	8	6	86	55%
К церкви	6	3	92	68%
В общественные организации	2	6	92	23%
В СМИ и Интернет	2	3	96	34%

Что касается различий в использовании каналов получения помощи у домохозяйств, отличающихся уровнем благосостояния⁵, то анализ показывает, что качественных различий между ними не наблюдается – все они приблизительно в равной степени обращались к тем или иным каналам за помощью, хотя домохозяйства с уровнем благосостояния, не достигающим среднего, несколько чаще обращались в социальные службы (17% при 12,1% среди домохозяйств со средним уровнем благосостояния и 9% среди домохозяйств с уровнем благосостояния выше среднего).

Однако если говорить об успешности обращений за помощью, то, кроме социальных служб и церкви, все остальные каналы более эффективно использовались домохозяйствами с более высоким уровнем благосостояния. Так, помощь от общественных организаций смогли получить 16% из обратившихся к ним домохозяйств с уровнем благосостояния ниже среднего и 32% домохозяйств с уровнем благосостояния выше среднего; для обращений в СМИ и Интернет аналогичные доли составили 21 и 42% соответственно, а для обращений в органы власти – 32 и 43%. Аналогичные тенденции касаются и помощи от ближнего круга россиян (см. табл. 5).

Таблица 5

Процент успешных обращений за помощью в трудной жизненной ситуации к различным каналам у домохозяйств с различным интегральным уровнем благосостояния, 2014 г., РАНХиГС, %

Канал обращения	Уровень благосостояния		
	Низкий и ниже среднего	Средний	Выше среднего и высокий
К родственникам	92	96	98
К друзьям	82	90	93
К органам власти	32	38	43
В общественные организации	16	27	32
В социальные службы	56	55	50
В СМИ и интернет	21	38	42
К церкви	67	66	68

Полученные данные дают основание говорить, что эффективность использования социального капитала и различных каналов для выхода из трудных жизненных ситуаций различна и оказывается выше при наличии у домохозяйства и других типов ресурсов, в том числе экономических. Таким образом, социальный капитал более эффективно «работает» в связке с другими типами ресурсов, определяющих благосостояние в целом. Это отражается и в представлениях населения о том, какие каналы могли бы им помочь в сложной жизненной ситуации: уверенность в том, что они могли бы получить помощь через обращение как к своему ближнему кругу, так и к различным институтам, растет по мере повышения уровня благосостояния. Особенно ярко проявляются различия между представителями групп с различным уровнем благосостояния при оценке ими своих

⁵ Интегральная оценка благосостояния домохозяйств была произведена с использованием специально сконструированного индекса, учитывающего уровень доходов и наличие сбережений, имущественную обеспеченность и жилищные условия домохозяйств. Было получено следующее распределение домохозяйств по шкале благосостояния: низкий уровень благосостояния (16%), ниже среднего (33%), средний (32%), выше среднего (15%) и высокий уровень благосостояния (4%).

гипотетических возможностей получить помощь от органов власти. Так, 49 и 36% соответственно среди россиян с уровнем благосостояния ниже среднего с разной степенью уверенности считают, что они смогут получить помощь от органов власти (при официальном и неофициальном обращении соответственно), в то время как среди населения с уровнем благосостояния выше среднего эти доли составляют 67 и 53% соответственно.

Таблица 6

**Оценка вероятности получить помощь в трудной жизненной ситуации
из различных источников в группах с разным уровнем благосостояния,
2014 г., РАНХиГС, %**

Источник получения помощи в трудной жизненной ситуации (точно или возможно получили бы от них помощь)	Уровень благосостояния		
	Низкий и ниже среднего	Средний	Выше среднего и высокий
От родственников	94	97	97
От друзей	88	95	97
От людей, работающих в органах власти, при официальном обращении	49	58	67
От социальных служб	50	51	52
От церкви	49	51	52
От людей, работающих в органах власти, при неофициальном обращении	36	44	53
От общественных организаций	37	41	47
От средств массовой информации, включая Интернет	33	41	43

Заключение

Подведем итог. В отношении современного российского общества в целом можно говорить о невысоком, но достаточно стабильном уровне институционального доверия. Обратной стороной картины выступает, однако, тот факт, что это доверие распространяется прежде всего на институты, которые мало влияют на повседневную жизнь россиян и которые выступают скорее как парадные символы государства. Что же касается эффективности различных институтов в решении тех проблем, с какими россияне сталкиваются в повседневной жизни, то она, в оценках самого населения, невысока – полагаясь в трудных жизненных ситуациях, прежде всего на помощь своего ближнего круга, только от 3 до 10% населения точно уверены, что могут рассчитывать на помощь тех или иных институтов. Эти представления основаны, в том числе, и на личном опыте – хотя подавляющее большинство россиян не используют подобные каналы в случае возникновения сложной жизненной ситуации, но даже среди тех, кто все-таки пытается их использовать, такие стратегии не всегда оказываются эффективными: среди обращавшихся к органам власти, в общественные организации и в СМИ, включая Интернет, более половины требовавшейся им помощи так и не получили. Важно, что эффективность использования россиянами тех или иных общественных каналов в трудной жизненной ситуации оказывается выше при наличии у домохозяйства и других типов ресурсов, в том числе экономических, то есть социальный капитал как ресурс благосостояния более эффективно «работает» в связке с другими типами ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

- Белянин А.В., Зинченко В.П. (2010). Доверие в экономике и общественной жизни. М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Бурдые П. (2002). Формы капитала // *Экономическая социология*, т. 3, № 5, с. 60–74.
- Вахтина М.А. (2011). Доверие к государству как фактор повышения его эффективности // *Журнал институциональных исследований*, т. 3, № 3, с. 57–65.
- Гудков Л.Д. (2012). «Доверие» в России: смысл, функции, структура // *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*, т. 112, № 2, с. 8–47.
- Дискин И.Е. (2003). Социальный капитал в глобальной экономике // *Общественные науки и современность*, № 5, с. 150–159.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. (2015). Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // *Вестник Института социологии*, № 12, с. 79–99.
- Коулман Дж. (2001). Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*, № 3, с. 121–139.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н. (2009). Социальный капитал: теория и психологические исследования. М.: РУДН.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н. (2010). Ценности и социальный капитал как основа социально-экономического развития // *Журнал институциональных исследований*, т. 2, № 1, с. 17–34.
- Миронова А.А. (2014). Доверие, социальный капитал и субъективное благополучие индивида // *Общественные науки и современность*, № 3, с. 44–52.
- Патнэм Р. (1996). Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: AdMarginem.
- Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкин Г. С., Латова Н.В. (2009). Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // *Журнал институциональных исследований*, т. 1, № 1, с. 20–35.
- Стиглиц Дж. (2001). Quis custodiet ipsos custodes? Неудачи корпоративного управления при переходе к рынку // *Экономическая наука современной России*, № 4, с. 108–146.
- Фукуяма Ф. (1999). Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния / В кн.: Иноземцев В.Л. (ред.) Новая индустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia.
- Шихирев П.Н. (2003). Природа социального капитала: социально-психологический подход // *Общественные науки и современность*, № 2, с. 17–32.
- Beugelsdijk S. (2006). A note on the theory and measurement of trust in explaining differences in economic growth // *Cambridge Journal of Economics*, vol. 30, pp. 371–387.
- Knack S. and Keefer P. (1997). Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // *Quarterly Journal of Economics*, № 112 (4), pp. 1251–1288.
- Putnam R. (2000). *Bowling Alone – The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
- Woolcock M. (2001). The Place of Social Capital in Understanding Social and Economic Outcomes // *ISUMA Canadian Journal of Policy Research*, № 2, pp. 11–17.
- Zak P. and Knack S. (2001). Trust and growth // *Economic Journal*, vol. 111, pp. 295–321.

REFERENCES

- Belyanin A.V. and Zinchenko V.P. (2010). Trust in the Economy and Public Life. Moscow: Fund «Liberal Mission» Publ. (In Russian.)
- Bourdieu, P. (2002). The Forms of Capital. *Economic Sociology*, vol. 3, no. 5, pp. 60–74. (In Russian.)
- Coleman J. (2001). Social Capital and Human Capital. *Social Studies and Modernity*, no. 3, pp. 121–139. (In Russian.)

Diskin I.E. (2003). Social Capital in the Global Economy. *Social Studies and Modernity*, no. 5, pp. 150–159. (In Russian.)

Fukuyama F. (1999). Trust: the Social Virtues and the Creation of Prosperity / In: Inozemtsev V.L. (ed.) *The New Industrial Wave in the West*. Anthology. Moscow: Academia Publ. (In Russian.)

Gudkov L.D. (2012). «Trust» in Russia: Meaning, Functions, Structure. *Herald of Public Opinion: Data. Analysis. Discussion*, vol. 112, no. 2, pp. 8–47. (In Russian.)

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2015). Political Trust in Russia: Peculiarities and the Problem of Optimality. *Bulletin of the Institute of Sociology*, no. 12, pp. 79–99. (In Russian.)

Lebedeva N.M. and Tatarko A.N. (2009). Social Capital: Theory and Psychological Research. Moscow: People's Friendship University Publ. (In Russian.)

Lebedeva N.M. and Tatarko A.N. (2010). Values and Social Capital as a Basis for Socio-Economic Development. *Journal of Institutional Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 17–34. (In Russian.)

Mironova A.A. (2014). Trust, Social Capital, and Subjective Well-being of the Individual. *Social Studies and Modernity*, no. 3, pp. 44–52. (In Russian.)

Putnam R. (1996). *Making Democracy Work*. Civic Traditions in Modern Italy. Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russian.)

Sasaki M., Davydenko V.A., Latov J.V., Romachkin G.S. and Latova N.V. (2009). Problems and Paradoxes of Analysis of Institutional Trust as an Element of Social Capital of Modern Russia. *Journal of Institutional Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 20–35. (In Russian.)

Shihirev P.N. (2003). Nature of Social Capital: Socio-Psychological Approach. *Social studies and Modernity*, no. 2, pp. 17–32. (In Russian.)

Stiglitz J. (2001). Quiscustodietipsoscustodes? The Failure of Corporate Governance in Transition to Market Economy. *Economic Science of Modern Russia*, no. 4, pp. 108–146. (In Russian.)

Vakhtina M.A. (2011). The Credibility of the State as a Factor in Increasing its Efficiency. *Journal of Institutional Studies*, vol. 3, no. 3, pp. 57–65. (In Russian.)

Beugelsdijk S. (2006). A note on the theory and measurement of trust in explaining differences in economic growth. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 30, pp. 371–387.

Knack S. and Keefer P. (1997). Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, no. 112 (4), pp. 1251–1288.

Putnam R. (2000). *Bowling Alone – The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.

Woolcock M. (2001). The Place of Social Capital in Understanding Social and Economic Outcomes. *ISUMA Canadian Journal of Policy Research*, no. 2, pp. 11–17.

Zak P. and Knack S. (2001). Trust and growth. *Economic Journal*, vol. 111, pp. 295–321.

ТРУДОЦЕНТРИЗМ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ: ПРЕДЕЛЫ ТРУДОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА¹

Т.Ю. СИДОРИНА,

доктор философских наук,
профессор Школы философии факультета гуманитарных наук, ординарный профессор
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия,
e-mail: tsidorina@hse.ru;

Н.И. ИЩЕНКО,

кандидат философских наук, доцент
Школы философии факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия,
e-mail: natalie.ishchenko@gmail.com

Отношение к труду эволюционировало в ходе истории: труд пережил периоды презрительного отношения, поклонения, восхищения и отчуждения. К чему пришло трудящееся человечество на рубеже XX–XXI столетий? С одной стороны, «кризис труда в его классическом понимании», с другой – трудоцентризм и его следствие – трудоголизм. Работа изо дня в день, без пределов и остановок, работа любимая, но изматывающая, в погоне за карьерой, обогащением, успехом – все это делает сложившуюся ситуацию в области труда не менее, если не более опасной, как в физическом, так и в психологическом отношении. Трудоголизм сегодня оценивается не только как негативное последствие перемен в сфере трудовых отношений, но и заболевание. Труд перестает быть тяжелым, но остается достаточно напряженным, ведет к переутомлению в условиях сверхурочной работы. Несмотря на предсказания о том, что развитие технологий приведет к увеличению свободного времени, общество становится все более трудоцентричным. Человечество страдает от недостатка свободного времени и в то же время не умеет распорядиться им. Противоречивость современной ситуации в сфере трудовых отношений проявляется в социальном иждивенчестве, усугубившемся в результате политики благосостояния и патернализма. В условиях постиндустриальной перестройки трудовой деятельности социальное иждивенчество сменяется опасностью бездействия, которую исследователи противопоставляют трудоцентризму и трудоголизму. Что определяет современное отношение к труду? Почему формируется амбивалентное восприятие труда, один из

¹ Статья подготовлена с использованием средств Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2015 году по проекту РГНФ № 13-03-00032 «Концепт „труд“ как объект социально-философского анализа: исторические трансформации».

полюсов которого – праздность и уклонение от труда, другой – трудоголизм и хроническое переутомление?

Ключевые слова: труд; общество; образ жизни; переутомление; зависимость

LABOUR CENTRISM AS A LIFESTYLE: LIMITS OF THE LABOUR'S POSSIBILITIES OF PEOPLE

TATYANA SIDORINA,

Doctor of PHILOSOPHY (DSc), Professor,
Faculty of Humanities, School of Philosophy,
Tenured Professor of the National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia,
e-mail: tsidorina@hse.ru;

NATALIA ISHCENKO,

Associate Professor,
Faculty of Humanities, School of Philosophy,
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia,
e-mail: natalie.ishchenko@gmail.com

During the history the attitude to labor has evolved: the labor has gone through the periods of contempt, worship, adoration and alienation. Where the working humankind has come at the turn of XX–XXI centuries? On the one hand, there is «the labour crisis in its classical understanding», from the other – the labourcentrism and workaholism as its consequence. Working every day, without any limits and stoppages, the beloved work, but exhausting in the pursuit of the career, enrichment, success – all this makes the situation in the labour sphere more dangerous physically and psychologically. Workaholism today is believed to be not only the negative consequence in the labour relations, but a disease. The labour stops being hard, but remains being stressful and tense enough, leads to tiredness in case of overtime work. Despite the predictions that technological development will lead to an increase of free time, the society becomes more labourcentric. Humankind suffers from the lack of free time and in the same time cannot properly use it. Inconsistency of the current situation in the field of labour shows itself in social dependency enhanced by the results of the welfare and paternalism politics. In conditions of the postindustrial labor transformation the social dependence is replaced by the danger of inactivity, with which investigators contrast labourcentrism and workaholism. What defines the contemporary attitude to labour? Why the ambivalent perception of labour is being formed, one of the pole of which is idleness and evasion of work, and other is workaholism and chronic overwork?

Keywords: labour; society; overwork culture; lifestyle; dependence

JEL classifications: J23, J24, J28

Трудоцентризм как образ жизни

Вопрос о труде и его тяготах обрел в XXI веке несколько ракурсов рассмотрения.

В современных условиях изменяется вектор целенаправленности труда. Освобождаясь от тягот физического труда, усугублявшихся его принудительностью, отсутствием выбора и степеней свободы, современный человек обнаруживает в своей деятельности значительную привлекательность.

Сегодня многое свидетельствует о том, что люди ценят работу за удовлетворение, ощущение полноты жизни, которое она им приносит. Постиндустриальная перспектива предлагает спектр новых профессий. Однако, как оказалось, на смену тяготам индустриального труда приходят перегрузки другого рода. Труд перестает быть тяжелым, но остается достаточно напряженным, ведет к переутомлению в условиях сверхурочной работы. Несмотря на предсказания о том, что развитие технологий приведет к увеличению свободного времени, расширению досуговых практик, общество становится все более трудоцентричным.

В 2003 году британская журналистка Мадлен Бантинг провела исследование причин трудоцентризма, в котором за основу было принято предположение, что особенностью индивидуального существования сегодня становится понимание работы как смыслообразующего ядра человеческой жизни.

Среди факторов, определяющих современную ситуацию в сфере труда, Бантинг выделила следующие:

- снижение роли семейных, социальных и политических институций в обществе компенсировалось растущей ролью занятости, которая отныне становится центральной жизненной категорией;
- характер работы меняется, она требует приложения все больших усилий и времени, что в конечном итоге приводит к тому, что «сердцем» человеческой жизни становится офис;
- корпорации изобретают особые техники воздействия на человека с целью заставить его посвящать всего себя работе. Организации, ориентируясь на культурный контекст, предлагают человеку в работе обрести все то, что он ищет (*Bunting, 2004. P. 13*).

Если работа приобрела такие масштабы, что ее границы совпали с границами жизни как таковой, означает ли это, что данный образ жизни в большей мере соответствует природе человека? Иными словами, счастлив ли он в этих условиях, находит ли в этом осуществление своей «самости»? Бантинг говорит решительное «нет», подкрепляя его статистическим материалом и весьма яркими фрагментами бесед с участниками опроса. Именно в этом-то, согласно Бантинг, и заключается самое большое противоречие способа существования человека в XXI веке: человек направляет свои время и силы на то, что вовсе не делает его счастливым (*Bunting, 2004. P. 117*).

В обследовании принимали участие жители Великобритании, в основном представители среднего класса, принадлежащие к так называемой *overworkculture*. Изнурительная работа, состоящая, как правило, в выполнении однообразных операций, переработки, отсутствие досуга, постоянные стрессы и прочие негативные следствия такого положения дел были осознаны большинством из участников проекта (*Bunting, 2004. P. 147*).

В основном на вопрос, зачем работает человек, был получен ответ – «ради денег». Тот, кому нужны деньги, готов работать дольше, поскольку за большее количество часов он получит больше денег. Если мы посмотрим на экономическую зависимость полезности (в данном случае размер заработной платы) от времени (то есть от количества отработанных часов), то увидим, что с каждой дополнительной единицей времени полезность возрастает (но, разумеется, до определенной точки, когда деньги по ценности уже выравниваются с ценностью свободного вре-

мени). Таким образом, можно заметить, что дополнительные часы работы приносят возрастающую прибыль, этим фактом и можно объяснить, что примерно 1,6 млн работников в Британии помимо своей 48-часовой рабочей недели работают еще дополнительные часы (*Bunting, 2004. P. 148*).

Еще одним из факторов заинтересованности в работе является стремление к карьерному росту. Чтобы продвинуться по карьерной лестнице, каждому следующему поколению приходится прикладывать больше усилий, так как благодаря тому, что родители пытаются обеспечить своим детям лучшую, нежели у них, подготовку, квалификация работников возрастает, и для того чтобы подняться в должности, нужно иметь солидный багаж знаний. Причем теперь заработная плата оценивается не по тому, насколько она удовлетворяет потребностям, а по сравнению с заработком остальных членов общества.

Объяснением того факта, почему семьи со средним достатком работают сверхурочно, является желание приобрести вещи более высокого статуса (хорошую видеоаппаратуру, украшения и т.п.). Статистические данные показывают, как сильно возросло количество кредитов, которые берет средний класс. Потребности общества задаются не реальными нуждами, а рекламой, средствами массовой информации, модой, что увеличивает количество «необходимых» товаров, заставляя членов общества увеличивать расходы.

Вследствие постоянно возрастающего стимулирования потребительского интереса потребление начинает подменять общечеловеческие ценности, такие как свобода, самореализация и многие другие. Общество делится на потребителей и работников, причем в разное время те или иные индивиды относятся к тому или иному классу. Человек теперь зарабатывает деньги не для того, чтобы выжить, он работает для того, чтобы потреблять. Низкооплачиваемая работа все больше презирается обществом, поскольку не может обеспечить средства для потребления и к ней стараются не прибегать.

Согласно Бантинг в последнее время религиозные аргументы (как например, протестантские ценности, о которых писал М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма»), которые стимулировали работника трудиться, не функционируют (*Вебер, 1990*).

Как следствие, взамен утраченного, появляются другие стимулы. В 1980-х годах возникает тенденция оправдывать труд как средство для утверждения своего социального статуса, обретения счастья и благополучия. «Работа и благополучие тесно связаны» – так может быть сформулирован девиз того времени. Проводилась активная реклама работы, в которой она представлялась единственным средством достижения благополучия, причем работа рассматривалась не только как средство индивидуального благополучия, но и общественно полезное занятие, приносящее выгоду обществу в целом.

Вместе с тем ценность работы, то есть затраченного времени и затраченных усилий, измеряется не только в деньгах. В современном мире модно быть занятым. Статистика показывает, что значительное число британцев и американцев среднего класса на работу тратят больше сил и времени, нежели представители малообеспеченных слоев общества. Объяснение очень просто: если вы состоявшийся человек, то вам должна нравиться ваша работа, причем настолько, что вы просто не хотите бросать свое занятие и «с удовольствием» работаете дополнительные часы после основного рабочего времени. Работая сверх нормы, человек показывает, что он вполне доволен своей жизнью и своим занятием. Как следствие, далеко не все работающие сверхурочно получают за это дополнительную оплату.

Подводя итоги, М. Бантинг пишет, что XX век, век индустриализации и масштабного производства, прошел под знаменем труда; труд рассматривался как основная деятельность человека, как то, что полностью обеспечивает его жизнедеятельность и

существование. В XXI веке отношение к труду меняется, хотя работы в жизни человека не стало меньше. Теперь работа рассматривается как основной источник социализации человека – в работе происходит его самореализация. Удовлетворенность человека работой показывает его успешность в жизни (*Bunting, 2004. P. 148*).

Итак, что же определяет современное отношение к труду? Почему формируется амбивалентное восприятие труда, один из полюсов которого – праздность и уклонение от труда, другой – трудоголизм и хроническое переутомление?

Трудоголизм: достоинство или недостаток?

В XX веке человечество столкнулось с новым заболеванием – трудоголизмом. Надо полагать, что это заболевание встречалось и в прошлом, однако в XX веке оно приобретает массовый характер. При всем уважении к человеческому труду и людям труда, трудоголизм сегодня представляет скорее негативную сторону трудовых отношений. Исследователи (медики, психологи, социологи) задаются вопросом: каковы пределы трудовых возможностей человека? Среди негативных последствий избыточной занятости – трудовые заболевания. Кто виноват, что человек оказывается в пагубной зависимости от труда? Сам человек, бизнес или государство в лице социальной политики, допускающие просчеты в области организации досуга?

«Очень трудно дать адекватную характеристику человека или народа с сильной трудовой этикой в строго утилитарных терминах традиционной либеральной экономики, – пишет американский философ и политолог Ф. Фукуяма. – Возьмем современную личность «типа А» – ревностного в работе юриста, или работника руководства корпорации, или японского «человека зарплаты», работающего на конкурентоспособную японскую транснациональную корпорацию. Такие люди запросто могут работать семьдесят–восемьдесят часов в неделю, с редкими и короткими отпусками, продвигаясь по карьерной лестнице. Они могут получать зарплату весьма высокую по сравнению с теми, кто трудится не с такой отдачей, но усердие, с которым они работают, не связано строго с получаемой платой. На самом деле в строго утилитарных терминах их поведение иррационально: они так много работают, что из-за нехватки свободного времени не способны воспользоваться своими деньгами; они не могут насладиться ленью, поскольку таковой у них не имеется, и они в процессе работы разрушают свое здоровье и перспективы комфортабельного житья на пенсии, поскольку вряд ли до нее доживут. Можно возразить, что такие люди работают ради своей семьи или ради будущих поколений, и это, несомненно, дает какой-то мотив, но большинство «трудоголиков» почти не видят своих детей и так одержимы карьерой, что семейная жизнь слишком часто от этого страдает. Причина, по которой они работают так усердно, только частично связана с материальным вознаграждением: совершенно ясно, что они получают удовольствие от самой работы или от статуса и признания, которые эта работа им дает. Их ощущение собственной ценности связано с тем, насколько усердно и умело делают они свою работу, насколько быстро продвигаются по служебной лестнице, и с уважением, которое они получают от других. Даже материальному имуществу они радуются более ради репутации, которую это имущество дает, чем благодаря фактическому использованию этой собственности, поскольку у них слишком мало времени на последнее» (*Фукуяма, 2010*).

Трудоголизм признается как форма зависимости, в результате которой человек не может комфортно себя чувствовать вне работы, не может переключаться, к примеру, на семейную жизнь или на отдых после работы. Трудоголизм как зависимость аналогичен алкогольной, наркотической или игровой зависимостям. Отличие от алкогольной и наркотической зависимости состоит в том, что трудоголизм не инспирирован химическими веществами, попадающими в кровь извне.

Трудоголизм в первую очередь психологическая зависимость. Развиваться он может по двум основным причинам: а) когда человек неспособен устроить свою лич-

ную жизнь, найти себе занятие по душе. Такие люди буквально вынуждены спасаться бегством от жизненной пустоты в работе, где, в случае удачного выполнения задания, работник получает поощрение; б) из-за диктата общества, который возводит внеурочную работу в ранг чего-то положительного и естественного.

В целом можно отметить, что количество часов, которые человек проводит на работе в XX веке, значительно превышает количество часов, которое тратил на работу средневековый крестьянин. Трудоголизм – это болезнь, которая разрушает человека как физически (болезни мозга, сердечно-сосудистой системы, позвоночника), так и психологически (депрессии, неврозы). Подчас трудоголизм может привести к смерти, как случилось с премьер-министром Японии Кэйдзо Обути (скончавшегося в 2000 году), который за 20 месяцев своего пребывания на посту имел три выходных, а трудился более 12 часов в день. В Японии такие случаи не редкость. Существует термин «кароси», который обозначает смерть на рабочем месте, вызванную усталостью и переутомлением.

Трудоголизм становится такой значимой проблемой для общества, что во многих странах начинают приниматься меры по его предотвращению. К примеру, в Корее министерство здравоохранения отключает в офисах электричество в 18 часов, чтобы сотрудники не имели возможности работать сверхурочно (Коноров, 2009).

Исследователи предприняли попытку составить характерный портрет трудоголика:

- после рабочего дня практически невозможно переключиться на другую деятельность, голова никак не желает отключиться, переключиться на что-то еще;
- отдых теряет смысл, не дает радости и разрядки;
- трудоголик чувствует себя энергично, уверенно и самодостаточно, только работая или думая о работе;
- возникает стойкая уверенность, что настоящее удовлетворение можно испытать только на работе, все остальное – суррогат;
- если трудоголик на какое-то время оказывается незагруженным работой, то начинает чувствовать раздражение, ничем не мотивированное недовольство собой и окружающими;
- о трудоголике говорят (и не только близкие), что в быту он молчалив и мрачен, неуступчив, агрессивен. Но все это исчезает, стоит ему оказаться на работе – перед вами совершенно другой человек;
- от близости того, что какое-то дело скоро закончится, трудоголик испытывает тревогу, страх, растерянность. Чтобы спастись от этого, он сразу же начинает планировать следующие рабочие катаклизмы;
- все, что происходит вне работы, для трудоголика – безделье, лень, баловство;
- журналы, телевизионные программы, шоу развлекательного характера вызывают у трудоголика лишь раздражение;
- из-за перегрузок на работе постепенно ухудшаются отношения в семье, с близкими;
- все чаще вечерами отсутствуют сексуальные желания, трудоголик объясняет это тем, что «сегодня устал, но вот завтра...»;
- у трудоголика входит в привычку ставить перед собой явно неразрешимые цели и задачи;
- все проблемы и неудачи на работе трудоголик начинает воспринимать как личные (Евсеева, 2010; Коноров, 2009).

В результате, преодолев тяготы эксплуатации индустриальной эпохи, человек вовлекает себя в самоэксплуатацию, превращая жизнь в оформление трудового процесса. Зависимость от труда парализует человека; при этом он свято верит, что его труд необходим обществу, корпорации, государству. В большинстве своем люди не осознают, что они страдают от экспансии трудоцентризма. Они не хотят менять сложившиеся стереотипы, хотят жить так, как привыкли: современный человек держится за труд,

как раб за своего господина. По-видимому, необходимы некие кардинальные меры для преодоления подобной зависимости.

Как сохранить человеческий капитал?

Итак, в условиях постиндустриального общества труд переживает ситуацию кризиса (перспективы конца труда в его классическом понимании, проблема обеспечения занятости, в то же время – трудоцентричность, хроническое переутомление (*overwork*), и как следствие – трудоголизм).

Как сохранить человеческий капитал? Могут ли другие формы деятельности заменить трудовую активность, компенсировать то, что утрачивается в результате кризиса труда в его классической форме?

Прогнозы в области занятости и сфер деятельности человека в недалеком будущем более полувека назад были представлены авторами концепции постиндустриального общества. Д. Белл, А. Тоффлер, М. Кастель, эксперты Римского клуба предсказывали, что будущие сферы труда – это информатизация, образование, услуги, гибкие технологии... (Сидорина, 2007; Кинг, Шнайдер, 1991; Castells, 1997; Тоффлер, 2004; Тоффлер, 2009; Белл, 1999; Райх, 1999).

Человечество с восторгом и недоверием воспринимало подобные перспективы. Однако одномоментного замещения труда в его классическом понимании постиндустриальным трудом не произошло, и деятельность, которой занимаются люди, даже перестав быть исключительно физической, остается непомерно тяжелой, каждодневной, поденной, сопоставимой по сопровождающей ее усталости с трудом физическим.

Сегодня существует проблема адекватной трактовки самого понятия «труд». Этот термин применяется «для обозначения совершенно различных, в сущности кардинально противоположных форм человеческой активности, – пишет Дж. Гелбрэйт. – Труд может приносить удовольствие, чувство удовлетворения, самореализации; лишенный его человек теряет почву под ногами, чувствуя себя выброшенным из общества, впадает в депрессию или уныние. Именно такого рода труд определяет социальное положение руководителя корпорации, финансиста, поэта, ученого, телекомментатора или журналиста. Но кроме них существуют и безымянные трудящиеся массы, обреченные на монотонный, изнуряющий и унылый физический труд. Часто приходится слышать мнения о том, что хороший рабочий получает удовольствие от своего труда. Такие утверждения обычно исходят от тех, кто никогда в жизни не занимался тяжелым физическим трудом по экономической необходимости» (Galbraith, 1996. Pp. 90–91; Иноземцев, 1998. С. 209).

Таким образом, в XXI веке наряду с видами трудовой деятельности, привнесенными инновационными процессами постиндустриальной эпохи, сфера занятости включает и значительный сегмент традиционных трудовых профессий, связанных со значительными трудозатратами и тяготами изнурительного физического труда.

В этой связи совершенно оправданно возникает вопрос о сохранении человеческого капитала. Причем не только представителей физического труда, но и акторов инновационных сфер деятельности, сделавших трудоцентризм образом жизни.

Промышленный капитализм уходит в прошлое; на смену вложениям в машины и организацию труда приходит новая система накопления, основу которой представляет знание. Концепция, рассматривающая особенности эпохи, в которой эксплуатация знания является качественно преобладающей формой накопления, получила название когнитивного капитализма. В трактовке французского экономиста Б. Польре, «когнитивный капитализм следует понимать как общество знания, управляемое и организованное по капиталистическим принципам. <...> как такой вид капитализма, в котором знание является основным источником стоимости, откуда и вытекает его противопоставление капитализму промышленному» (Польре, 2008).

Одной из ключевых перемен в обществе когнитивного капитализма называют преобладание нематериального труда (Корсани, 2008).

Что понимается под нематериальным трудом? Французский социальный мыслитель А. Горц, признавая значимость нематериального труда в формирующемся обществе знания, обращается к дихотомии нематериального труда как средства накопления и нематериального труда как средства культурной трансформации и преодоления кризисных процессов современного общества: «Осознание того, что знания стали важнейшей производительной силой, вызвало перемены, подрывающие значимость ключевых экономических категорий – труд, стоимость, капитал – и указывающие на необходимость создания новой экономической теории» (Горц, 2010. С. 12).

Горц утверждает, что мы живем в переходный период, когда существует одновременно несколько способов производства. Промышленный капитализм, ориентированный на использование больших объемов овеществленного постоянного капитала все быстрее сменяется капитализмом постмодерна, для которого существенным является использование так называемого нематериального капитала («человеческий капитал», «капитал знаний» или «интеллектуальный капитал») (Горц, 2010. С. 21).

По мнению Горца, решающим фактором для эффективности новых видов труда становятся не научно-технические знания исполнителей, а их способности общаться и кооперироваться с другими, способности, относящиеся к общей культуре. В этом состоит важное различие между работниками мануфактур или заводов, управлявшихся по тейлоровской системе, и работниками эпохи постфордизма. Первые должны были отбросить свою общую культуру, умения и навыки, чтобы подчиниться отупляющему, обольщающему разделению труда с его бесконечным повторением одной и той же операции. Вторые приносят в производственный процесс весь свой культурный багаж, приобретенный в играх, командных состязаниях, конфликтах, дискуссиях, в занятиях музыкой, через участие в театральных представлениях и пр. Эта их личная сущность вовлекается в трудовой процесс и эксплуатируется (Горц, 2010. С. 26–27).

Деятельность самосоздания стала необходимой гранью всякой нематериальной трудовой деятельности, и она мобилизует те же способности и те же личные склонности, что и свободная деятельность в нерабочее время. В этом смысле можно говорить о тотальной мобилизации способностей и склонностей, включая чувства и эмоции.

Крупные фирмы стремятся превратить отношения трудового найма в отношения участия, предлагая незаменимым работникам фондовые опционы – участие в капитале и прибылях фирмы. Но чем больше труд апеллирует к дарованиям сотрудника, к его способности продуцировать самого себя, к тому, что придает ему ценность в его собственных глазах, тем больше эти способности стремятся выйти за рамки реализации лишь в пределах поставленной задачи. Работник будет постоянно стремиться доказать себе: он стоит больше. Он захочет проявить умения во внерабочей или побочной рабочей деятельности, которую будет считать самоцелью. Так, журналисты пишут книги, рисовальщики из рекламных агентств – картины, а компьютерщики проявляют виртуозность как хакеры и создатели свободных программ. Чтобы спасти хотя бы часть своей жизни от тотального утилитарного применения, «работники нематериального труда» начинают приписывать своим игровым, спортивным, культурным и общественным занятиям, в которых самосоздание является самоцелью, большую важность, чем работе.

Проблема свободного времени

В условиях перехода к экономике знаний, сокращения времени, проводимого человеком на работе, опасности утраты рабочего места и прочих характеристик современной ситуации в области занятости, возрастает значимость умения использовать образовавшееся свободное от работы время. Современное человечество не умеет эффективно использовать досуг, что является значительным упущением, поскольку досуг – это путь к обогащению человеческого капитала, именно это и востребовано

в глобальной экономике: человек должен быть вариативным, общество риска – общество неопределенности, больше умений – больше возможностей.

Немецкий философ Ф. Юнгер писал, что в эпоху технической экспансии «человек постоянно испытывает давление времени и сужающегося пространства. Подчиняясь диктату механического времени, он неизбежно стремится выиграть время, то есть какую-то меру механически отсчитанного времени, запас которого у него не безграничен и которое он поэтому вынужден экономить. Это и заставляет его конструировать новые механизмы, которые будут работать быстрее, чем уже существующие. *Мучительная тоска по свободному времени* (выделено автором – Т. С.) – чувство, характерное для каждого человека, впряженного в колесницу этой аппаратуры; однако для него так же характерна неспособность распорядиться этим свободным временем каким-либо иным способом, не связанным с его механическим отсчетом» (Юнгер, 2002. С. 113–114).

Досуг и занятия по собственному выбору суть состояния, доступные далеко не каждому. Человек, частично освобожденный от лишней работы, не обретает как следствие способность с пользой употреблять свой досуг и посвящать свободное время занятиям по собственному выбору. Досуг не равнозначен ничегонеделанью. Состояние досуга предполагает, что человек удосуживается посвятить себя духовным интересам, которые делают его жизнь содержательной и плодотворной, придают ей смысл и достоинство, именно он является источником всякого осмысленного труда. Досуг является условием всякой свободной мысли, всякой свободной деятельности, и потому лишь немногие обладают способностью к досугу. Большинство же, получив прибавку свободного времени, ни на что другое не способны, как только убивать это время.

Итак, одним из последствий отношения к труду в индустриальную эпоху стало восприятие труда как важнейшей обязанности человека, одной из его потребностей, а также формирование трудоцентризма как образа жизни. Возникший в древней культуре образ *homofaber*’а сегодня продолжает существовать в условиях культуры *overwork* (Сидорина, 2015).

Но в то же время образу *homofaber*’а, трудоцентризму и трудоголизму исследователи противопоставляют опасность бездействия, с которой сталкивается человек в условиях постиндустриальной перестройки трудовой деятельности. «Из тысячелетней привилегии элит бездеятельность, – пишет М. Маяцкий, – за один последний век стала достоянием, завоеванием и кошмаром масс. Обуздывать непокорную материю оказалось куда проще, чем заниматься эфемерным и конечным собой» (Маяцкий, 2009. С. 27).

Современный человек не знает, как потратить свободное время, как провести досуг, а досуг и праздное времяпрепровождение можно использовать именно для самосовершенствования, переобучения, приобретения новых знаний и навыков. Поглощенный трудовыми обязательствами человек не ищет спасения в проведении свободного времени, не умеет организовать свой досуг. Задача современного человечества – понять, что не только труд, но и досуг ведет к накоплению и сохранению человеческого и социального капитала.

ЛИТЕРАТУРА

- Белл Д. (1999). Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia.
- Вебер М. (1990). Наука как призвание и профессия / В кн.: Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс.
- Горц А. (2007). Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний // *Логос*, № 4.
- Горц А. (2010). Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом ВШЭ: Экономика.
- Евсеева Е. (2010). Трудоголики рискуют жизнью // *Труд*, № 120, 6 июля (http://www.trud.ru/article/06-07-010/245797_trudogoliki_riskujut_zhiznju.html).

Иноземцев В.Л. (1998). За пределами экономического общества. М.: Akademia-Nauka.

Кинг А., Шнайдер Б. (1991). Первая глобальная революция. М.: Прогресс-Пангея.

Коноров Ф. (2009). Трудоголизм // Федор Коноров, 18 декабря (<http://fedorkonorov.ru/2009/12/18/trudogolizm/>).

Корсани А. (2008). Тотальное проникновение. Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм // *Политический журнал*, № 2 (<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=7919&issue=213>).

Маяцкий М. (2009). Курорт Европа: эссе. М.: АдМаргинем Пресс.

Польре Б. (2008). Когнитивный капитализм на марше // *Политический журнал*, № 2 (<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=7917&issue=213>).

Райх Р. (1999). Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века / В кн.: *Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология*. М.: Academia.

Сидорина Т.Ю. (2015). Номофабер как символ эпохи труда // *Вопросы философии*, № 3.

Сидорина Т.Ю. (2007). Человек и его работа: из прошлого в информационную эпоху // *Общественные науки и современность*, № 3.

Тоффлер Э. (2004). Третья волна. М.: АСТ.

Тоффлер Э. (2009). Метаморфозы власти. М.: АСТ.

Фукуяма Ф. (2010). Конец истории или Последний человек. М.: АСТ.

Юнгер Ф. (2002). Совершенство техники. Машина и собственность. СПб.: Владимир Даль.

Bunting M. (2004). *Willing slaves: how the overwork culture is ruling our lives*. L.: Harper Collins.

Castells M. (1996–1997). *The Information Ages: Economy, Society, & Culture*. L.: Blackwell Publishers.

Galbraith J.K. (1996). *The Good Society: The Human Agenda*. Boston; N.Y.: Houghton Mifflin Company.

REFERENCES

Bell D. (1999). Grjadushhee postindustrial'noe obshchestvo (The Coming of the Post-Industrial Society). Moscow: Akademia. (In Russian.)

Corsani A. (2008). Total'noe proniknovenie. Kapitalizm, biotekhnika i neoliberalizm. *Politicheskij zhurnal*, no. 2 (<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=7919&issue=213>). (In Russian.)

Evseeva E. (2010). Trudgoliki riskuyut zhiznyu. *Trud*, no. 120, July 6 (http://www.trud.ru/article/06-07-2010/245797_trudgoliki_riskuyut_zhiznju.html) (In Russian.)

Fukuyama F. (2010). *Konec istorii ili poslednij chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST Publ. (In Russian.)

Gorz A. (2007). Znanie, stoimost' ikapital. K kritike ehkonomiki znaniy (Knowing the cost and capital. Critique of Knowledge Economy). *Logos*, no. 4. (In Russian.)

Gorz A. (2010). Nematerial'noe. Znanie, stoimost' ikapital (Intangible. Knowledge, value and capital). Moscow: HSE Publishing House. (In Russian.)

Inozemcev V.L. (1998). Za predelami ehkonomicheskogo obshchestva. Moscow: Akademia-Nauka. (In Russian.)

Jünger F. (2002). *Sovershenstvo tehniki. Mashina i sobstvennost'*. [Perfektion der Technik]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ. (In Russian.)

King A. and Schneider B. (1991). Pervaja global'naja revoljucija. (The First Global Revolution) Moscow: Progress-Pangeja. (In Russian.)

Konorov F. (2009). Trudogolizm. *Fedor Konorov*, December 18 (<http://fedorkonorov.ru/2009/12/18/trudogolizm/>). (In Russian.)

Majackij M. (2009). Kurort Evropa: esse. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian.)

Paulre B. (2008). Kognitivnyj kapitalizm na marshe. *Politicheskij zhurnal*, no. 2 (<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=7917&issue=213>). (In Russian.)

Reich R. (1999). Trudnacij. Gotovjas' k kapitalizmu XXI veka (The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism) / In: *Novaja postindustrial'naja volna na Zapade: Antologija*. Moscow: Academia. (In Russian.)

Sidorina T.Yu. (2007). Cheloveki ego rabota: iz proshlogo v informacionnuju jepohu. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3. (In Russian.)

Sidorina T.Yu. (2015). homo faber kak simvol ehpoxi truda. *Voprosy filosofii*, no. 3. (In Russian.)

Toffler A. (2004). *Tret'ja volna* [The Third Wave]. Moscow: AST Publ. (In Russian.)

Toffler A. (2009). *Metamorfozy vlasti* [Metamorphosis of Power]. Moscow: AST Publ. (In Russian.)

Weber M. (1990). *Nauka kak prizvanie i professiya* (Science as a Vocation) / In: *Weber M. Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress. (In Russian.)

Bunting M. (2004). *Willing slaves: how the overwork culture is ruling our lives*. L.: Harper Collins.

Castells M. (1996–1997). *The Information Ages: Economy, Society, & Culture*. L.: Blackwell Publishers.

Galbraith J.K. (1996). *The Good Society: The Human Agenda*. Boston; N.Y.: Houghton Mifflin Company.

DOI: 10.18522/2073-6606-2015-3-147-155

ON MODERN CIVIL LAW IN RUSSIA IN THE SYSTEM OF PRIVATE LAW

ALEKSANDR LUKYANTSEV,

Doctor of Law (DSc), Professor, Civil Law Department,
Honoured Worker of Science of the Russian Federation,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: Civillawfyfu@sfedu.ru

The article covers the issues of improving the civil law of the Russian Federation and its enforcement in the modern Russian market economy. The author analyses the specifics of the Concept implementation for further development of the civil law in the sphere of entrepreneurship in the Russian Federation and protective measures if the rights of participants of entrepreneurial activity are violated.

The author draws attention to the fact that some proposals on amendments to the Civil Code, affecting private as well as the public interest are deliberative in nature. It is noted that dramatic change in the substantive law did not result in timely parallel changes in the procedural forms of implementation of the legal norms. Analyzing the specifics of the civil law application in the field of economic relations, the author concludes that the absence of a clear mechanism for the protection of the subjective civil rights, even when a variety of ways such protection could take place, significantly reduces the effectiveness of the substantive law.

Regarding the structure of the judicial system the author believes that the creation of a single pyramid of judiciary will stabilize the uniformity of judicial practice in the country. However, it will require streamlining the procedures and systems of building an independent branch of the judiciary.

The article argues that the perspective should be the expansion of the practice of non-economic disputes by the courts – firsts of all, by the arbitral tribunal. In this respect, the Russian legal system faces the task to implement in legal practice of such alternative methods as mediation, conciliation, negotiation, preliminary estimate of a neutral party, settlement agreement, which were successfully applied in the economic and legal environment of foreign countries.

Keywords: civil law; abuse of the law; compensation of moral harm; the principle of full compensation of damages; legal entities; judicial protection of civil rights

JEL classifications: K10, K40

TERRA ECONOMICA 2015 Tom 13 № 3

СОВРЕМЕННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ В СИСТЕМЕ ЧАСТНОГО ПРАВА

А.А. ЛУКЬЯНЦЕВ,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: Civillawfyu@sfedu.ru

ТERRA ECONOMICUS
✧ 2015 Том 13 № 3

Статья посвящена вопросам совершенствования гражданского права и его соблюдения в современных условиях рыночной экономики. Автор анализирует особенности реализации Концепции развития гражданского законодательства в области российского предпринимательства, а также меры защиты в случае нарушения прав участников данной сферы. Автор обращает внимание на то, что некоторые предложения о внесении изменений в действующий Гражданский кодекс, затрагивающие не только частные, но и публичные интересы, имеют дискуссионный анализ. В статье отмечается, что кардинальные изменения в материальном праве не повлекли своевременного параллельного изменения в процессуальных формах реализации норм этого права. Анализируя специфику применения гражданского законодательства в сфере экономических отношений, автор приходит к выводу, что отсутствие четкого механизма защиты субъективных гражданских прав даже при разнообразии способов такой защиты значительно снижает эффективность норм материального права. В отношении структуры судебной системы автор полагает, что создание единой пирамиды судебной власти позволит стабилизировать единообразие судебной практики в стране, однако потребует упорядочения процедур и системы построения самостоятельных ветвей судебной власти. В статье аргументируется, что перспективной должна стать практика расширения экономических споров негосударственными судами, в первую очередь, третейскими. В этой связи перед российской правовой системой стоит задача внедрения в правоприменительную практику таких альтернативных способов, как медиация, примирение, переговоры, предварительная оценка нейтральной стороны, мировое соглашение, которые успешно применяются в экономико-правовой среде зарубежных стран.

Ключевые слова: гражданское право; злоупотребление правом; компенсация морального вреда; принцип полного возмещения убытков; юридические лица; судебная защита гражданских прав

Although the new Civil Code of the Russian Federation, based on the principles of private law as exemplified by the most well-known Civil Codes of France (the «Code of Napoleon» adopted in 1804) and Germany (1900), is adopted and came into effect, our scholars and practitioners continue discussions on its further advancement.

The present (the third in succession) Civil Code of the Russian Federation consists of four parts, and its scope extends its one-volume predecessor – 1964 Civil Code – threefold. It is not easy to master the entire potential of the Civil Code under the conditions of the Russian market economy. Indeed, one is not a lawyer without being a civil law scholar.

The new Civil Code of the Russian Federation is the largest codifying act with over 1500 Articles adopted after hot discussions: in 1995 – the first part, in 1996 – the second part, in 1999 – the third part, and in 2006 – the fourth part.

Unlike two previous, 1922 and 1964 Civil Codes in Russia that were built up on the principles of public law, the present Code is based on the principles of private law and is formed under the frame of modernizing the law and observing the balance between the power, market values, property and social justice.

Discussing a draft new Civil Code of the Russian Federation in the State Duma, proposals were put forward to also adopt the Economic Code. Under the conditions of Russia's transition to market relations covering all sectors of the economy, this activity is sufficiently reflected in the new Civil Code of the Russian Federation and can be supplemented with additional laws in view with its specifics.

Expediency of drafting and adopting a «Business» (or «Economic») Code along with the Civil Code were actively discussed not only in Russia but also in other CIS countries. The idea, however, was implemented only in Ukraine where both Codes were adopted by the parliament [Rada] on 23 January 2004 (see *Chaschin, 2010; Suleimanov, 2010*). One cannot help quoting the arguments of civil law scholars about the low efficiency of the «Economic Code of Ukraine» that comprises 418 Articles, and that did not reveal any advantages in modernizing the economic law in Ukraine (see *Kuznetsova, 2013*).

As for the subject of regulating civil legal matters in the Russian Federation, business law is a structural unit of the Civil Code that determines specifics of participation of individual entrepreneurs, corporate and unitary legal entities in market turnover (see *Sukhanov, 2013*).

The new Civil Code, according to a well-aimed definition by the former RF President, D. Medvedev, is called the «Economic Constitution», the basis of market relations. Perhaps, this is true. Remember, how its civil construct was carving the way in the world through heated debates – the present Code is built up only on the concept of private law.

Today's prevailing of private law in the field of economic relations means that the initiative is not restricted, and economic relations are developed more intensively; although shortcomings cannot be eliminated in a single step.

Obviously, public interest should be present in the civil law but through the embodied system of institutions, limits and rules.

Transferring public ownership assets to private property (for instance, «Rusal», «Rosneft», «Gazprom», etc.), at the same time the state did not introduce the mechanism of protecting public interests and the social rights of individuals. Only recently big business gave Russia some newly-minted billionaires: O. Deripaska, V. Potanin, R. Abramovich, with profits running into billions. Does not it infringe the public interest? At the very least, their colossal profits and the billions of revenue are subject to the same tax rate (13%), as the earnings of any worker, cleaner, loader, lecturer, small businessman that make their bread by physical or mental work.

How comes the state does not introduce progressive taxation for such super-large revenues? Here lies the public interest in the field of private business that got public ownership assets into their property.

The draft Federal Law «On Introducing Changes to the First, Second, Third and Forth Parts of the Civil Code of the Russian Federation and Some Legislative Acts of the Russian Federation» submitted to the State Duma somehow reduced the tension of civil-law discussions of its content but did not eliminate them until the final introduction of the proposed changes to the current Civil Law through the procedure of considering and adopting by the Legislative Assembly¹.

Considerable changes are proposed to Parts 1, 3, 4 of the Civil Code and to some Chapters of Part 2 of the Civil Code (to the so-called «financial transactions»). After escalated

¹ As pointed recently the Head of the State Duma Committee on Legislation, Pavel Krashennikov, over 2000 amendments on all 4 Parts of the Civil are submitted, that are divided into 10 blocks, half of which are already processed. See: (*Barshevsky, 2014*).

discussions the minimum values of the authorized capital for limited liability companies shall not be increased: the same lowest level is preserved – 10,000 RUB, which in our opinion, will facilitate a wider involvement of mid-income, self-motivated individuals in Russia to engage in business relations, who will also be given a possibility to conclude such corporate agreements as shareholding agreements.

It is justly proposed to separate legal entities into public and private ones and introduce the concepts of a “person that controls a legal entity” and “affiliation”.

It is impossible not to note a sound pattern of implementing certain provisions of the Constitution on further development of the civil law in the Russian Federation with regard to the legal status and types of legal entities, since on 1 September 2014 Chapter IV Part 1 of the Civil Code, that concerns legal entities, was corrected considerably. For instance, the Civil Code now lists in detail all legal entities that can be formed in Russia, determine their status and fully specify their possible organizational and legal forms: commercial organizations (with general legal competence), and non-commercial (with special legal competence); unitary (executive management) and corporate (collective management – general meetings, boards, etc.); two forms of shareholding companies – public and private, which, by the way, eliminates closed shareholding companies (CJSC) and superadded companies².

By far not all proposals on introducing changes to the current Civil Code are received unquestionably by civil law scholars, and sometimes to legitimize them it is even necessary to resort to help of the national leaders, especially when it touches not only private but also public interests.

An illustration to the above is a heated discussion on the content and the concept of non-profit organizations, when oppositions tried to include “foreign agents” that could also be involved in uncontrolled political activities with non-transparent financing of non-profit organizations. Obviously such an open the approach would generate possibility of uncontrolled organization of anti-political meetings and demonstrations of all sorts that insert unpredictable consequences in public mind.

A most timely and well-executed intervention in this discussion was the speech of Russian President Vladimir Putin at a meeting of the Committee on public associations devoted to the amendments to the Law on non-government organizations.

Vladimir Putin justly proposed to make activities of “foreign agents” for participating and financing non-government organizations involved in political activities in Russia transparent for civil control.

The President stated that political activity does not include activities in the field of science, culture, preventive health care and treatment, social support and security, protecting motherhood and childhood, social support to the disabled, advocating the healthy way of life, physical culture and sport, protecting animal and vegetal life, and charity. The law should not cover religious organizations, state corporations and non-governmental organizations formed by state corporations. Upon a Putin’s initiative, Russian financing of non-governmental organizations is increased threefold, from 1 billion to 3 billion RUB (see *Khamraev, Ivanov and Goryashko, 2012; Zakatnova, 2012; Shkel, 2012; Korchenkova and Goryashko, 2013; Soifer, 2013*).

Novelties to the general provisions in the Civil Code include, in particular, the category of “good faith” that is finalized in Article 1 of the Civil Code (under No. 302 Federal Law of 30.12.2012) as one of the main principles of the modern civil law; while the initial version (Article 10 of the Civil Code) prohibited, albeit not very unambiguously, abusing civil rights, particularly, exercising the right with the purpose to harm another person (the so-called “chicanery”). And what to do if the purpose is to not only inflict

² For more details on the changes with regard to legal entities in the civil law of the Russian Federation coming into force on 1st September see an interview of Boris Yamshanov with the Head of the State Duma Committee on Legislation, Pavel Krashennikov (*Yamshanov, 2014*).

harm but to pursue self-interests? Does it mean that violating this fundamental principle, now formalized in Article 1 of the Civil Code, presumes refusing judicial protection?³

The recently adopted Federal Law “On Anti-Corruption Enforcement” also will be a good support for the law executors.

So much has been written and said by top officials and in the mass media, recently and in historic retrospective about corruption that overwhelmed the Russian state (and society in general), its symptoms, reasons and consequences, and the need for a decisive and uncompromised anti-corruption efforts, that it will be difficult for us not to touch the issue.

Corruption, as a malignant tumour, afflicts the state system and distorts its vital functions. A shadow rule of bribery and nepotism (cronyism) emerges and exists in-parallel with the legitimate authorities and the rule of law, often pushing them away and suppressing. Corruption prevents establishing the rule of law and civil society, hampers economic development of the regions and Russia in general, as well as self-fulfillment of individuals, and discredit both public authorities and local self-government bodies. Bribes also deprave bribe-takers. Corruption penetrating judicial bodies and Courts has the most severe consequences.

The scope of this paper does not allow to highlight all major novelties and changes to the Civil Code, analyze their efficiency and predict an early closing of discussions on modernizing RF civil law, but it should not be a matter of disappointment, since everything is ahead: in 2014 autumn semester the Civil Law Department, opens an MA programme with in-depth studies of the main provisions and scientific concepts of civil and business law including special courses on the pressing issues of their enforcement. As put nicely by an ancient philosopher and legal theorist Seneca, one cannot be a lawyer without being a civil law scholar.

Another important problem of Russian civil law cannot go unnoticed: executing fundamental changes in substantive civil law and building up efficient procedural remedies for the rules of substantive law that correspond to such changes.

Russian judicial system, led by the “three-headed serpent”, has always been “a household name” for many civil law scholars who discussed it at various conferences. It is understandable since Lenin’s definition that “the law is nothing without an apparatus the purpose of which is to enforce the law” is also true in our legal reality: the actual burden (the number of considered cases) per judge in Russia has increased more than twofold.

Sprawling judicial branch into three federal parts, organizationally independent from each other (under Articles 125, 126 of RF Constitution), led to an excessive spreading, primarily, of the Courts of general jurisdiction subordinate to the Supreme Court of the Russian Federation, the structure of which does not match the system of Arbitration Courts subordinate to the Supreme Arbitration Court. It does not always encourage uniformity in applying the norms of substantive law and sometimes requires corrections of their work by the Constitutional Court (for instance, in the disputes on reclamation of property from a good-faith purchaser applying the provisions on the consequences of invalidity of legal transactions under Articles 167, 302 of the Civil Code; in investigating claims on compensating moral damages to legal entities under Article 152 and in other cases).

Under the framework of the concept of developing the judicial system, reputable civil law scholars pointed out that there must not be provisions, which prevent uniformity of the standards of arbitration and civil proceedings, establishing the procedures for considering civil cases of common nature at Courts of general jurisdiction and Arbitration Courts.

³ Scholars participating in the Interregional Round Table on civil law in Krasnodar on 13 March 2013 under the “Modernization of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation: Problems and Prospects” Programme reasonably referred to this circumstance: Lukyantsev (2013), Kamyshevsky (2013), Tsybulenko (2013), Mareev (2013).

Self-sufficiency and independence of these Courts from each other allow them to actively intervene into other jurisdictions, ignoring the legal norms on delineating jurisdictions over civil cases. The emphasis on the number of Court instances for reconsidering judicial acts to the detriment of the quality of the administration of justice is the main shortcoming of the system of general jurisdiction Courts.

Based on these considerations, on 7th October 2013 President Putin introduced the draft Law “On the Supreme Court and the Prosecutor’s office” with amendments to the Constitution to the State Duma, that excludes mentioning Arbitration Courts in the Constitution and establishes the single Supreme Court.

The President of the Russian Federation put forward an initiative, supported by the Federal Assembly – the Parliament of the Russian Federation, to launch the reform of judicial administration in Russia. The Supreme Arbitration Court of the Russian Federation will be consolidated with the Supreme Court of the Russian Federation, while arbitration procedural law is excluded from the constitutional competence of the Russian Federation. The “new” Supreme Court of the Russian Federation shall be the supreme judicial body, in particular, on economic disputes (see the new version of Article 126 of the Constitution of the Russian Federation).

A natural question is: what will happen with Arbitration Cassation Courts (Federal District Arbitration Courts), Arbitration Appeal Courts and Arbitration Courts of the constituent territories of the Russian Federation? The question concerns not only judges of all above Courts, whose personal professional careers depend on the solution to an issue, but also everybody involved in any extent in resolving economic disputes. Another natural question is: what will be a better approach of the law-makers to the above Arbitration Courts and – in a broader sense – what is a better approach to develop judicial settlements of economic disputes?

Perhaps, predicting what will happen with Arbitration Courts of the subjects of the Russian Federation is pretty easy. These Arbitration Courts will be most likely consolidated with the general jurisdiction Courts of the relevant subjects of the Russian Federation. In our opinion, however, specialized benches should be formed on the basis of the abolished Arbitration Courts of RF subjects at the general jurisdiction Courts of the relevant RF subjects to resolve economic disputes. Such benches should exercise the role of First Instance Courts on economic disputes.

It seems that it is more difficult to predict what will happen with Arbitration Cassation Courts and Arbitration Appeal Courts. These Arbitration Courts can even be completely liquidated – reassigning their judges to the general jurisdiction Courts of the relevant RF subjects. What should the law-makers do with Arbitration Cassation Courts and Arbitration Appeal Courts? We believe that Arbitration Cassation Courts and Arbitration Appeal Courts should be transformed into specialized cassation and appeal benches on economic disputes. Formally, they can belong to the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. Such specialized benches can exercise the role of Appeal Courts and Cassation Courts for resolving economic disputes.

The current reform of judicial administration in Russia objectively is associated with considerable risks; primarily the risk of losing the intellectual potential of the system of Arbitration Courts in case of rubber-stamp merging with general jurisdiction courts. Economic disputes are characterized by a significant specifics, and “farming” them to the judges of present general jurisdiction courts can considerably decrease the quality of the administering of justice (expressed, first of all, in legitimacy and reasonableness of judicial acts as well as administration of justice within reasonable periods). If economic disputes are in competence of District (Town) Courts of general jurisdiction (as Courts of First Instance), apart from bureaucratic delays, plaintiffs will experience additional difficulties when determining jurisdiction over the case subject matter to a particular district (town) Court, especially in the towns with complicated district division.

Also, it will be more difficult for seconded plaintiffs' representatives to get to the seat of judgment (Arbitration Courts were located in the capital cities of the RF subjects).

It seems that the described idea on transforming Arbitration Courts in specialized benches for solving economic disputes enables minimizing the majority of claims associated with the current reform of judicial administration in Russia.

In our opinion, the practice of solving economic disputes by non-state Courts, first of all – arbitral tribunals, should be very promising. Russian legal system also faces the task to implement in the law enforcement practice the advantages of other alternative methods in every possible way, such as mediation (factoring), reconciliation, negotiations, ex-ante assessment of a neutral party, amicable settlement, successfully used in economic sphere in foreign countries.

An attempt of Russian law-makers to regulate out-of-court settlement – mediation, in order to relieve general jurisdiction courts from excessive number of judicial cases through alternative procedures has not generated any significant results yet (just yet!) in spite of the Federal Law “On an Alternative Settlement Procedure with Intermediaries (the Mediation Procedure)” came into force on 1st January 2011. For instance, a member of the Parliament, Mikhail Kapur thinks that “to achieve the goal, conditions should be created in Russia for settlement arrangements, and their advantages must be advocated” (*Kapur, 2012*).

According to a fair observation of professor Nosyreva, “alternative dispute resolution becomes a trend in general legal development; any rule-of-law state must encourage one's desire to adjusting disputes by peaceful methods and support it by establishing legitimate, accessible and simple procedures” (*Nosyreva, 2005*).

Recently some other civil law scholars also emphasized the importance of expanding alternative means of resolving civil law disputes and methods of their out-of-court settlement using reconciliations or other lawful procedures based on a voluntary declaration of intent by the parties (see *Stankevich and Korotkii, 2012; Rozhkova, 2011*).

The author, who for many years has been a member of the Permanent Arbitration Tribunal, at the Chamber of Commerce and Industry of the Rostov region, would like to join the club.

Recently the Ministry of Justice devised a draft Law “On Arbitration Tribunals and Arbitrage”, providing for a possibility to form arbitration tribunals only as of non-governmental organizations and upon a permission by the Commission at the Ministry of Justice of the Russian Federation See (*Titov, 2014*).

The concept of “mediation” comes from Latin “mediare” – moderate, which means negotiations with involvement of the third, neutral party interested only in the parties solving the dispute with the maximum benefits for each other. The institution of mediation is designed to unburden the judicial system and has been used very effectively in such countries as the USA, Germany, the UK, China, Korea, Japan, India, etc.

We believe that in Russia this institution also should develop successfully in view of the foreign experience and effective employment in the field of civil-law relations built under the private law system (see *Denisenko, 2013*).

It is to be noted that recently Courts apply mediation widely through the instrument of amicable settlement. “Reconciliation and mediation rooms” are used by Courts in Rostov, Volgograd, Moscow, Kaliningrad and other cities, and more than 25 regional reconciliation centres are already in place in various industries across Russia (*Shishkova, 2014*).

REFERENCES

- Barshevsky M.* (2014). Not a private matter. The new Civil Code is half-ready. *Rossiyskaya gazeta*, no. 6305 (33), 13 February (<http://www.rg.ru/2014/02/13/gk.html>). (In Russian.)
- Bazyuk M.* (2012). Lowering forfeit under the new rules. What should debtors and creditors expect from Courts. *Corporate Lawyer*, no. 4, p. 34. (In Russian.)

Bezvenko R. (2012). Circumstances not directly related to the consequences of breaching obligations should not be taken into account. *Corporate Lawyer*, no. 4, p. 43. (In Russian.)

Chaschin A. (2010). Systematizing the law as a method of its development. Moscow. (In Russian.)

Denisenko E. (2013). Mediation as a special phenomenon and a legal institution (a theoretical-legal aspect). *Science and Education: Business and Economy; Entrepreneurship; Law and Administration*. Research-to-Practice Journal, no. 12(43), pp. 112–116. (In Russian.)

Gavrilov E. (2012). On Forfeit Penalty. *Economy and Law*, no. 10, pp. 30–35. (In Russian.)

Kamyshansky V. (2013). On Modernizing the Civil Law and Legal Nihilism / In: *Pressing Issues of the Civil Law*: Collection of articles from the Interregional Round Table on civil law in Krasnodar on 13 March 2013 under the «Modernization of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation: Problems and Prospects» Programme, March 13. Krasnodar: University of the Ministry of Interior, pp. 8–11. (In Russian.)

Kapur M. (2012). Reaching an agreement is easier than going to Court. *Parliamentskaya gazeta*, no. 16, April 27, p. 5. (In Russian.)

Khamraev V., Ivanov M. and Goryashko S. (2012). NGOs set a Presidential framework. *Kommersant*, no.125, July 11. (In Russian.)

Korchenkova N. and Goryashko S. (2013). NGOs found a new front of work. *Kommersant*, no. 189, October, 16. (In Russian.)

Kuznetsova N. (2013). Systematizing business (economic) law: experience, problems, prospects / In: *Civil Law and Modernity* (Collection of articles dedicated to the memory of M. Braginsky). Moscow: Status Publ., pp. 81–97. (In Russian.)

Lukyantsev A. (2013). On Good Faith Possession and Abuse of Rights in the Civil Code of the Russian Federation / In: *Pressing Issues of the Civil Law*: Collection of articles from the Interregional Round Table on civil law in Krasnodar on 13 March 2013 under the «Modernization of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation: Problems and Prospects» Programme, March 13. Krasnodar: University of the Ministry of Interior, pp. 12–14. (In Russian.)

Mareev Yu. (2013). On Good Faith in Russian and German Civil Law / In: *Pressing Issues of the Civil Law*: Collection of articles from the Interregional Round Table on civil law in Krasnodar on 13 March 2013 under the «Modernization of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation: Problems and Prospects» Programme, March 13. Krasnodar: University of the Ministry of Interior, pp. 16–19. (In Russian.)

Nosyreva E. (2005). Alternative settlement of legal disputes in the USA. Moscow, pp. 8–9. (In Russian.)

Pushkarskaya A. and Pleshanova O. (2009). Orientation towards superior authorities destroys public justice. *Kommersant*, no. 191, October 14. (In Russian.)

Rozhkova M. (2011). An enquiry to the Constitutional Court of the Russian Federation: is arbitration tribunal a judicial body and can it solve disputes on property rights. *Economy and Law*, no. 4, pp. 65–70. (In Russian.)

Rozhkova M. (2011). An enquiry to the Constitutional Court of the Russian Federation: is arbitration tribunal a judicial body and can it solve disputes on property rights. *Economy and Law*, no. 4, pp. 65–70. (In Russian.)

Shishkova A. (2014). Let's reach an arrangement amicably. *Rossiyskaya gazeta*, no. 138 (6410), June 24. (In Russian.)

Shkel T. (2012). How are you to be called now? *Rossiyskaya gazeta*, no. 154, July 9. (In Russian.)

Soifer T. (2013). A concept of non-profit organizations in Russian civil law. The author's summary of a dissertation for an advanced doctorate degree. Moscow. (In Russian.)

Stankevich K. and Korotkii F. (2012). Some issues of using alternative methods of settlements of legal disputes in the field of economic activities. *Civil Law Proceedings of Kuban State University*. Krasnodar, pp. 201–208. (In Russian.)

Sukhanov E. (2013). Corporate law. The concept and types of corporations in foreign and Russian law. *Economy and Law*, no. 4, pp. 3–23. (In Russian.)

Suleimanov M. (2010). Business (Commercial) Code: improvement of the legislative system or its collapse? *Lawyer*, no. 11, pp. 12–20. (In Russian.)

Titov S. (2014). Oligarchs go at Courts. *Vedomosti*, 21 February. (In Russian.)

Tsybulenko Z. (2013). Some Novelties in the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation / In: *Pressing Issues of the Civil Law*: Collection of articles from the Interregional Round Table on civil law in Krasnodar on 13 March 2013 under the «Modernization of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation: Problems and Prospects» Programme, March 13. Krasnodar: University of the Ministry of Interior, pp. 6–8). (In Russian.)

Yamshanov B. (2014). Interview of with the Head of the State Duma Committee on Legislation, Pavel Krashennikov, Romance with a legal entity. *Rossiyskaya gazeta*, July 29. (In Russian.)

Zakatnova A. (2012). Senators counted agents. *Rossiyskaya gazeta*, no. 156, July 11. (In Russian.)

Zakatnova A. (2012). Senators have counted the agents. *Rossiyskaya gazeta*, no. 156, July 11. (In Russian.)

Zorkin V. (2013). The law under the conditions of global changes. Moscow: Norma Publ. (In Russian.)

ДЖ. МЭЙНСТРИНГ,
эсквайр и протоинституционалист
(1883–1967)

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ОДИН ЭКОНОМИСТ ДВУХ ПОЛИТИКОВ ПРОКОРМИЛ

Известный зарубежный младоинституционалист Джон У. МЭЙНСТРИНГ был по образованию славистом, и особенно ценил творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина. Публикуемая ниже переработанная им повесть русского классика позволила привлечь внимание многих экономистов к актуальным аспектам институциональной теории.

Перевод с английского – Анфим Кандопожский

J. MEINSTRING,
Esquire and proto-institutionalist
(1883–1967)

HOW ONE ECONOMIST FEED TWO POLITICIANS

Famous foreign early institutionalist J.W. Meinstring has taught Slavistic studies, and especially held in high regard the works of M. Saltykov-Shchedrin. A tale by the Russian classic was rewritten by Meinstring to attract the attention of economists to the important issues of the institutional theory.

Translated by Anfim Kandopozhskiy

Жили да были два политика, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени по щучьему велению очутились на необитаемом острове¹.

Служили политики всю жизнь по политической линии; там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали². Даже слов никаких не знали, кроме обращенных к начальству: «Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности»³.

Как упразднили политическую линию за ненужностью⁴, так и выпустили политиков на волю. Оставшись за штатом, поселились они в Питсбурге, на разных квартирах, имели каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове⁵, проснулись и видят: оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними и не случилось. Но вдруг:

– Господи! Да что ж это такое! Где мы! – вскрикнули оба не своим голосом. И стали друг друга ощупывать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая оказия. Од-

¹ Дж. Мэйнстринг недолго любил институт политики (здесь и далее примеч. переводчика).

² Этот тезис долго оспаривался политологами.

³ Намек Мэйнстринга на служилый статус профессиональных политиков.

⁴ Во времена Мэйнстринга политика уступала место институциональным формам.

⁵ Идеальное место, по мнению Мэйнстринга, для политологов.

нако, как ни старались уверить себя, что все это не больше как сновидение, пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними с одной стороны расстилалось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось все то же безграничное море. Заплакали политики в первый раз после того, как закрыли политику.

Стали они друг друга рассматривать и увидели, что оба в ночных рубашках, а на шеях у них висит по ордену.

– Теперь бы кофейку испить хорошо! – молвил политик правой ориентации, но вспомнил, какая с ним неслыханная штука случилась, и во второй раз заплакал.

– Что же мы будем, однако, делать? – продолжал он сквозь слезы, – ежели теперича доклад написать – какая польза из этого выйдет?

– Вот что, – отвечал политик левой ориентации, – подите вы на запад, а я пойду на восток⁶, а к вечеру опять на этом месте сойдемся; может быть, что-нибудь и найдем.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как начальник однажды говорил: «Если хочешь сыскать восток, то встань глазами на север, и в правой руке получишь искомое». Начали искать севера, становились так и сяк, перепробовали все страны света, но так как всю жизнь служили в политике, то ничего не нашли.

– Вот что, вы пойдите направо, а я налево; этак-то лучше будет! – сказал один из них. Сказано – сделано. Пошел правый политик направо и видит – растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет политик достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть – ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришел политик правого толка к ручью, видит: рыба там, словно в садке, так и кишит, и кишит.

Зашел правый политик в лес справа – а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают.

– Господи! Еды-то! Еды-то! – сказал политик, почувствовав, что его уже начинает тошнить⁷.

Делать нечего, пришлось возвращаться на условленное место с пустыми руками. Приходит, а левый политик уж дожидается.

– Ну что, коллега, промыслил что-нибудь?

– Да вот нашел старый нумер «Московских ведомостей»⁸, и больше ничего!

Легли опять спать политики, да не спится им натошак...

Вдруг оба политика взглянули друг на друга: в глазах их светился зловещий огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание. Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья, раздался визг и оханье; но вид текущей крови как будто образумил их.

– С нами крестная сила! – сказали они оба разом, – ведь этак мы друг друга съедем! И как мы попали сюда?! Кто тот злодей, который над нами такую штуку сыграл?!

И вдруг правого политика озарило вдохновение...

– А что, – сказал он радостно, – если бы нам найти экономиста?

– То есть как же... экономиста?

– Ну, да, простого экономиста... какие обыкновенно бывают экономисты! Он бы нам сейчас и концепцию написал, монетарные правила составил!

– Гм... экономиста... но где же его взять, этого экономиста, когда его нет?

– Как нет экономиста – экономисты везде есть, стоит только поискать! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила обоих политиков, что они вскочили как встрепанные и пустились отыскивать экономиста.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, наконец, острый запах экономико-статистических расчетов⁹ навел их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову

⁶ Мэйнстринг намекает на положение страны меж двух океанов.

⁷ Правый политик олицетворяет здесь интеллектуала-европоцентриста.

⁸ Мэйнстринг настороженно относился к взглядам левого толка.

⁹ Как настоящий институционалист, Мэйнстринг не терпел эконометрических развлечений.

кулак, спал громаднейший экономист и самым нахальным образом уклонялся от написания программы первоочередных действий. Негодованию политиков предела не было.

– Спишь, лежебок! – накинулись они на него, – небось и ухом не ведешь, что тут два политика вторые сутки с голода умирают! Сейчас марш работать!

Встал экономист: видит, что политики строгие. Хотел было дать от них стрелка, но они так и закоченели, вцепившись в него.

И зачал он перед ними действовать.

Полез сперва-наперво на дерево и нарек его «импортозамещающим» – нарвал политикам по десятку самых кислых яблок, а себе взял одно, но зато – спелое. Потом покопался в земле (приговаривая – «ах, аграрный сектор») – и добыл оттуда картофелю; затем взял два куска дерева (приговаривая – «не выдай, сектор сервиса»), потер их друг об дружку – и извлек огонь. Потом из собственных волос (приговаривая – «ну, натуральное хозяйство») сделал силок и поймал рябчика. Наконец, развел огонь и напек столько разной провизии, что политикам пришло даже на мысль: «Не дать ли и тунеядцу частичку?»¹⁰.

Смотрели политики на эти старания экономиста, и сердца у них весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли с голоду, а думали: «Вот как оно хорошо быть политиками – нигде не пропадешь!»

– Довольны ли вы, господа политики? – спрашивал между тем экономист-лежебок.

– Довольны, любезный друг, видим твое усердие! – отвечали политики.

– Не позволите ли теперь отдохнуть?

– Отдохни, дружок, только своей прежде веревочку.

К вечеру веревка была готова. Этою веревкою политики привязали экономиста к дереву, чтоб не убежал, а сами легли спать.

Прошел день, прошел другой; экономист до того изловчился, что стал даже новые планы реинвестиций сочинять. Сделались наши политики веселые, рыхлые, сытые, белые. Стали говорить, что вот они здесь на всем готовом живут, а в Питтсбурге между тем пенсии ихние все накапливаются да накапливаются.

Долго ли, коротко ли, однако политики соскучились. Чаше и чаще стали они поминать об оставленных ими Институтах и Центрах.

– Что-то теперь делается в правой коалиции? – спрашивал правый политик левого.

– И не говорите, ваше превосходительство! Все сердце изныло о левой коалиции! – отвечал левый политик.

И начали они нудить экономиста: представь да представь их обратно.

И выстроил он такую бумагомарательную посудину, чтоб можно было океан-море переплыть.

– Ты смотри, однако, каналья, не утопи нас! – сказали политики, увидев покачивавшуюся на волнах ладью.

– Будьте покойны, господа политики, не впервой! – отвечал экономист и стал готовиться к отъезду.

Набрал экономист разных посулов и устал им дно лодочки. Уставши, уложил на дно политиков и, перекрестившись, поплыл. Сколько набрались страху политики во время пути от бурь да от кризисов разных, сколько они ругали экономиста за негодную ориентацию, – этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А экономист все гребет да гребет, да кормит политиков селедками да обещанием пожизненно критиковать либерализм в экономике и политике.

Вот, наконец, и Большая Земля. Всплеснул народ руками, увидевши, какие у них политики стали сытые, белые да веселые! Напились политики кофею, наелись сдобных булок. Поехали они в казначейство, и сколько там денег загребли – того ни в сказке сказать, ни пером описать!

Однако и об экономисте не забыли: выслали ему рюмку водки да пятак серебра – веселись, эксперт!

¹⁰ Мэйнстринг пародирует кейнсианскую трактовку антикризисного механизма.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

TERRA ECONOMICUS
(ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИКИ)

2015

Том 13

Номер 3

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

Адрес издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
Тел.: +7 (863) 218 40 00, 219 97 49, **e-mail:** info@sfedu.ru, **сайт:** <http://sfedu.ru/>

Адрес редакции: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88, к. 211
Тел.: +7 (863) 250 59 54, **e-mail:** terraeconomicus@mail.ru, **сайт журнала:** <http://te.sfedu.ru/>

Сдано в набор: 15.09.2015. Подписано в печать: 20.09.2015

Выход в свет: 25.09.2015

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура OfficinaSerif.

Печать офсетная. Усл. п. л. 18,30. Уч.-изд. л. 16,75.

Тираж 558 экз. Заказ № 52. С. 159

Свободная цена

Издательство «Наука-Спектр».

Адрес типографии: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140.
Т. 8 (863) 269-09-71.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии.